

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2023

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 3 (90) 2023

К читателю

Как жить вместе
Лена Немировская 5

Тема номера

Украина в новом мировом беспорядке.
Восстание всего мира против
Соединенных Штатов
Фиона Хилл 8

Спассти заключенных, не дать закрыть YouTube
Дмитрий Муратов 19

Дневник войны

Интервью: Рэйф Файнс о войне
в Украине и культуре отмены
Михаил Зыгарь 25

История и идеология

У войны – длинная тень
Валдис Биркавс 39

Опыт истории

Уральская республика:
о чем не принято вспоминать
Сергей Мошкин 49

Несовременная страна
Владислав Иноземцев 65

Памятные даты

Выступление на вручении премии в Стокгольме
Лев Шлосберг 82

Гражданское общество

Встреча с Адамом Михником 89

Горизонты понимания

- Подлинный кризис Церкви*
Владимир Зелинский 100
- Христос нигде никогда не говорил*
«Блаженны воюющие»
Татьяна Рыбакова 106

Наш анонс

- Власть в зеркале истории*
Джон Ллойд 115

Книги

- Большевик наизнанку*
Андрей Симбирцев 119
- Контрапункт*
Максим Горюнов 123

Nota bene

- «Упреждающий удар возмездия»*
Валерий Ширяев 131

*Как жить вместе**

*Лена Немировская,
соосновательница Школы
гражданского просвещения*

Дорогие организаторы «Брюссельского диалога», спасибо за приглашение!

Дорогие друзья!

Я выступаю от имени международной Школы гражданского просвещения, которая существует уже более 30 лет.

25 лет наша Школа работала в России, но после того, как в 2014 году Министерство юстиции внесло ее в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, мы были вынуждены переехать в страны Балтии, так как появилась возможность продолжать нашу работу со Стокгольмской школой экономики в Риге и с Европейским гуманитарным университетом в Вильнюсе.

Сегодня участниками школьных семинаров являются, как и прежде, молодые политики, гражданские активисты, журналисты, блогеры, научные работники из России, Беларуси, Украины, Молдовы, стран Закавказья, Центральной Азии. И я выступаю от имени всех изгнанных из России и Беларуси и от имени Украины. И буду говорить о нашей ответственности, так как считаю продолжающуюся войну преступлением не только против народа Украины, но и против России как страны и как современного общества.

Я говорю о крестовом походе, который Путин начал в стране против нормального современного образования, правового государства и демократии как в России, так и в Европе. И согласна с теми, кто считает,

** Выступление на конференции «Брюссельский диалог — круглый стол представителей ЕС и демократической России “На следующий день”», 6 июня 2023 г.*

что зло наказуемо и трибунал над этим злом должен состояться.

Украинцы борются за свою свободу, независимость и целостность своей страны. И мы все должны поддерживать эту борьбу. И борьбу за свободу в России.

Но также важно, чтобы каждый из нас научился решать конфликты мирным путем, слышать и понимать Другого.

Даже если нам не удастся достигнуть большего, мы будем двигаться в этом направлении. Все мы имеем право на жизнь и должны учиться жить вместе.

Понятие гражданского общества существует давно, но сегодня оно приобретает особое значение. Ведь демократия и гражданственность — это не то, что появилось и будет существовать без нас, без нашего участия.

На мой взгляд, гражданин — одна из центральных фигур современного мира. Гражданственность — это то, что можно добавить к любой культурной идентичности. Она не дана нам от рождения. Поэтому девиз нашей Школы: «Обществу граждан — гражданское просвещение!»

Цель гражданского просвещения, говорится в манифесте Школы, — сохранять либерально-демократический характер стран, в которых оно существует. Тогда как в авторитарных государствах современное гражданское общество рождается в противоборстве с репрессивным законодательством и коррумпированной бюрократией.

Задача гражданского просвещения — утверждать жизненные ценности и развивать человеческие способности к осмыслению происходящего. Только это может гарантировать выживание

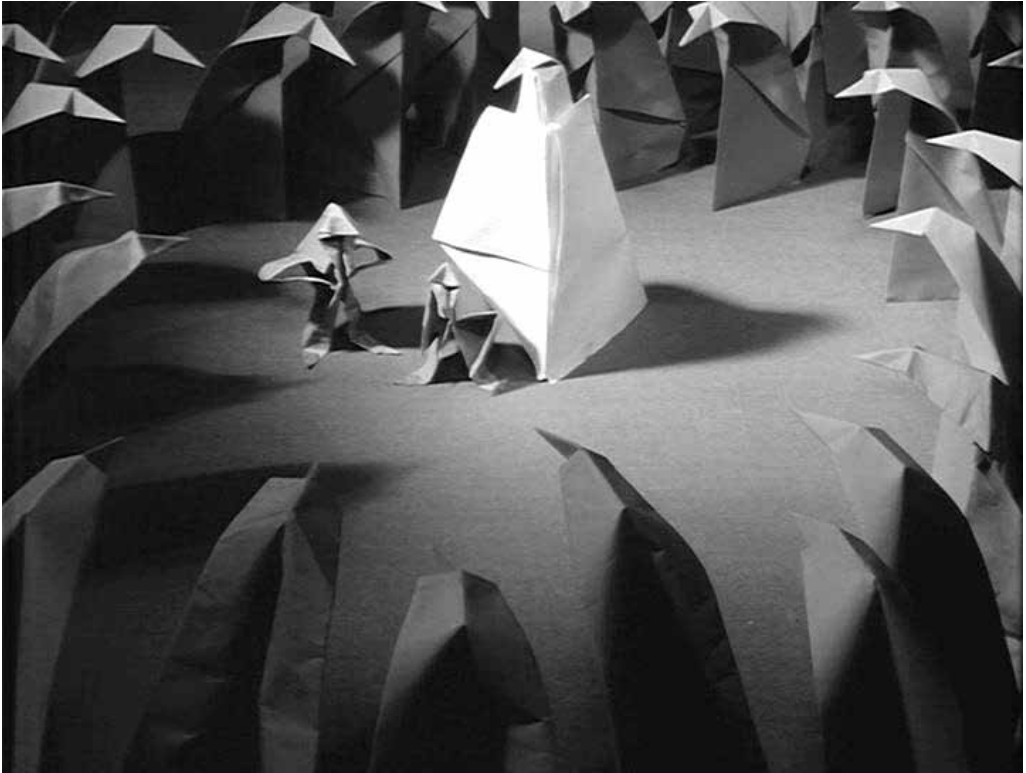
человечества в XXI веке с его технологическими, пандемическими и политическими угрозами.

Мне хочется напомнить, как реагировали в том числе и многие европейцы на возвращение Алексея Навального в январе 2021 года в Москву из Берлина, где он проходил лечение после отравления: «Зачем Навальный вернулся в Россию?», «Зачем вернулся Володя Кара-Мурза?», «Во имя чего началась путинская так называемая специальная военная операция?».

Продолжая свою мысль, подчеркну: я говорю от имени вернувшихся — Алексея Навального, Владимира Кара-Мурзы, от имени всех репрессированных. И позволю себе задать еще один вопрос: «Можно ли уже сегодня, когда идет война, начать преодоление последствий войны, безумно развязанной российской властью?»

Ведь именно они, эти люди, и есть символ преодоления. Поэтому ответ на поставленный вопрос я выражаю двумя словами: «пацифизм» и «космополитизм», имея в виду под пацифизмом антивоенное движение за культуру мира, а под космополитизмом философию глобального гражданства.

Сегодня много говорят об искусственном интеллекте и новых технологиях. Но все террористы, как и все участники вторжения в Украину, тоже пользуются современными телефонами. И мы видим, что владение телефоном и компьютером не делает человека существом понимающим. Поэтому наша гражданская задача не связана с надеждой на искусственный интеллект, на создание искусственной головы — мы стараемся помочь думать живой голове.

Гарри Бардин. Кадр из фильма «Адажио». 2001

Мы не должны забывать, что человек уже создал то, что может отменить этот мир в том его нормальном состоянии, которое нам позволяет существовать.

Повторю еще раз: главную задачу Школы мы видим в просвещении гражданина — свободной и ответственной личности, и появлении общества, не считающего государство хозяином или врагом.

Можно ли знать то, чему не учился и о чем не думал?

О государстве, которое может вызывать уважение, а не страх или ненависть своим произволом.

О власти, достигающей поставленных целей не из-за страха перед народом, а благодаря знанию и пониманию, как сохранить общественное спокойствие.

О важности свободы — во всех случаях жизни публично пользоваться своим умом.

Для этого нужны Школы гражданского просвещения. В этом смысл моего выступления.

Все больше стран чувствуют себя маргинализированными на мировой арене и перестают считать США моральным авторитетом, полагает Фиона Хилл, в недавнем прошлом сотрудник Совета национальной безопасности США. В мае 2023 года она выступила на конференции Леннарта Мери в Таллине и объяснила, почему война в Украине ослабляет США, каким образом это играет на руку России и как можно перестроить миропорядок, чтобы обеспечить справедливость для Украины.

Фиона Хилл,
старший научный сотрудник
Брукингского института
в Вашингтоне

Украина в новом мировом беспорядке

Восстание всего мира против
Соединенных Штатов

Война, развязанная Владимиром Путиным в Украине, постепенно приобрела глобальный характер. Вопреки утверждениям того же Путина, она не стала опосредованной войной между Соединенными Штатами или коллективным Западом и Россией. Вместо этого она превратилась в битву, в которой Россия и весь остальной мир восстают против Соединенных Штатов. Похоже, что война в Украине оказалась тем самым событием, которое делает крах Рах Americana очевидным для всех.

На пути к войне Россия умело использовала глубоко укоренившееся международное сопротивление, а в некоторых случаях и открытые вызовы продолжающемуся лидерству Америки в глобальных институтах. Причем Россия, стремящаяся выдать американское влияние из Европы, и Китай в своих попытках сдержать военное и экономическое присутствие США в Азии больше не были в этом одиноки.

Другие страны, которые традиционно считались колеблющимися — весь так называемый остальной мир, — теперь тоже захотели оказывать большее влияние на глобальные дела. Они хотят самостоятельно решать, что в их интересах, а не соглашаться с тем, что им продиктуют. В общем, в 2023 году во всем мире все громче звучит решительное «нет» господству США и заметен явный запрос на мироустройство без гегемона.

В этом контексте следующая итерация глобальной системы безопасности, политической и экономической системы будет формироваться не только Соединенными Штатами. Уже сейчас реальность выглядит иначе. Это не будет *порядок* — само это понятие по своей сути апеллирует к той же иерархии — и, вполне возможно, даже не *беспорядок*. Целый ряд стран выступают за создание новых договоренностей с учетом их собственных приоритетов. Нам как трансатлантическому сообществу, возможно, потребуется разработать новую терминологию, а также адаптировать наши подходы к внешней политике, чтобы иметь дело с горизонтальными сетями пересекающихся, а иногда и конкурирующих между собой структур. Мы вступили в эпоху, которую Самир Саран, президент Observer Research Foundation (Индия), назвал эпохой «партнерств с ограниченной ответственностью». Регионализация безопасности, торговых и политических альянсов усложняет наши стратегии национальной безопасности и планирование политики, но способно и приносить пользу, если мы сможем проявить гибкость и креативность, а не сопротивляться, когда дела идут не так, как нам хотелось бы. Как отметил британский эксперт по безопасности Нил Мелвин, нам нужно принять идею минилатерализма.

*Война в Украине
меняет мир
и всю систему
его устройства*

Леннарт Мери, которого мы вспоминаем и чествуем на этой конференции, продемонстрировал свою гибкость и креативность в столь же разрушительный момент для человечества, но в другую эпоху — в конце холодной войны. Можно сказать, что он предвосхитил то, через что мы проходим сейчас. В 1990-е Леннарт Мери продвигал идею о том, что быть европейцем или трансатлантистом не означает, что вы должны избавиться от своей самобытной эстонской идентичности или сбросить со счетов свой особый региональный контекст. Как опытный историк он понимал этот контекст до самой глубины души. Президент Мери стремился разработать многочисленные региональные и глобальные перспективы для Эстонии. Он отдавал приоритет отношениям с непосредственными соседями и Европой, с США и ООН. Отношения с США были для Мери особенно важными, потому что Вашингтон никогда не признавал советскую оккупацию стран Балтии после Второй мировой войны и способствовал освобождению Эстонии после 1991 года. Но Мери также твердо придерживался балтийского подхода в реализации эстонской внешней политики. Он никогда никоим образом не подчинял Эстонию большей державе. Президент Мери хорошо понимал, чего может достичь маленькая страна и почему. Очень точно эти особенности маленькой страны он выразил в своем известном высказывании: «По сравнению с Россией, Эстония — это инуитский каяк. Чтобы развернуться, супертанкеру потребуется 16 морских миль, а каяк может совершить поворот на 180 градусов в один момент».

Будь он здесь с нами сегодня, думаю, президент Мери признал бы, что война в Украине меняет мир и всю систему его устройства. Она обнажила все недостатки и линии разлома в международном порядке. Это не конфликт XXI века. Это ретроградная война, которая, как мы надеемся, станет последним спазмом европейских конвульсий, потрясших остальной мир в XX веке из-за прежнего меркантилистского господства Европы и ее имперских завоеваний. Путин и Москва борются в Украине за восстановление контроля над бывшей колониальной территорией, от которой сами отказались в конце XX века.

Путин считает, что Россия является не просто правопреемником, а «государством в континууме» Российской империи и Советского Союза. Именно в этом качестве мы все узнали Россию после распада СССР в декабре 1991 года. И этот факт многое объясняет в настоящем. Рос-

ссия — последняя континентальная империя в Европе. Первая мировая война разрушила Османскую и Австро-Венгерскую империи вместе с немецким кайзером и русским царем. Большевики воссоздали Россию как Советский Союз и насильственно удерживали многие прилегающие территориальные

владения. Вторая мировая война ознаменовала конец европейского колониализма и ускорила распад Британской империи, но Советский Союз снова расширился, вернув в свой состав Эстонию и другие страны Балтии и попытавшись сделать то же самое с Финляндией. Советы также установили новое господство над Восточной Европой после Второй мировой войны. Затем экспансионистское рвение СССР привело его к почти полувековой конфронтации с Соединенными Штатами, бывшей британской колонией. Советский Союз, как и его предшественница Российская империя, окончательно рухнул в конце этого периода холодной войны. Но не в сознании Владимира Путина и его соратников.

С 1991 года США, казалось бы, остались в одиночестве как глобальная сверхдержава. Но сегодня после двух напряженных десятилетий с военными интервенциями под руководством США и с непосредственным участием в региональных войнах война в Украине подчеркивает упадок самих Соединенных Штатов. В экономическом и военном отношении этот упадок можно назвать относительным, но он вполне серьезен с точки зрения морального авторитета США. К сожалению, собственные реакции и действия США подорвали их позиции после разрушительных террористических атак 11 сентября, как на то и рассчитывал Усама бен Ладен. «Усталость от Америки» и разочарование в ее роли глобального гегемона широко распространились по всему миру. Это относится и к самим Соединенным Штатам, что можно проследить по дискуссиям в Конгрессе и медиа, а также в дебатах аналитиков. Для кого-то США — несовершенный международный актер, у которого есть свои внутренние проблемы. Для кого-то это новая форма имперского

Война в Украине подчеркивает упадок самих Соединенных Штатов

Мурал в Багдаде. 2019

государства, которое игнорирует интересы других и злоупотребляет своей военной мощью.

В ближайшей перспективе это особенно пагубно для Украины. В глобальном масштабе война в Украине выглядит как одно из длинной череды драматических событий с 2001 года, инициированных Соединенными Штатами. Деспотичное ведение Америкой «войны с терроризмом» оттолкнуло большую часть мусульманского мира. Вторжение США в Ирак в 2003 году, а также в Афганистан возродило ужасы американской интервенции времен холодной войны в Корее и Вьетнаме. Бездействие США в конфликте в Йемене, а также выборочное вмешательство в Ливию и Сирию подчеркнули непоследовательность внешней политики США. Финансовый кризис 2008–2010 годов и Великая рецессия, за которыми последовали внутренние потрясения Америки и избрание Дональда Трампа в 2016 году, разрушили образ Америки как эталона демократии. Презрение Трампа к международным соглашениям и его вопиющий подход к пандемии, а также недавний уход администрации Байдена из Афганистана ставят под сомнение способность США к глобальному лидерству.

Ничто из этого не означает, что вторжение России в Украину выглядит положительно. Основы международного права по-прежнему являются универсальным принципом порядка, особенно для небольших государств. Страны по всему миру широко признали и осудили факты российской агрессии, в том числе многократным голосованием в Генассамблее ООН. Международный суд ООН, Международный уголовный

суд и другие международные инстанции подчеркивали, что Украина имеет юридическое, а не только моральное превосходство в войне. Жесткие зверства Москвы, наряду с ее военными провалами и неудачами, подорвали авторитет России. Но большинство государств и комментаторов оценивают действия России через призму своего отношения к Соединенным Штатам.

Международные инстанции подчеркивали, что Украина имеет юридическое, а не только моральное превосходство в войне

Украина, по сути, наказывается лишь за то, что США напрямую поддерживают ее усилия по защите и освобождению своей территории. На некоторых как международных, так и внутриамериканских дискуссионных площадках разговоры об Украине быстро перерастают в споры о поведении США в прошлом. Действия России рассматриваются поверхностно. «Россия делает то же самое, что и США» — так звучит один из главных аргументов. Да, Россия нарушила фундаментальный после 1945 года принцип запрета на войну и применение силы, закрепленный в статье 2 Устава ООН. Но США уже нарушили тот же самый принцип, когда 20 лет назад вторглись в Ирак.

Вотэбаутизм* — это не просто особенность российской риторики. Вторжение США в Ирак действительно повсеместно подорвало доверие к США и продолжает это делать. Для многих критиков Соединенных Штатов Ирак был последним в череде американских грехов, уходящих корнями во Вьетнам, и предвестником нынешних событий. Несмотря на то, что лишь крошечная горстка государств встала на сторону России в последовательных резолюциях ООН в Генеральной Ассамблее, значительное количество воздержавшихся, в число которых входят Китай и Индия, свидетельствует о недовольстве Соединенными Штатами. В результате жизненно важная задача восстановления запрета на войну и применение силы как важнейшего краеугольного камня международной системы теряется в трясине скептицизма и подозрений вокруг США.

На так называемом Глобальном Юге и в том, что я условно называю остальным миром, США воспринимаются совсем не как добродетельное

* Whataboutism (с англ. дословно — «какнасчётизм»), whataboutery — тактика, основанная на дискуссионном приеме *tu quoque* (с лат. — «и ты тоже») или подмене тезиса — ответ на аргумент с помощью смены объекта обсуждения с целью сфокусировать внимание на том, что кто-то поступает неправильно.

Эта тактика применялась Советским Союзом в ответ на критику, когда ответ начинался с выражений «А как насчет...», после чего следовало упоминание о схожих событиях в западном мире, что оправдывало предмет критики путем использования смысловой подмены. Используется и сегодня, чтобы заменить обсуждение одного вопроса обсуждением другого. Нередко сопровождается ссылкой на двойные стандарты. — *Прим. ред.*

государство, а, скорее, как высокомерное и лицемерное. Вера в международную систему (или системы), к созданию которой США приложили руку и которой затем руководили со времен Второй мировой войны, давно прошла. Элиты и жители многих из этих стран считают, что система была навязана им в период слабости, когда они только-только добивались своей независимости. Даже те, кто в целом выиграл от Pax Americana, считают, что Соединенные Штаты и коллективный Запад выиграли гораздо больше. Для них эта война направлена на защиту выгод и гегемонии Запада, а не на защиту Украины.

Ложные нарративы России о ее вторжении в Украину, а также о самих США находят отклик и укореняются во всем мире, ложась на эту благодатную почву. Российская дезинформация в данном случае больше похожа на информацию — она соответствует «фактам», какими их представляют другие.

Незападные элиты разделяют мнение некоторых западных аналитиков о том, что Россию спровоцировали или подтолкнули к войне сами Соединенные Штаты и расширение НАТО. Они возмущены силой доллара США и частым применением Вашингтоном финансовых санкций в карательных целях. США не консультировались с ними по этому раунду санкций против России. Они видят, что западные санкции ограничивают их поставки энергии и продовольствия и заставляют цены расти. Они возлагают вину за российскую блокаду Черного моря и преднамеренное нарушение мирового экспорта зерна на Соединенные Штаты, а не на фактического виновника, Владимира Путина. Они напоминают: никто не настаивал на введении санкций против США, когда они вторглись в Афганистан, а затем в Ирак, хотя те были против. Так почему же они должны поддержать США сейчас?

Глобальный Юг открыто сопротивляется призывам США и Европы к солидарности в отношении Украины. Это протест против того, что они считают коллективным Западом, доминирующим в международном дискурсе и навязывающим свои проблемы всем остальным, отмечая при этом их собственные приоритеты в области компенсации изменения климата, экономического развития и облегчения долгового бремени.

Весь остальной мир постоянно чувствует себя маргинализированным на мировой арене. Почему их называют Глобальным Югом, а раньше называли третьим миром или развивающимся миром? Почему они вообще остальной мир? Это мир, представляющий 6,5 миллиарда человек. Сама наша терминология пахнет колониализмом.

Движение неприсоединения эпохи холодной войны возродилось. Но сейчас это не столько сплоченное движение, сколько желание дистанцироваться, остаться в стороне от европейской неразберихи вокруг Украины. Но в то же время это очень четкая негативная реакция на американскую склонность определять миропорядок и принуждать страны

становиться на чью-либо сторону. Как недавно воскликнул один индийский собеседник по поводу Украины: «Это ваш конфликт!.. У нас другие насущные дела, свои собственные проблемы... Мы на своей земле и на своей стороне... Где вы, когда что-то идет не так у нас?» Большинство стран, в том числе многие в Европе, отвергают продвигаемый США нарратив о новом «соревновании великих держав» — геополитическом перетягивании каната между США и Китаем. Государства и элиты возмущены американским подходом «либо вы с нами, либо против нас», находите вы «на правильной или неправильной стороне истории» в эпической борьбе демократий против автократий.

Мало кто за пределами Европы принимает такой подход к Украине или геополитические ставки. Никто не хочет, чтобы их приписывали к новым искусственно навязанным блокам, никто не хочет быть вовлеченным в масштабное столкновение между Соединенными Штатами и Китаем. В отличие от США и ряда других стран, таких как Япония, Южная Корея и Индия, большинство государств не рассматривают Китай как прямую военную угрозу или угрозу безопасности. У них могут быть серьезные опасения по поводу грубого экономического и политического поведения Китая и его вопиющего нарушения прав человека, но они по-прежнему видят ценность Китая как торгового и инвестиционного партнера для своего будущего развития. Соединенные Штаты и Евросоюз не предлагают существенных альтернатив для страны, которая могла бы отвернуться от Китая, в том числе в сфере безопасности, и даже внутри Европы существует разное понимание того, как много поставлено на карту для отдельных стран в более широкой международной системе и в отношениях с Китаем.

За пределами Европы интерес к смене миропорядка выражен более явно. В этом контексте БРИКС, предлагающая своим членам альтернативу G7 и G20, теперь становится привлекательна для большего круга стран. Девятнадцать государств, включая Саудовскую Аравию и Иран, якобы проявили интерес к вступлению в организацию в преддверии ее недавнего саммита в апреле 2023 года. Страны рассматривают БРИКС (и другие подобные организации, такие как Шанхайская организация сотрудничества — ШОС) в качестве площадки с гибкими дипломатическими механизмами, открывающей возможности для новых стратегических союзов и торговли за пределами США и Европы. Однако у членов и претендентов на членство в БРИКС совершенно разные интересы. Мы должны учитывать это, поскольку стремимся найти решение для прекращения войны в Украине и поскольку мы уже изучаем виды структур и сетей, с которыми нам придется иметь дело в будущем.

Я собираюсь рассмотреть некоторые факторы, наиболее важные для размышлений об Украине в контексте БРИКС. Путин и Россия, безусловно, надеются, что война подорвала глобальное уравнение, сложившееся после 1945 года. Москва намерена выйти из войны, сосредоточившись

Йинка Шонибаре (Yinka Shonibare). Революционер-подросток. 2012

на расширении своей роли и влияния в многосторонних организациях, подобных БРИКС, из которых исключены США и коллективный Запад. Но стоит отметить, что внутри группы БРИКС именно из-за войны Россия воспринимается как все более зависимый от Китая и все менее независимый глобальный игрок.

Китай явно доминирует в БРИКС и хочет использовать эту организацию для укрепления собственных региональных и глобальных позиций. Пекин рассматривает США как врага своих амбиций, а Москву — как важный противовес Вашингтону. Китай не поддерживает российскую агрессию против Украины, но действия США в области безопасности, включая частые отсылки к Тайваню и фразу «Китай наблюдает за Украиной» в Конгрессе США, вызывают у Пекина опасения, что Вашингтон рассматривает войну в Украине как пробный шар перед столкновением с Китаем.

Бразилия считает Китай противовесом США. Как недавно сказал один бразильский собеседник, «Бразилия обречена на существование на континенте, где доминируют Соединенные Штаты». Как и в Китае, горячая американская риторика о войне в Украине сформировала восприятие конфликта в Бразилии. Некоторые бразильские элиты и официальные лица рассматривают ее как «первую опосредованную войну XXI века между США и Китаем». С их точки зрения, Россия уже подчинена Китаю и ослабла как актер за пределами своего региона.

Индия хочет играть более важную роль в Индийском океане, но, в отличие от Бразилии, видит в Китае реальную угрозу безопасности, особенно в Гималаях, на территорию которых претендуют обе страны. Для Нью-Дели Вашингтон — непостоянный источник поддержки, а Москва — крупный поставщик оружия и боеприпасов. Индия опасается зависимости России от Китая. Из всех стран — членов БРИКС Индия находится в самом затруднительном политическом положении. Она хочет следить за Китаем и Россией внутри БРИКС и при этом поддерживать отношения с США.

Южная Африка, с другой стороны, хочет развивать свои отношения как с Китаем, так и с Россией в рамках БРИКС. Для Южной Африки Китай является источником инвестиций и помощи в целях развития, тогда как Россия — продолжение СССР, который во время холодной войны

Долгосрочные перспективы Украины зависят от более широкой глобальной динамики и доброй воли других стран, в том числе членов БРИКС, а не только от военной, политической и экономической поддержки США и Европы

сыграл решающую роль в оказании помощи Африканскому национальному конгрессу в борьбе с апартеидом. В этом контексте Африканский национальный конгресс рассматривает Соединенные Штаты как новую имперскую державу и отвергает то, что он считает американской демонизацией России в войне в Украине.

Саудовская Аравия, одна из претендентов на членство в БРИКС, видит, что влияние США на Ближнем Востоке ослабевает после вывода их войск из Ирака, Сирии

и Афганистана. Стремясь присоединиться к БРИКС, Саудовская Аравия хочет воспользоваться глобальными изменениями в сферах власти и торговли. Китай — основной импортер ближневосточной нефти, крупный региональный инвестор и недавний посредник в отношениях Саудовской Аравии с Ираном и Йеменом. Для саудовцев Россия является фактором в энергетических расчетах на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии. Она предлагает им новые экономические возможности, поскольку российские предприятия переводят деньги и деятельность в регион Персидского залива, чтобы избежать западных санкций.

В то же время Иран, со своей стороны, отчаянно ищет экономическую помощь. Он видит в БРИКС возможность изменить свой статус регионального изгоя и развить недавнее сближение с Саудовской Аравией при посредничестве Китая. Тегеран считает, что война в Украине подорвала Европу как независимый источник власти и вновь подчинила ее Вашингтону. Иран чувствует слабость США в преддверии президентских выборов 2024 года и видит в этом шанс сыграть в другую международную игру. Иран уже поставляет Москве оружие, которое та использует против Украины.

С таким количеством повесток дня управление войной в Украине и другими важными вопросами, включая изменение климата, будущие пандемии и ядерное нераспространение, становится чрезвычайно трудным. Получается, что долгосрочные перспективы Украины зависят от более широкой глобальной динамики и доброй воли других стран, в том числе членов БРИКС, а не только от военной, политической и экономической поддержки США и Европы.

Из-за своих размеров и расположения Украина — это многорегиональное государство, безопасность которого будет определяться идеей Нила Мелвина о минилатерализме. Украина должна будет укрепить свои существующие отношения с США, Евросоюзом и НАТО, а также со своими соседями в Центральной и Восточной Европе, близкими партнерами в странах Балтии, в Скандинавии, Великобритании и Причерноморском регионе. Группы стран G7 и G20 также будут иметь решающее значение. Именно здесь внешнеполитический курс Украины усложняют упорно негативные глобальные взгляды США. Что будет, например, если Китай вместе с Ираном (и мы подозреваем, с Северной Кореей) поставит оружие России на почве вражды с США? Кроме того, есть НАТО. С тех пор как началась война и к НАТО захотели присоединиться Финляндия и Швеция, альянс стал главной движущей силой украинской и европейской безопасности. По крайней мере, на время конфликта продолжающиеся дебаты о европейской стратегической автономии отошли на второй план. Европа вернулась к тому состоянию, в котором она возлагала надежды на военную мощь США в 1945–1989 годах.

За пределами Европы и трансатлантической арены у НАТО есть проблема с имиджем, которую эксплуатирует Путин. После окончания холодной войны он упорно изображал НАТО как военное продолжение Соединенных Штатов и по своей сути антироссийскую организацию. В международных делах восприятие часто важнее, чем реальность. В отличие от Горбачева и Ельцина, Путин никогда всерьез не стремился договориться с НАТО. Для Путина США по-прежнему являются противником в холодной войне, а НАТО — провокацией. Путин активно подогревал опасения Китая по поводу того, что США расширяют структуры, подобные НАТО, в Азию; точно так же он подпитывал идею о том, что расширение НАТО является непосредственной причиной войны в Украине. Путин хочет, чтобы США и НАТО как за пределами Европы, так и внутри нее ушли с международной арены навсегда.

Все это означает, что нам нужен дипломатический рывок — искусное и терпеливое усилие наряду с жизненно важным военным направлением, — чтобы положить конец жестокой и бессмысленной войне, развязанной Россией. Украина нуждается в широкой глобальной поддержке.

*За пределами Европы
и трансатлантической
арены у НАТО есть
проблема с имиджем,
которую эксплуатирует
Путин*

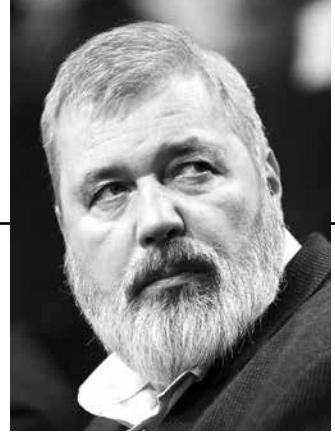
Мы должны дать отпор путинской дезинформации, а также антиамериканским и антинатовским нарративам. Соединенным Штатам и Европе необходимо будет вовлечь весь остальной мир в честный разговор о ставках в этой войне и активно прислушиваться к их мнениям и опасениям по конкретным вопросам. Учитывая несопоставимые взгляды и программы, нам придется применять поэтапный и более транзакционный подход для определения областей, в которых мы можем действовать сообща с другими государствами, а также с субъектами международного и частного секторов.

Так называемый Глобальный Юг по-прежнему считает ООН надежным и важным действующим лицом, но большинство стран хотят признать исключительную власть Совбеза и активизировать деятельность Генассамблеи по разработке новых механизмов для реальной борьбы с изменением климата и экономического развития. Поскольку ООН по-прежнему актуальна и пользуется всеобщим признанием как актор, нам также следует подумать о том, как мы можем решить эти проблемы. Где мы можем работать с ООН, чтобы оказывать техническую помощь, посредничество и координацию для Украины? Например, может ли Генассамблея ООН уравновесить Совбез ООН и каким-то образом ограничить права вето России и Китая? Какую роль могут сыграть МС и МУС, особенно с учетом недавнего решения Южной Африки остаться в МУС и предложить Путину не участвовать в саммите БРИКС в Йоханнесбурге, чтобы им не пришлось задерживать его в соответствии с мартовским ордером МУС на арест? Как мы могли бы опираться на кризисные интервенции под руководством ООН, такие как усилия Международного агентства по атомной энергии по обеспечению безопасности Запорожской атомной электростанции в Украине и Черноморская зерновая инициатива, чтобы превратить их в надежные долгосрочные решения в партнерстве с другими странами?

Наконец, если война в Украине привела к опосредованному восстанию против США, какие альтернативные субъекты могли бы получить поддержку для восстановления мира посредством коллективных действий? Все взоры в настоящее время прикованы к Китаю, но Индия исторически проявляет добрую волю во многих региональных контекстах, что может помочь найти точки соприкосновения с другими странами. Так уже поступают, например, Кения в Африке и Сингапур в Азии. В Европе у нас есть Скандинавские страны, которые никогда не создавали колоний в Африке или Азии. И, конечно же, у нас есть Эстония и другие страны Балтии, которые индивидуально и коллективно сыграли важную роль как в ЕС, так и в НАТО, стимулируя действия более крупных стран, а затем сохраняя их честность. Это момент Леннарта Мери. Нам нужна маневренность инуитского каяка, а не громоздкие повороты супертанкера... и не обремененная сверхдержава.

Российский лауреат Нобелевской премии мира **Дмитрий Муратов** 20 июня 2023 г. выступил на медиафоруме GMF в Бонне в качестве правозащитника и призвал, в частности, помочь молодым россиянам, покинувшим страну.

Спаси заключенных, не давай закрыть YouTube

Дмитрий Муратов,
главный редактор
«Новой газеты»

Я живу и работаю в Москве, и у меня нет для вас экспортного варианта выступления. Поскольку слово «война» в России запрещено, а слово «ад» еще разрешено, я буду пользоваться словом «ад».

Вчера Генеральная прокуратура России объявила, что ассоциация адвокатов «Агора» признана нежелательной организацией, то есть врагом народа. За сотрудничество с ней — тюрьма. Это означает: сотни людей, которых защищала «Агора», могут остаться без адвокатов. Вчера же, пока я летел сюда, начался очередной суд над оппозиционером и политическим деятелем Навальным. Его судят прямо в тюрьме. Ему грозит несколько десятков лет за политическую деятельность. Суд закрыт для прессы. Вообще с 2012 года за десять лет количество закрытых судов, куда не пускают прессу, увеличилось в десять... в двадцать пять раз. Была тысяча закрытых судов в год, а теперь двадцать пять тысяч. А количество оправдательных приговоров в российских судах равняется приблизительно нулю целым одной сотой процента. Что-то еще нужно спрашивать про судебную систему у меня? Это один из итогов того, что называется специальной военной операцией. Демонтаж судебной системы.

Специальная военная операция продолжается, но многие ее итоги, как ни странно, уже понятны. Я несколько этих итогов вам назову.

Никогда больше Украина и Россия не будут вместе. Никогда эти народы не будут братскими народами. Тем более когда один брат считает себя всегда старше.

Еще один итог — у нас в России совершенно великое географическое открытие. Если вы еще не знаете, я вас об этом уведомяю: Россия больше не Европа! Окно в Европу закрыто, и на нем установлены решетки.

Еще один итог — в России произошла смена Бога. Российская православная церковь поддержала специальную военную операцию и начала пропаганду смерти. Думаю, что заповедь «не убий» скоро будет признана глубоко ошибочной. Смерть за родину, а не жизнь за родину — вот новая религия. Только одна цитата — попробуйте ее понять, я вас очень прошу! — деятеля церкви... Он объясняет матерям, почему они плачут, когда им привозят тело убитого сына. Пока понятно, да? Протоиерей Васильев говорит: «Если бы вы не пользовались контрацептивами, то рожали бы больше, и ребенок у вас был бы не один, и не так страшно было бы с ним тогда расставаться». Это говорится в телевизионном эфире.

А вот священника Иоанна Ковалю лишают сана за то, что он в молитве заменил слово «победа» на слово «мир». У меня есть предположение, что отец Иоанн от церкви стал дальше, а к Богу стал ближе.

Еще один итог — это потеря поколения. Новое поколение, родившееся при Горбачеве и чуть позднее, не готово приносить себя в жертву. Это поколение строит будущее, в то время как власть в России пытается улучшить прошлое. Это потрясающее, уникальное поколение, это профессионалы, это люди с высокой эмпатией. Многие из них покинули родину, многие навсегда. Может быть, коллеги, вам будет интересно. Мы, наверное, знаем, кто уехал навсегда. Эти люди берут с собой домашних животных. В 26 раз увеличилось количество чипов для домашних животных, потому что люди уезжают навсегда. От 700 тысяч до миллиона людей, молодых людей, покинули Россию. Они не хотят убивать. И они не хотят быть убитыми. Я думаю, что сохранить это поколение для всех нас, а не только для России очень важно. Им надо помогать, их можно заносить в Красную книгу. А не отключать им банковские карты.

Самые сложные вопросы, которые мне часто задают: «Почему россияне молчат?», «Почему они не бунтуют?», «А что, все россияне рабы?». Я не буду уходить от этих вопросов и спрошу в ответ: «А где говорить?», «А где протестовать?». Митинги запрещены. Шестьсот политических заключенных в тюрьмах. 20 тысяч дел в отношении сторонников мира. Триста негосударственных медиа закрыты. В парламенте нет ни одного депутата, который выступает за мир. Те люди, которые сидят в тюрьмах, они должны вызывать наше уважение, сострадание и желание им помочь.

Я, в общем, приехал сюда, чтобы рассказать несколько коротких историй, у меня еще есть время. Я просил официально Красный Крест, пользуясь тем, что газета получила Нобелевскую премию: «Дорогой Красный Крест, прекратите в тюрьме пытки Алексея Навального, лидера непарламентской оппозиции! Он 165 суток из двух с половиной лет

Моника Сосновска. Пихтовое дерево. 2013

сидит не просто в тюрьме, а в тюрьме внутри тюрьмы». Это место, где из людей делают живых мертвецов. Красный Крест сказал, что он не может в это вмешаться, что их руководитель сейчас находится в Сирии. А их руководитель в это время находился в кабинете министра иностранных дел Сергея Лаврова.

Семь лет за слово из пяти букв, которое нельзя в России произносить (это первое слово из романа Льва Толстого, где второе слово «мир»), получил местный депутат Алексей Горинов. Ему 61 год. Он ученый. У него большие проблемы со здоровьем. Он посчитал возможным сказать, что когда идет кровавый бой, не время проводить конкурсы детских рисунков. Он получил за это семь лет тюрьмы.

Совсем незадолго до этого приговора он на улице подобрал собаку, бродячую собаку. После вынесения ему приговора собака никого не подпустила к себе и умерла от тоски и голода. Уместно ли мне здесь перед вами во время этой страшной трагедии говорить об одной собаке? Я вам хочу сказать «да». Потому что в этой истории звери благороднее судей и благороднее палачей.

Эван Гершкович — наш с вами коллега, корреспондент *The Wall Street Journal*, его все знают, его вся Москва отлично знает. Он любит страну, где работает, он прекрасный журналист. Он никогда, ни одного раза не шпион. Его посадили за шпионаж. Предыдущий раз журналисту Сафронову за шпионаж дали 25 лет [так в речи, на самом деле 22 года]. Я хочу, чтобы мы с вами уже начали громко говорить: «Господа политики, вы собираетесь уже обменивать политзаключенных на тех, кто находится в тюрьмах в ваших странах?»

Двадцать пять лет лагерей получил политик Владимир Кара-Мурза. Он один из создателей акта Магнитского. Может быть, вы помните — это когда ввели санкции против чиновников в России за коррупцию. Магнитский обнаружил, что они украли 280 миллионов долларов. Этот акт готовил Владимир Кара-Мурза. Под санкции попал тогда судья Сергей Подопригоров. Он отправил Магнитского на смерть. Я захожу в зал суда. Процесс закрытый, но я свидетель. Я захожу в зал суда — и хорошо, что вы сидите, — знаете, кого я вижу? Процесс по Кара-Мурзе ведет судья Подопригоров. И он дает Кара-Мурзе 25 лет. И что, это не месть?

У Кара-Мурзы отказывают ноги, он потерял двадцать килограммов. Ему за год не дали возможности даже позвонить своим трем детям, ни одного раза.

Лилия Чанышева. Это красивая сорокалетняя женщина. Ее вина в том, что она занималась политикой в штабе оппозиционера Навального. Она никого не убила, она не украла, она не насильник. Она гражданский активист. Вы когда-нибудь видели, как сходят с ума от любви и несправедливости? Вот я видел. Ее муж Алмаз Гатин сходит с ума. Он каждый день ждет ее у ворот тюрьмы с цветами. В своем последнем слове Лилия не говорила о себе. Про себя она сказала лишь одну фразу. Она

сказала: «Если мне дадут срок, посадят в тюрьму, я не успею родить ребенка. Дайте мне шанс стать мамой». Судья Бекчурин не дал этих шансов Чанышевой. Она получила семь с половиной лет. Жестокость нынче и есть государственный патриотизм. Зло стало подвигом.

По обвинению в терроризме за решетку брошены Женя Беркович и Светлана Петрийчук. Их пьеса получила высшую театральную премию России, театральный «Оскар» — «Золотую маску». Но некий эксперт написал, что они «против андроцентричного государства Россия». Что такое андроцентричное государство? Мужское государство. Что Беркович и Петрийчук против построения мужского государства в России. А феминизм и пацифизм признаны преступлением. Им грозит огромный срок, они в тюрьме.

Кроме того, многочисленные ультраправые нацисты свободно обсуждают еврейское происхождение Беркович. В России лет тридцать и больше нет государственного антисемитизма. Путин, конечно, не антисемит. Никто его в этом упрекнуть не может. Но неонацисты начали участвовать в формировании политической повестки в России. Они вышли из подполья.

У меня сегодня спросил кто-то: а что, репрессии уже такие масштабные, как при Сталине? Конечно, по количеству арестов, а тем более расстрелов, безусловно, нет. Но есть у репрессий одно свойство: репрессии — это когда никто не знает, за кем придут сегодня ночью.

Мне пора заканчивать. Сейчас за будущее идет борьба. Идет борьба за то, каким будет общество. Кто победит — хунта или свободные граждане. Программу хунты сформулировал, пожалуй, самый популярный руководитель частной военной компании, миллиардер, суперменеджер Евгений Пригожин. Напомню его программу, он ее изложил: «Хватит строить мосты и театры. Вся Россия должна работать на оборонных заводах. На время Россия должна стать Северной Кореей. Детей элиты вернуть обратно из-за границы в Россию. Провести всеобщую мобилизацию. Закрывать границы».

Да, это программа военной хунты. Хочу вам сказать, что это будет новый тип хунты. Она произойдет без свержения действующего президента. Такой будет государственный переворот без смены власти. Сразу могу вам сказать: когда говорят, много ли людей поддерживает Путина, типа никто его не поддерживает — это неправда. Старшее поколение поддерживает Владимира Путина. Старшее поколение — его опора. Ему есть на кого опираться. Это поколение брошенных стариков, которые снова хотят ощутить жизнь, которые снова хотят внести свой вклад в величие родины. Путин это отлично чувствует.

Кто же противостоит возможной хунте, этим вооруженным людям? Как это ни странно, только возможность говорить правду может противостоять вооруженным людям, которые претендуют на власть. Господа, не дайте закрыть ютьюб, не дайте закрыть «Википедию»! Это последняя

возможность доставлять контент, который создают журналисты. В XIX — начале XX века отравляли почтовых голубей, чтобы армия не получала донесения. Вот сейчас могут и хотят уничтожить и ютьюб, и «Википедию», и VPN, сервисы обхода блокировок. Как это ни странно, инженеры сегодня и есть основа борьбы за свободу слова, инженеры против диктаторов — вот главное в антивоенном движении.

И последнее. Ровно минуту прошу. Дадите мне минуту? Спасибо. ЮНИСЕФ, организация по защите детей ООН, готова заняться участью и возвращением украинских детей. Мне известно, что Россия и Украина относятся к этому хорошо. Давайте поддержим усилия ЮНИСЕФ для того, чтобы украинские дети могли вернуться к родителям и на родину!

Еще одно. Вот Украина и вот Россия. Только два человека из официальных лиц могут говорить друг с другом. Это уполномоченный по правам человека в Украине Дмитрий Лубинец и уполномоченная по правам человека в России Татьяна Москалькова. Когда-нибудь про них снимут кино, как эти два разных человека, находящиеся в состоянии жесткого конфликта, служат разным президентам, но они обменяли сотни и сотни пленных. Они уже сумели обменять сотни пленных. Эти люди не любят друг друга, но они делают огромную важную работу. Давайте поддержим омбудсменов! Даже в этом аду надо уменьшать количество вдов и сирот.

По российскому телевидению за последние две недели двести раз сказали о том, что... возможно... и как нужно применять ядерное оружие. Двести раз. За две недели. Это уже похоже на рекламу собачьего корма. Нажмет Владимир Путин кнопку или не нажмет, никто из нас не знает. Будет ли у нас возможность, как говорил солдат Швейк, «встретиться в шесть часов вечера после войны»? Когда это «после»? И будет ли у нас такая возможность? Но давайте вот это оставшееся время проживем по-человечески!

Я обращаюсь к вам с просьбой. Есть блестящие украинские репортеры Мстислав Чернов и Евгений Малолетка и их съемочная группа. Они сняли блестящий фильм «Двадцать дней в Мариуполе». Они были последние журналисты, оставшиеся в этом погибающем городе. Судьба репортеров и судьба людей, которых они снимали, была одна и та же судьба. Они могли умереть в любую секунду. Они не были наблюдателями. Они были внутри трагедии. Украинские репортеры хотят учредить премию украинским документалистам. Тем людям, которые сейчас снимают на фронте. Снимают трагедию этого ада. Давайте их поддержим! Я обращаюсь к Deutsche Welle: давайте поддержим идею Мстислава Чернова и Евгения Малолетки! Тогда, может, у нас будет «шесть часов вечера после войны».

Рэйф Файнс о войне в Украине и культуре отмены*

Михаил Зыгарь: В последнее время я пытаюсь разговаривать с людьми, у которых самые разные точки зрения — не только на происходящее сегодня, но и на то, каким будет мир в будущем, со всеми теми изменениями, которые мы, к сожалению, наблюдаем. Ясно, что у каждого из нас непохожие взгляды на то, что происходит и как и почему это все на нас влияет.

Можете ли вы рассказать, как это повлияло на вас? Насколько сильно ваша жизнь изменилась после трагедии, которая сейчас совершается?

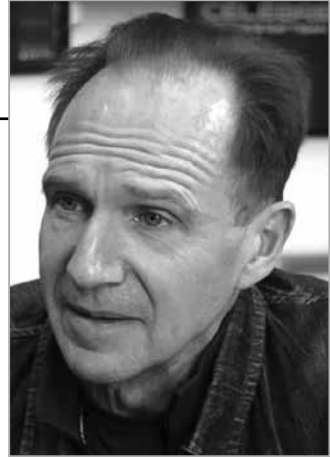
Рэйф Файнс: Вы имеете в виду вторжение в Украину?

Да, это очевидно — были недели и месяцы ожидания, и новости были полны сообщений о наращивании российских сил вокруг границы. Из-за этого нас не покидало предчувствие: что-то обязательно произойдет.

Я был очень подавлен и глубоко опечален. Не думал, что когда-либо такое случится. Конечно, в нашей жизни уже бывали и другие кошмарные события вроде вторжения в Ирак (которое я считаю ошибочным) и гражданской войны в Сирии.

Возможно, у меня такое ощущение из-за моей дружбы со многими и русскими, и украинцами, которые, как мне показалось, испытали чувство онемения и находятся в депрессии, в состоянии крайнего беспокойства по поводу того, что сегодня происходит. Мне трудно подобрать нужные слова. В данном случае я ничем не отличаюсь от тех людей, кто сейчас читает новости об убийствах и бомбежках на Украине, совершенных российскими военными. Это просто разрывает сердце.

Для меня война — это какая-то непристойность, грязь. Меня ставит в тупик, что через сто лет

Рэйф Файнс, английский актер, продюсер, режиссер, эксперт Школы

Михаил Зыгарь, российский писатель, режиссер, журналист

* Интервью Михаила Зыгаря с Рэйфом Файнсом // YouTube. 29.04.2022. <https://www.youtube.com/watch?v=rx3BVFiUsVc>

непрерывных ужасных войн: двух мировых, войны во Вьетнаме, войны на Ближнем Востоке, войны против ИГИЛ и других по всему миру — до сих пор посылают танки в страны Европы, направляют ракеты на железнодорожные станции. Это все еще *происходит!* Неужели это лучшее, на что способен человек? Это на самом деле наш уровень? Что тут сказать...

Читая новости об Украине, мы задаемся вопросом: да может ли вообще существовать искусство, когда происходит такое?

Когда война началась, для меня было крайне важно связаться с друзьями, которые у меня есть в России. Человек тянется к дружбе и к людям, с которыми у него есть какая-то связь. И все мои друзья были просто раздавлены, они были в слезах, шокированы, они не могли в это поверить. При этом мы видим, что российскими

СМИ жестко управляют сверху, чтобы люди не сомневались. Наверное, мы и эти люди читаем совсем разные новости.

М. З.: *Знаете, я обсуждал нынешние события со многими моими друзьями и деятелями культуры, художниками, писателями из России. И несколько из них упоминали высказывание знаменитого немецкого философа Теодора Адорно о том, что после Освенцима поэзия уже невозможна. Именно это чувство испытывали многие русские после случившегося в Буче, например. Как, по-вашему, война повлияет на искусство? И каким вообще может быть русское искусство после такой страшной войны?*

Р. Ф.: Я полагаю, что первое, что мы чувствуем, — это онемение. Раньше у нас был хоть какой-то фундамент и мы понимали смысл того, что делаем — например, когда наслаждаемся искусством, читаем книги, ходим в театр... Я вот в Лондоне участвую в спектакле, люди приходят на него. А сейчас все это можно просто выкинуть. Начинаешь задумываться: действительно ли людям нужно искусство? И что же мы на самом деле ценим?

Читая новости об Украине, мы задаемся вопросом: да может ли вообще существовать искусство, когда происходит такое? Что при этом испытывает человеческий разум? Казалось, что искусство имеет ценность, что оно призвано просвещать человеческую душу, отражать нас самих; нам важно переживать катарсис в театре, встречаться с великими произведениями литературы. Может быть, это дает нам некое просветление или осмысленность существования, принятие нашей смертности, заставляет воспринимать какие-то этические ценности. Но когда происходят такие вещи, как в Украине (а ведь это так близко, и это поражает!), тогда я могу понять слова Адорно.

Какое значение сейчас имеет поэзия, если ты *немой*, если ты *онемел* — вот слово, которое постоянно приходит мне на ум. *Онемение*. Но потом мы видим клип, в котором играет молодая украинская виолончелистка или скрипачка. И я понимаю, что искусство и становится таким

Кадр из интервью на YouTube. 2022

местом, где нам нужно услышать нечто важное или столкнуться с тем, что выводит нас за пределы привычного восприятия.

Я сейчас вспомнил о концертах, которые проходили, кажется, в Сараево во время бомбардировки, и думаю, что именно к музыке люди тянутся, чтобы как-то смириться с ужасом.

Вы можете либо позволить новостям повлиять на вас, либо просто жить как ни в чем не бывало. Я сам стал каким-то наркоманом: все время тянусь к телефону, чтобы посмотреть, что происходит...

М. З.: Причина в том, что вы связаны с российской культурой? Вы много раз бывали в России; в британско-американском фильме «Онегин», снимавшемся в Санкт-Петербурге, играли главного героя. Именно поэтому на вас так повлияло все происходящее и в Украине, и в России? Или это затронуло всех людей в Британии? Как вам кажется, насколько эта трагедия важна для Западной Европы, для западной культуры?

*Национальность
всегда играет роль,
но лучшее в дружбе —
это человеческая связь*

Р. Ф.: В последние несколько лет англоязычные СМИ были полны подозрений в отношении Путина — здесь, в Солсбери, у нас были отравления. Так что существует *антипатия* к Российскому государству (если вы следите за новостями, то поймете), и до сих пор меня это сильно расстраивало. Ведь я работал в России над фильмами, у меня русские друзья, чья дружба очень ценна для меня, и у меня был счастливый опыт работы с ними. Конечно, возникла *человеческая связь*. Национальность всегда играет роль, но лучшее в дружбе — это *человеческая связь*. Поэтому когда я общаюсь с другом из России, то он для меня не *русский друг* — он просто мой *друг*.

Думаю, есть люди, которые больше понимают происходящее сейчас в России. Я считал (возможно, наивно), что, несмотря на авторитарный

режим, было плавное движение в сторону какой-то открытости. Но теперь видно, что путинский режим все жестче и жестче подавляет свободное выражение мнения. Ведь, в отличие от России, у нас здесь была и остается свобода слова: я могу открыто протестовать против правительства Бориса Джонсона, и меня за это не арестуют — мы принимаем это как должное.

Печально видеть, что нынешний режим в России стал гнетущим грузом. Война сделала этот гнет еще тяжелее. Скорее всего, нам придется еще долго ждать, прежде чем в России произойдет какой-то серьезный

Здоровье нации — это здоровье ее оппозиции

сдвиг, который позволит свободно высказываться. Вы независимый журналист, и мы оба знаем людей, которые говорили и писали — и были вынуждены покинуть страну.

Нас объединяет то, что называется «цивилизованным обменом мнениями». Но в России ведь подавляется любой независимый взгляд, и меня это глубоко удручает, потому что здоровье нации — это здоровье ее оппозиции. Для любых общественных улучшений важна оппозиция. Я думаю, что самые здоровые нации должны иметь здоровую оппозицию, у которой есть голос. А как только оппозицию убивают, остается только власть, ее мощь и гнет. И для меня это движение назад.

Мне приводили такие аргументы: мол, в России всегда был царь, и, мол, России это нужно. «Ты не понимаешь, Рэйф, как устроена Россия. Нам нужен сильный, жесткий человек».

М. З.: *Вы это слышали от самих русских? Что, правда?! О боже!*

Р. Ф.: Да. И якобы такой Россия была всегда.

М. З.: *Конечно, есть россияне, которые в это верят. Есть и европейцы, которые верят в то, что «такова судьба России» и что Россия обречена быть диктатурой. Но если говорить о тех независимых художниках, журналистах, кинематографистах, которые уехали из России, я не могу не упомянуть о фильме, который вы сняли. Он называется «Нуреев. Белый ворон», о Рудольфе Нурееве, бежавшем из Советского Союза. Нет ли у вас ощущения, что история, которую вы рассказали в своем фильме, повторяется снова и снова? Снимая этот фильм, вы ожидали, что кого-то из ваших российских друзей ждет такая же судьба?*

Р. Ф.: Нет, я не мог себе этого представить. Я видел, что нынешнее руководство репрессивное. И, хотя мы искали финансирование в России, денег на фильм не дали. Правда, немного помогли с премьерой. Я чувствовал, что этот танцор балета, который был геем и который уехал из России, не был для властей *подходящей фигурой*. Но они не мешали нашим съемкам. Мы сняли несколько сцен в Санкт-Петербурге, и все было отлично. Мы справились со всеми трудностями, но...

М. З.: *То есть в России вы сняли всего несколько сцен? Вы не собирались весь фильм снимать в России?*

Р. Ф.: Нет, большую часть мы тогда сняли в Сербии. Габи [Gabrielle Tana], продюсер фильма, в конце концов приняла правильное решение. Но это уже другая история. Слишком сложно снимать в России по разным причинам. Мы сделали фильм «Кориолан» в Сербии — это было очень удачно с точки зрения эффективности производства. И поэтому я думаю, что решение Габи было правильным. Помогло то, что между Россией и Сербией можно было свободно перемещаться, не было необходимости делать визу, так что российские актеры могли приезжать в Сербию. Это было хорошее решение.

Но, возвращаясь к вашему вопросу о «Белом вороне»... Для меня было важно снять фильм не о балете, а о художнике. О сложном художнике, не каком-то «святом». Он был непростым человеком, грубым и сложным, но гениальным. У него было стремление сделать общество открытым. Он видел общество открытым. И когда он уехал во Францию, он увидел жизнь и понял, что так и должно быть, *такой* должна быть жизнь! И мне всегда это казалось очень трогательным.

Фильм нечто большее, чем просто история о том, как человек вырвался из Советского Союза. Для меня она символически была связана с потребностью художника в свободе самовыражения — «вырваться» в смысле «проявить смелость, смело заявить о том, кто ты есть», даже если это означает, что ты покинешь свою родину.

М. З.: *Как вы думаете, что может произойти с российскими художниками, которые сейчас уезжают? Они покидают Россию и в то же время они все, наверное, боятся, что им здесь не будут рады.*

Р. Ф.: Вопрос действительно важный. В такой ситуации возникает коллективный *праведный гнев*. А праведный гнев очень опасен, потому что он быстро становится бездумным.

М. З.: *Я как раз вчера гулял по Лондону и недалеко отсюда видел огромный плакат, на котором было написано: «Все русские виноваты».*

Р. Ф.: Такие вещи просто шокируют меня. И это как раз то, о чем я говорю: праведный гнев заставляет человека глупеть. «Они ведь все виноваты! Все виноваты, все не правы — все русские!» И вот тут-то нам и нужно быть мудрее в видении нашего будущего. Глупо осуждать всех русских. Я думаю, мы должны четко заявить, что мы осуждаем *путинскую власть*. Эта война — зло. Когда я вижу трупы в Буче, ракеты, падающие в железнодорожный вокзал, я просто не могу понять все эти рассуждения: «Украинцы — наши братья», «Киев некогда был центром Древней Руси». Я отказываюсь принимать все эти бомбы и убийства.

Так что, конечно, гнев есть, но огульное обвинение всех русских ничему не помогает. Я с уважением отношусь к тем россиянам, кто, рискуя, публично высказался против войны, к тем, кому пришлось покинуть свой дом, оставить средства к существованию и искать другую жизнь.

Важно сейчас, что мы признаем необходимость и дальше вести диалог. Нам нужно поддерживать эти связи, потому что за ними будущее. И для России в том числе. Мне кажется, что и некоторые мировые лидеры говорили об этом. По-моему, даже Борис Джонсон, к которому у меня есть много претензий, сказал, что эта война против режима Путина, а не против российского народа.

М. З.: *Помню, как он обращался к россиянам на русском языке: «Я не верю, что эта война — ваше решение».*

Р. Ф.: Да, так и есть. Но как раз сейчас мы и проходим через фазу коллективного гнева. Когда люди заявляют: «Я больше не хочу читать Достоевского», это говорят эмоции, а не разум.

Я надеюсь, что в какой-то момент наступит мир. Я просто надеюсь, что на позициях влияния и власти — будь то медиа или политика — окажутся мудрые люди, умеющие предвидеть развитие ситуации и по-

*Нам нужны те, кто
в состоянии сказать:
«Мы не можем просто
осудить всех русских»*

нимающие, что им на смену придет другое поколение. Но в первую очередь *мы* должны быть сильными. Поэтому надо поразмыслить: а что мы ценим? Мы должны очень четко осознавать, куда мы движемся. Я ведь тоже куда-то стремлюсь: у меня есть хорошая жизнь в Лондоне, у

меня работа, но такие события заставляют остановиться и задуматься. Надо быть сильными, чтобы сохранить то, что у нас есть. И для этого нужна определенная решимость. В политике нам необходимы умные, правильные лидеры, которые не были бы популистами. А где они?

Знаете, у нас здесь очень высокий спрос на популизм. Многие политики заигрывают с националистическими настроениями, потакают самым низменным чувствам, опять-таки разжигая этот праведный гнев. Это ведет к сильному упрощению. На самом деле общество всегда очень сложное, оно постоянно меняется, оно движется. А политики подыгрывают крайне примитивным эмоциям, и это как конфетка — люди охотно ее проглатывают: «Да-да, вот я и нашел то, что мне действительно не нравится». Это обесценивание нашей политической культуры.

Поэтому я полагаю (возможно, мое понимание наивно), что лучшее искусство то, которое подталкивает к размышлению. Мне верится, что у нас есть молодые писатели, музыканты, актеры, режиссеры, которые поддерживают этот интеллектуальный дискурс с помощью произведений искусства, интеллектуальных художественных приемов, которые признают сложность человеческого бытия.

Это трудно, потому что люди парадоксальны, двойственны и противоречивы, а политики ведь любят все упрощать. Нам нужны те, кто может говорить от имени общества, кто в состоянии сказать: «Тут нет простого ответа. Мы не можем просто осудить всех русских». Понимаете, есть такие русские, как вы, которые высказываются независимо,

Кадр из фильма «Нуреев. Белый ворон». 2018

которые могут выступить и сказать: «Эта война — зло». Поверхностные суждения всегда очень вредят, хотя подчас они бывают полезны для политиков.

М. З.: Вас можно назвать очень большим «экспертом» по злу, ну и еще по нацизму, наверное, тоже, потому что вы сыграли нескольких, пожалуй, самых знаковых злодеев в истории современного кино. Я имею в виду прежде всего вашего персонажа из фильма «Список Шиндлера». Готовясь к этой роли, вы, видимо, много читали о нацистском режиме, о том периоде в истории Германии. Как вы думаете, любой человек способен совершить какое-то ужасное преступление? Заложено ли в той или иной степени зло внутри человека, в его человеческой природе? И возможно ли, что при определенных обстоятельствах, под влиянием массового психоза, массовой приверженности нацизму любой человек вольется в общий поток безумия?

Р. Ф.: Да, я помню, как исследовал биографию этого персонажа, Амона Гета, и подъем национал-социализма, огромную привлекательность и популярность фашизма как «бренда», который продвигал Гитлер, и отвратительный антисемитизм. Гитлер умел управлять собственным «брендом». С трибуны как бы говорится: «Вы великие, замечательные, а вон те люди пытаются вас уничтожить», это видно сейчас на примере режима Путина. Любой дискурс упрощается: «Если ты не согласен со мной, ты предатель страны». Ну и Гитлер делал то же самое!

Есть много хороших людей, далеко не все по своей природе жестоки и жаждут разрушения. Людям просто нравится быть в стаде: они чувствуют себя в безопасности вместе с теми, кто думает как они. И поэтому — да, полагаю, что *многие* люди могут стать объектом манипуляции. Мы все способны этому поддаться.

М. З.: *Вы чувствуете угрозу роста национализма в Великобритании?*

Р. Ф.: Я даже не знаю. Националистическая карта уже была в значительной степени разыграна. Я был против брекзита, я и сейчас против. Сколько бы ни было недостатков у Евросоюза, я всегда считал, что важно ощущение коллектива работающих демократий — открытых демократий с общими экономическими интересами и общей верой в прозрачную передачу власти. Я чувствовал с этой идеей эмоциональную связь, и я по-прежнему ее ощущаю.

А тогдашнее правительство заигрывало с популистскими настроениями, с национализмом. Не все со мной согласятся, но, по-моему, тогда подогрелось именно это чувство: «Мы не хотим быть частью Европы». И Борис Джонсон вместе со многими возглавил очень энергичную кампанию по отказу от Евросоюза. Теперь они сожалеют, потому что с такими сложными таможенными законами не преодолеть проблем с границами и возникающих одновременно проблем с беженцами. Они не могут также сотрудничать с французами, потому что французы не настолько в этом заинтересованы. У нас нет многих общих с ЕС законов. Ирландия остается проблемой.

Я не экономический эксперт, но на уровне чувств я уверен, что быть частью Европы — это хорошо, и мне кажется, что раздувать националистические настроения для отделения от Европы — это шаг назад. Я в принципе презрительно отношусь к национализму.

Конечно, мы все кого-то поддерживаем: я вот, например, могу болеть за английскую футбольную сборную, хотя и не настолько интересуюсь футболом. И все же для меня великие художники выходят за рамки своей национальности, потому что они говорят о чем-то человеческом, они говорят что-то о человечестве. Сейчас это, вероятно, *вызов* для общества, когда культура какой-то определенной страны становится частью бренда нации.

Вот, например, Чайковский как будто бы является своего рода российским брендом. Но я бы сказал, что Чайковского — даже не самого Чайковского, а дух его музыки — может воспринимать любой человек. Мы не нуждаемся в том, чтобы руководство Российского государства сказало нам, насколько эта музыка великая. Это все равно что Шекспир: он больше, чем что-либо другое английское. Шекспир — это как Сократ для Греции.

М. З.: *Кстати, русские часто говорят о какой-то «особенной русской идентичности», «уникальном, особом историческом пути России». И в*

то же время многие русские на протяжении долгих лет жаловались, что Запад относится к России очень предвзято. Например, в кино русские персонажи всегда такие идеальные злодеи: серийные убийцы, плохие парни.

Р. Ф.: Я согласен, что это ужасно. Ужасное обесценивание, глупое упрощение, просто оскорбительное. Да, мы видели много фильмов, где русские — гангстеры и злодеи. Это упрощение. Есть русские гангстеры, есть английские гангстеры. И вообще-то у нас есть наши английские фильмы про полицейских, если уж говорить о том, как культура впитывает характерные типажи...

М. З.: *А как вы думаете, могла ли такая традиция изображения русских отчасти способствовать тому, чтобы разрыв между сегодняшней Россией и Западом был еще более глубоким?*

Р. Ф.: Повлиял ли на этот разрыв столь тривиальный образ русских в кино?

М. З.: *Да. Становилось всё больше предрассудков в отношении русских и одновременно все больше предрассудков у самих русских в отношении Запада. «Ну, если на Западе нас показывают такими жестокими, тупыми злодеями, то, наверное, они нас ненавидят» — так думают многие русские. Я несколько раз слышал, что люди в России были оскорблены, например, вашим последним фильмом *The King's Man*. Они говорили, что Распутин, Ленин, Николай II были совсем не такими, все в истории было по-другому.*

Р. Ф.: У меня было много разговоров с режиссером по этому поводу. Я сказал, что многие русские сочтут это большим упрощением. И он ответил что-то вроде: «Да, но зато это может развлечь зрителя».

Думаю, это не помогает взаимопониманию. Есть определенные жанры фильмов, которые всегда будут продавливать определенный типаж. Например, в индийских фильмах тип англичанина сведен к ухмыляющемуся офицеру колониальной эпохи. Естественно, возмущает, что персонаж, якобы твой соотечественник, сведен к примитивному клише.

Русские в западных фильмах — вы правы — изображаются стереотипно: как правило, в них присутствует грубость и нет настоящей любознательности и цельности. Часто продюсеры и режиссеры говорят: «Но это ведь хорошая история, есть классный герой — русский гангстер, и потом мы еще возьмем героиню-ирландку...» — и нередко вообще не задумываются, в чем, собственно, суть фильма.

Это не коллективная национальная или культурная антипатия, просто людям подчас сложно выйти за пределы привычного представления о действительности. «Ну супер же, у нас будет плохой парень, родом из Албании. А еще будет бразильский гангстер...» Создатели такого фильма руководствуются расчетом и не думают, как это потом отразится на культуре.

М. З.: *А знаете ли вы, что одного из ваших персонажей очень часто сравнивают с президентом Путиным, особенно в российских соцсетях? Я говорю про лорда Волан-де-Морта из «Гарри Поттера». Есть очень много разных мемов, картинок, где лицо Волан-де-Морта заменено на лицо Путина. Что вы думаете об этом сравнении? И можете ли вы представить себя играющим роль Путина?*

Р. Ф.: Я не могу себе этого представить. (Смеется.) Нет. У людей, достигших большой авторитарной власти, всегда очень интересная история жизни: как они появились на свет? кто они такие? через что они прошли, когда были молодыми? что их сформировало и определило? У них есть человеческая история. И у Путина есть своя история молодости в Санкт-Петербурге и жизни в Восточной Германии — значит, что-то его сформировало. А Волан-де-Морт — это просто некий дух.

М. З.: *Значит, такой персонаж, как Путин, наверное, даже сложнее, чем Волан-де-Морт. Это был бы неплохой вызов для актера.*

Р. Ф.: В данный момент я работаю над ролью реального человека, которого уже давно нет в живых. Его звали Роберт Мозес, он был крупным застройщиком и планировщиком Нью-Йорка, он создал современный Нью-Йорк. Его наследие очень противоречиво: он аккумулировал много власти и выселял людей из их общин, чтобы строить дороги и парки. Никого не слушал. Не терпел несогласия. А начинал при этом как человек с видением дальней перспективы.

Если играешь такого человека, надо залезть ему в голову и найти мировоззрение, которое в нем сидит. Это и есть твоя работа, важнейшая ее часть. Ты должен как бы переместиться в него, чтобы увидеть все с точки зрения персонажа. В этом и заключается вызов, именно это мне пришлось сделать для «Списка Шиндлера». Я пытался нащупать то место у человека в мозгах, где он думает, что поступает верно.

М. З.: *Недавно был спор между разными представителями российской культуры: одни говорили, что после всего произошедшего им стыдно, что они русские. А другие, особенно представители консервативного крыла, — многие из них связаны с властью — заявляли: «Ладно, если вам стыдно, что вы русские, — забудьте: на самом деле вы не русские, потому что настоящие русские не могут стыдиться того, что они русские». Вы понимаете, о чем я говорю? Можете ли вы понять эти эмоции? Не было ли у вас когда-нибудь чувства, что вам стыдно быть британцем?*

Р. Ф.: Я думаю, что важно *сопротивляться* неправильным действиям своей страны. История Великобритании полна страшных примеров насилия и угнетения, скажем, коренных народов, живших под властью Британской империи в Африке, в Индии. Но нас воспитывали на мифе о Британской империи. В исторических книгах, на которых я вырос, говорилось: англичане выиграли ту битву, эту битву, победили при

Ватерлоо. А потом мы переехали в Ирландию, и моя мама сказала: «Ты должен понимать, что в свое время британцы в Ирландии угнетали католиков и делали много плохого. Ирландцы пережили страшный голод, а британцам было чуть ли не наплевать». Я думаю, что мы должны признавать злодеяния и испытывать за них стыд. Нужно сказать: «Это неправильно, я не принимаю то, что делает моя страна». Вторжение в Ирак было ужасно, ошибочно, и я не поддерживаю его. По-моему, стыд — это очень точное чувство, как, впрочем, и в обычной жизни: если совершаешь ошибки, надо их как-то исправлять. Важно признать, что сделал что-то не так.

По-моему, стыд — это очень точное чувство. Важно признать, что сделал что-то не так

М. З.: *Это очень интересно, когда вы говорите о ностальгии и ощущении, что у вас была великая империя. И у нас живет миф о «великой советской империи», которая существовала еще несколько десятков лет назад и которая была потеряна. Вот это чувство унижения от потери империи и привело нас в сегодняшний день. Многие из того, что сейчас происходит в России, — это результат мифа о великой империи.*

Р. Ф.: Неплохо разрушать такие мифы. Вы спрашивали о нацистской Германии. Еще один фильм, над которым я работал и который был связан с этой темой, — «Чтец». Мы снимали в Берлине, и режиссер Стивен Долдри сказал: «Это поразительно, каким образом поколения немцев признали ошибки». В центре Берлина — потрясающий мемориал жертвам Холокоста. На том месте, где нацисты сжигали книги, тоже есть мемориал: под стеклянной плитой тротуара — подземная комната с пустыми бетонными книжными полками, что очень символично. Мне кажется, немецкий народ сказал себе: «Да, мы правда делали это, мы причастны к этому. И мы помним это». Такое отношение очень правильное. «Мы признаем нашу вину, и нам стыдно».

В Британии есть общественное движение, которое занимается изучением истории Британской империи, в частности ее темных страниц, таких как рабство. Хорошо, что вскрываются преступления, совершенные государством, что мы не отводим глаз от собственной истории. Важно только, чтобы дело не доходило до крайностей вроде «отмены культуры», когда «отменяют» всех подряд — и слева, и справа, и из центра, — это глупость. Да, мы совершили определенные поступки — правда, это было другое время, люди думали по-другому, у них были предрассудки, которые сегодня неприемлемы. Но никто из нас от них не застрахован.

И еще один важный вопрос: как нам сохранить разумный дискурс? Как нам сохранить искренность в разговоре, признавая то, что мы сделали? Нам повезло жить в стране, где есть пространство для открытого диалога. Как только мы закроемся, мы задохнемся: человеческий дух несвободен, когда люди лгут сами себе. Поэтому нам нужны во власти *правильные люди*, которые не будут заставлять других врать.

М. З.: *Кстати, давайте поговорим о предрассудках. В фильме «Белый ворон» снялся Сергей Полунин, блестящий танцор, который в то же время известен тем, что активно поддерживает российское правительство, является ярким поклонником Владимира Путина и даже сделал на груди татуировку с лицом Путина. Я читал много разных критических отзывов о нем, когда интересовался им — не его танцевальным мастерством, а именно его политической позицией. Возникали ли у вас проблемы в связи с этим?*

Р. Ф.: На момент съемок фильма Сергей еще не так открыто пропагандировал свою преданность Путину, это выплеснулось наружу сразу после того, как мы закончили съемки. Тогда у него и появились эти татуировки. Мои рабочие отношения с Сергеем были очень хорошими. Было просто потрясающе работать с этим прекрасным, обаятельным, щедрым и внимательным коллегой и артистом. Я был разочарован, когда прочитал о его поддержке авторитарного режима, такого как путинский, — просто не понимал, как это возможно. Я не могу комментировать его высказывания, но тогда просто схватился за голову. А вообще я часто сомневаюсь в том, стоит ли судить людей.

Путинский режим деспотический. Он подавляет свободу самовыражения, любое оппозиционное движение, что, на мой взгляд, крайне нездорово и ошибочно. Запрет «Мемориала» — это было просто... чудовищно.

«Мемориал» как раз был отражением той логики: «Мы правда совершили это; вот что наша страна сделала с собой». И с психологической точки зрения очень важно сказать: «Вот архив, который хранит память о том, что мы сделали, и к которому мы можем обращаться». Очевидно, в Англии тоже должен быть музей британской работоторговли, чтобы можно было пойти и увидеть собственными глазами, что тогда происходило. Очень важно, чтобы это было доступно всем.

М. З.: *Наверное, вы знаете, что российская пропаганда использует все случаи критики в адрес российских артистов, поддерживающих Путина: мол, вот вам яркий пример «культуры отмены» в отношении русских и России. Вы, вероятно, слышали, что президент Путин сравнил в этом смысле Россию с Джоан Роулинг. Как вам такое сравнение? Это правда какая-то «культура отмены»?*

Р. Ф.: Cancel culture связана, опять же, с тем самым праведным гневом и противоположна культуре интеллектуального диалога. Например, университет хочет пригласить кого-то выступить, а студенты занимают так называемым «ноуплатформингом», они говорят: «Нам не нравятся его взгляды, поэтому этот человек не будет у нас выступать, давайте отменим его выступление».

Сейчас очень интересное время, потому что в повестке оказалось одновременно множество важных проблем, которые не были до конца

отрефлексированы: проблемы, касающиеся пола, сексуального поведения, политики, сексуальной политики, истории. Мы просто должны открыть глаза на собственные предрассудки и сказать себе: «Вот так мы себя ведем». В этом есть определенная моральная ценность.

На самом деле все упрощается. Виновата и пресса, и социальные сети тоже. Меня нет в социальных сетях, но я знаю, что там царит «шум» из разных мнений и одни всегда *упрощенно* судят о других. Никогда не доверял соцсетям и нескончаемому потоку мнений в них именно потому, что там обсуждение не становится разговором: дискуссия сужается. В конечном итоге я верю в толерантность, стараюсь быть терпимым к другим людям и учитывать их мнение, но мы все равно попадаем в ловушку нашего собственного мира, наших собственных амбиций, и я не исключение. Поэтому нам нужно помогать друг другу быть внимательными к нуждам и точкам зрения других людей. Простая человеческая доброта своего рода основа повседневной жизни, разве нет? Зачем же нам диалог ненависти? Это меня очень беспокоит.

В каком мире мы хотим жить? Пусть звучит наивно, но неужели мы не можем нормально жить вместе?

Феминистские взгляды Джоан Роулинг, конечно, имеют право на существование. И когда ее обвиняют в ненависти к транссексуалам, это, по-моему, безумие, нет у нее такой ненависти. Тем не менее я вижу гнев, обращенный на нее.

Что тревожит меня больше всего, так это язык ненависти, угрозы смертью. Куда это нас ведет? В каком мире мы хотим жить? Пусть звучит наивно, но неужели мы не можем нормально жить вместе? Я уважаю вас, вы можете что-то сказать мне или другому человеку — и я уважаю это, нам не обязательно давить друг на друга.

В большинстве случаев я не знаю, как правильно. Обычно я просто не хочу чувствовать себя оскорбленным и обиженным и поэтому не желаю того же другому. В конце концов, должна быть какая-то простая модель поведения, которой все мы можем попытаться следовать. Но в наше время происходит брожение разных мнений, и из этого примитивного диалога рождается какая-то «новая истина». И мы утрачиваем способность быть человеком, способность понять чужие чувства.

Это же так просто — спросить: «Ты в порядке? Могу ли я тебе помочь?» Если кто-то упал, кто-то потерялся, вы ведь поможете ему подняться, укажете дорогу.

Вроде бы просто. Почему мы не можем воплотить это в общественную жизнь? Мешает первобытное опасение показаться странным.

Нам нужны политики, у которых есть своя философия, нужны мудрые люди. Я думаю, что у нас есть один или двое таких идеально порядочных мужчин или женщин, которые просто работают на благо своей страны, служат своему обществу, — неважно, лейбористы они или

консерваторы. Зато полно амбициозных политиков, потакающих низменным чувствам людей в поисках своей личной выгоды.

Существует острая потребность в людях умеренных воззрений, которые способны предложить сбалансированный взгляд на вещи и действовать умной общественной дискуссии, ради того чтобы мир вокруг нас стал лучше.

Людям на Западе тоже придется преодолеть себя. Нам предстоит пройти через фазу отворачивания к тому, что сейчас совершается

М. З.: Вы упомянули социальные сети. С одной стороны, социальные сети играют положительную роль: они часто помогают людям становиться более активными, больше вовлекаться в политику, выражать свою точку зрения. Но в то же время соцсети стали инструментом для популистов, потому что позволяют им заигрывать с подписчиками. Это

очень простой и очень быстрый путь к популярности. Именно так делаются головокружительные политические карьеры.

Р. Ф.: Согласен.

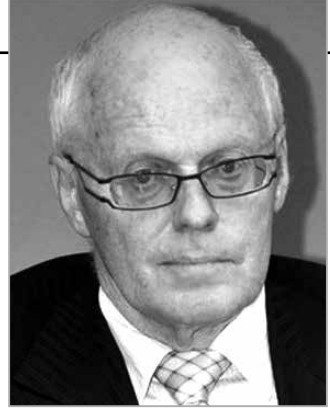
М. З.: Позвольте задать вам последний вопрос — о помощи детям. Вы говорили, что очень важно помогать детям, и я знаю, что вы один из покровителей фонда «Подари жизнь», который создала Чулпан Хаматова. Как вы думаете, будет ли в дальнейшем возможность для работы этого фонда? Будет ли популярна идея помощи детям в России?

Р. Ф.: Должна быть. Наверное, я снова рассуждаю довольно наивно, но, знаете, есть такое выражение «Это тоже пройдет». В какой-то момент эта война, эта ужасная эпоха насилия и неопределенности закончится. И мы должны сделать так, чтобы у детей и подростков была поддержка. «Подари жизнь» Чулпан Хаматовой — это потрясающая благотворительная организация, и будет очень плохо, если она пострадает. Но это может случиться. Следующие два или три года будут очень тяжелыми, на россиян может обратиться неприятие или даже гнев, направленный против Российского государства. И это тоже понятно, хотя это гнев не против российского народа, а против государства. Людям на Западе тоже придется преодолеть себя. Нам предстоит пройти через фазу отворачивания к тому, что сейчас совершается.

Но вы знаете, конечно, что Чулпан — необычайно храбрая женщина. И я уверен, что поддержка фонду «Подари жизнь» будет. Нам просто нужно объяснить, что это не часть бренда Путина.

М. З.: Спасибо! Я думаю, ваши ответы и размышления необходимы в наши дни. Спасибо вам за поддержку Украины. Спасибо за поддержку российской культуры.

Р. Ф.: Мы все должны надеяться на лучшее. И я восхищен тем, что вы делаете. Спасибо! Вы поддерживаете живую дискуссию и разговариваете с людьми, и это крайне важно.

*У войны – длинная тень**

Валдис Биркавс,
доктор юридических
наук, премьер-министр
Латвии (1993–1994),
министр иностранных
дел Латвии (1994–1999),
министр юстиции
(1999–2000)

У войны — длинная тень. И нам пока непонятно, это тень шпенглеровского «Заката Европы» или, может быть, тень — перефразируя знаменитую работу Гиббона — «заката и падения Третьего Рима»? (Эдуард Гиббон «Закат и падение Римской империи». — *Прим. ред.*). Ведь тень бывает длинной на восходе и на закате. Мы не знаем.

Но по поводу страны, которая теперь в центре событий, Украины, я могу сказать, что она находится в положении латышских рыбаков из повести «В тени смерти» Рудольфа Блауманиса, известного латышского писателя.

История очень простая. Отколовшую большую льдину уносит далеко в море. И на ней группа рыбаков ждет помощи. А помощи нет. Наконец на горизонте появляется лодка, но всем места не хватает. Кто-то из рыбаков должен остаться — их довольно много. Остаться на верную гибель. И непонятно: разве сельские люди не знали, сколько их? Разве они не могли найти вторую лодку?

Нет, лодка была одна.

По повести снят одноименный фильм. Если мне не изменяет память, он заканчивается карнавальной пляской смерти.

У войны — длинная тень. Но она сумела пробудить в нашем маленьком народе совершенно несвойственную ему доброжелательность и щедрость. В народе, который сконцентрирован на себе и вовсе не гостеприимен.

И в то же время эта война ранила *то*, что и так было очень ранимо. В результате толерантность борется с нетерпимостью, сопротивляясь насилию. С нетерпимостью к тем, кто это заслужил, и к тем, кто, может быть, не заслужил. И если в народе вы этого и

* Выступление на семинаре Школы в Риге 14 февраля 2023 г.

не увидите, то среди политиков — на каждом шагу. Они стремятся убедить себя и других, что сейчас время мстить за все обиды, в том числе прошлые.

И что происходит? Кажется, что некоторые из них лишаются здравого рассудка. Когда предлагают ликвидировать букву Z в алфавите, снести памятники, переименовать улицы — что это? Это 1917 год, большевистское мышление в чистом виде.

Это не первый и, наверное, не последний случай, когда историю используют для доказывания правоты собственной идеологии. Больше-

*Использование истории
в качестве идеологии
или основы идеологии
никогда не приведет к
демократии западного
типа*

вистская идеология на базе исторического материализма научила нас *своей* истории, то же можно сказать об идеологии большинства постсоветских стран — ведь, будучи якобы демократической страной, мы с вами продолжаем находиться в *постсоветской* демократии.

И здесь я прихожу если не к выводу, то к размышлению о том, что самое трудное после

войны — *история*. Ибо история не должна быть в основе демократической политики, а она лезет из всех щелей.

Две Декларации об оккупации Латвии (1996 и 2005 года. — *Прим. ред.*). А сколько таких деклараций в разных постсоветских странах, исторически обосновывая действия властей, фактически разламывают общество на части! Разлом общества идет по историческим красным линиям. Использование истории в качестве идеологии или основы идеологии *никогда* не приведет к демократии западного типа.

И мне непонятно, как от этого отказаться, как этого избежать. Потому что оккупация Латвии — исторический факт. Он может быть по-разному интерпретирован.

Есть только один выход: деполитизировать историческое образование. История — это *прошлое*. Ее надо знать и надо обсуждать, но нельзя использовать в качестве «большой плетки» или «ножа», который режет общество на куски, ведь фактически это делается за счет не только тех людей, которые были виноваты, но и тех, кто не виноват, за счет и палачей, и жертв.

История всегда делит людей. Но когда это используется в политике, навязывается в школе, разлом общества неизбежен.

Первое условие: оставьте в стороне мировоззренческие проблемы и решайте самые обычные, человеческие проблемы!

Но ведь человеческие проблемы — это сплошные конфликты. В «бесконфликтном» же обществе (мы в таком жили!) конфликты заматаются под ковер. *Конфликтов нет*: те, кто пытается конфликтовать, исчезают. Их нельзя встретить на улице. Те, кто недоволен, пропадают.

А ведь основа основ демократии — это возможность показать свое недовольство, не боясь наказания.

Конфликт интересов — движущая сила демократии.

Нет конфликтов — нет демократии!

Конфликт — это абсолютно необходимая часть прогресса.

Я всегда говорил... нет, не всегда, это пришло довольно поздно: *в политике нет справедливых решений*, невозможно принять ни одного справедливого решения. Никогда! Политическое решение всегда касается общества, а в обществе всегда найдется группа недовольных людей. В этом же заключается и сила, если эти недовольные люди смогут проявить свое недовольство и *обнаружить* этот конфликт.

Но тут наступает страшное разочарование для постсоветской демократии. Демократия есть, а демократических лидеров нет. Откуда им взяться? Конфликт решить могут только люди с высокой степенью толерантности.

Ди Ди Майерс, пресс-секретарь президента Билла Клинтона, спрашивает у Ньюта Гингрича, бывшего спикера палаты представителей Конгресса США: «Как вы можете так спокойно разговаривать с Клинтонем и слушать его? И он вас слушает! Вы же начали эту кампанию с Моникой Левински!» А Ньют Гингрич отвечает: «Клинтон — человек, который вас слышит. И он всегда в разговоре находит ту точку, с которой может начинаться компромисс».

Способности к компромиссу у постсоветских демократов нет. В том числе в Латвии. В том числе у меня... Хотя я думаю, что вру теперь — мне кажется, что есть. Но на самом деле нет.

Мы прошли «крещение огнем» — вам это еще, может быть, предстоит пройти. В течение одного года было три «крещения огнем».

В парламент, Верховный Совет Латвийской ССР, избранный всем народом, избрали в том числе и меня. Я сижу, решаю вопросы альтернативной службы еще в Советском Союзе, где альтернативной службы нет. А вокруг парламента — прошло 11 дней после принятия Декларации о независимости (то есть после 4 мая 1990 года. — *Прим. ред.*) — толпа с кастрюлями и сковородками, и она пытается вломиться в парламента. Рижский гарнизон, члены военной академии Бирюзова (Рижское военное училище им. маршала С. С. Бирюзова. — *Прим. ред.*). Всё как 6 января 2021-го у Капитолия. Это было первое «крещение». Мы это выдержали, нашли компромисс, нашли общий язык.

Прошло время. У Джона Рида было «10 дней, которые потрясли мир», а у нас 10 дней, которые объединили Латвию (речь идет о событиях января 1991 года. — *Прим. ред.*). Все на многотысячных баррикадах. А мы сидим в парламенте. И поскольку ситуация была опасная, поскольку Язов объявил приказом, что военный воздушный десант прибывает для мобилизации латвийских юношей в армию в принудительном порядке — а мы-то считаем, что это государственный переворот, — мы искали компромисс с теми, с кем *до сих пор* его не нашли.

Проходит еще полгода. ГКЧП. Опять все в парламенте. Ну хорошо, в этом случае оппозиционная фракция, которая представляла русского-ворящих, пока еще не замазала себя связью с ГКЧП. И мы пытаемся принять общее заявление, обращенное к странам мира, парламентам и правительствам, чтобы мировая общественность знала: в Советском Союзе и странах, которые хотят быть независимыми, опять *беспорядок*. И почти получается. Чуть-чуть бы дольше (Янаев был у власти) — и, может, мы и решили бы. Но — не решили. Ельцин уже на бронетранспортере...

Вот что я прочувствовал: как только надвигается опасность, мы начинаем искать компромиссное решение, не отказываясь ни на йоту от идеи независимости.

21-го августа под крик моего приятеля и однопартийца Индулиса Берзиньша: «Что вы тянете? На Домской площади уже танки! Голосуем!» — мы принимаем закон и голосуем за *полную* независимость. А за

*Как только
надвигается опасность,
мы начинаем искать
компромиссное решение,
не отказываясь ни
на йоту от идеи
независимости*

несколько часов до этого лидер фракции оппозиции заявил, что они согласились поддержать ГКЧП. Опять не состоялось.

Почему я напомнил вам об этих «крещениях огнем»? Конечно, все зависит от ситуации: в трудных ситуациях ты ищешь решение. Но все равно и в этих случаях главная проблема заключалась в том, что между нами стояло *разное толкование истории*.

Теперь перейдем к вопросу о том, как же дойти от постсоветской демократии, которая означает, что все формально соблюдено, есть все демократические институты, а сути демократии нет, — до той демократии, в которой оппозиционер и лоялист, остро дебатирующие о конфликте, могут спокойно пойти вместе пить чай, а то и что-нибудь покрепче?

Фактически три шага из постсоветской демократии в настоящую, скажем так, западную, более полную, консолидированную демократию заключаются в том, чтобы:

- отказаться от исторического обоснования своей идеологии,
- принять за движущую силу демократии конфликт,
- принять за возможность решения компромисс.

Но для того, чтобы все эти три шага были соблюдены, надо воспитывать — это будет долгий и трудный путь воспитания — демократических лидеров, демократических политиков и демократическое общество.

В латвийском обществе на данный момент примерно 37% составляют патриархально настроенные люди, которые не интересуются политикой и не участвуют в выборах.

Около 50% так называемых подданных следят за тем, *что* власть обещает, и кто *больше* обещает — за того и голосуют.

Андрис Бреже. Взгляд на птицеводство (голубь мира). 2014

И 10–15% — таких, как вы, которые сидят здесь, размышляют, участвуют, меняют, руководят, организуют, — активных граждан. Их количество в Латвии увеличивается, но...

Я сказал, что нужны три шага. А 12 шагов (или даже меньше) следует сделать, чтобы оказаться в ситуации России — без демократии.

12 шагов. Иногда хватает одного, иногда — двух, иногда — трех. Это инструкция «Как создать авторитарный режим».

Я обычно не называю все двенадцать, но знаю, что при каждом решении, при каждой беседе, во время любой дискуссии вы должны думать не о том, кто вас обманет, а о том, как решить этот конфликт, кто может его решить.

И вот тогда возникает один очень недемократический прием — «сумеречная ложа». Я, например, считаю, что на публике компромисс невозможен.

В США у республиканцев нет больше людей, которые готовы говорить с демократами даже в «сумеречной ложе». А у демократов нет таких, кто готов говорить с республиканцами. То, что удалось сделать Байдену, — это уже называется «секретным конгрессом», потому что кое-кого он перетянул на свою сторону, чтобы решить законодательные вопросы. Публично эти вопросы не решаются. Публичным должен быть результат.

И, наконец, я вам задам свое любимое упражнение. Оно не мое, а Джона Ролза, выдающегося мыслителя XX века. Суть его заключается в

том, что вы забываете, кто вы. Вы не знаете, в какой семье родились, богаты или бедны, инвалид вы или нет, женщина или мужчина — все равно. Какие политические взгляды у вас, вы тоже не знаете. Но вы должны ответить на вопрос, как управлять вашей молодой страной. Дайте ответ хотя бы себе — и поймете, куда ведет ваша мысль.

Подумайте над тремя вариантами ответа на вопрос: «Какую несправедливость вы готовы причинить?»

Подумайте над тремя вариантами ответа на вопрос: «Какую несправедливость вы готовы причинить?» Вы должны выбрать один из них.

1-й вариант. Наибольшее счастье для наибольшего количества людей.

Это значит, что небольшое количество людей будет в ситуации несправедливости. То есть большая группа будет счастливой за счет небольшой группы, которая останется несчастливой.

2-й вариант. Наибольшее счастье для наиболее угнетенных, невезучих и несчастливых, родившихся в неблагополучных семьях, не имеющих талантов, для инвалидов и так далее. Надо, чтобы они жили как все. Так мы выровняем условия жизни.

3-й вариант. Давайте будем несправедливы ко всем, за исключением тех, кто заслужил, потому что у них талант, они работают не покладая рук, они честны, они лучшие члены общества, потому что всего добились своим трудом.

Выберите свою модель управления!

Очевидно, вы уже определили: одна из моделей — нацистская, одна — коммунистическая и одна — практически американская. Выбор за вами. Засучите рукава и начинайте работать каждый день, каждую минуту, во время каждого разговора! Забудьте об истории и не вмешивайте ее в политику!

Дискуссия: вопросы и ответы

А. Гонгарева: Спасибо, уважаемый эксперт! Совершенно удивительно услышать это от политика *такого* уровня в одной из стран Балтии. Это как раз к вопросу о том, что иногда надо забывать наши социальные роли, наши политические позиции и переизобретать себя заново, искать новую самоидентификацию. Подняться над всем тем, что ты представляешь, над своим опытом и запустить совершенно новый мыслительный посыл — это очень важно, и за это отдельная благодарность.

М. Тумасов, Берлин: У меня вопрос по последнему упражнению. Есть другие варианты, кроме тех трех, которые вы назвали?

В. Биркавс: Хороший вопрос. Джон Ролз остановился на этих трех вариантах, но человечество на них, конечно, не останавливается. Человечество испробовало очень много комбинаций и фактически не пришло к выводу, какая из них лучше.

Если вы из Берлина, то, видимо, знаете, что Людвиг Эрхард, отец немецкого экономического чуда, в течение первых 10 лет после Второй мировой войны сделал Германию индустриально развитой страной — одни его за это ругали, а другие ему не верили. И мой первый личный опыт, так сказать, управления государством начался с долгого размышления: надо ли следовать опыту Эрхарда, который называли *ордолиберализмом*, или «либерализмом с порядком» — одно с другим трудно совмещается, но Эрхарду удалось это сделать, опираясь на немецкий характер.

Есть разные формы и варианты, но три названные — наиболее популярные и опробованные. А американский вариант с разными отклонениями от него дает лучший результат. Это опыт *merit-based* («на основе заслуг»). Поэтому стоит, на мой взгляд, следовать этому варианту.

Р. Могучий, журналист: В продолжение предыдущего вопроса. Когда вы были во главе государства, какой из трех вариантов несправедливости выбрало латвийское общество? Каков был латвийский путь? Кажется, ваша партия так называлась?

В. Б.: Меня иногда обзывали «отцом латвийской либеральной демократии». Я думаю, что мы действительно пошли по этому пути. Здесь я должен сказать, что это будет слишком долго...

Но вы же знаете, что такое «Вашингтонский консенсус». Я как раз оказался заложником «Вашингтонского консенсуса», который полностью соответствовал моим тогдашним представлениям о развитии экономики. И только года 3–4 назад я пришел к выводу, что это было правильно, но недостаточно, тем более что эта неолиберальная политика подверглась осуждению почти во всем мире.

А суть, основа «Вашингтонского консенсуса» — это действительно либеральная экономика, которая дает возможность проявляться, скорее всего, третьему варианту (американскому). В ней абсолютно недостаточным было социальное обеспечение самых слабых слоев населения.

И эта пропасть между возникающими богатыми и бедными в Латвии до сих пор не преодолена. В этом есть и моя вина.

Если коротко, пример применения «Вашингтонского консенсуса» — чилийская модель, разработанная Фридманом. Это очень интересная история, но я не буду в нее вдаваться.

Нина, Хельсинки: Предыдущий эксперт сегодня поставил диагноз западной демократии, сказав, что она больна депрессией. А что касается постсоветских демократий и текущих событий, есть ли у них какой-то диагноз? Это легкая депрессия, тревожное расстройство или что-то еще?

В. Б.: Я думаю, что это «детская болезнь» демократии, если применять ленинскую терминологию. Тем более что развитие демократии требует того, что называют «эффектом Матфея».

Его суть в том, что при одновременном проведении реформ, которые дополняют друг друга, вы получаете значительное ускорение. А болезнь постсоветских демократий в том, что они ввели демократический режим при отсутствии новой политической культуры, так как она требует изменения школьного образования, функционирующей рыночной экономики, верховенства права, и при этом, конечно, исключительно важны права меньшинств и права человека.

По многим направлениям одновременно проводит свои реформы Эстония, которая развивается гораздо быстрее Латвии, потому что у Эстонии не только есть четкое видение целей, в отличие от Латвии, но и работает эффект Матфея.

А звучит он так: «Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:29).

Так что болезнь постсоветской демократии — в отсутствии развитой политической демократической культуры. А это набирается только с годами при наличии остальных реформ.

Сергей, Украина: «Сумеречная ложа» — это выражение мне очень понравилось, но все-таки это сказано с позиции политика. Например, в Украине президент Кучма приказывал вывозить депутатов в лес на охоту, и кто-то оттуда не возвращался. Порошенко платил деньги, и за это его очень не любили. Хотя мне кажется, что это самый демократичный президент, который платит депутатам, чтобы они проголосовали за вступление в Евросоюз, например, Украины. Но я говорю о том, что эта «сумеречная ложа» должна быть подготовлена демократически. То есть должны приходить люди с принципами, но как они должны находить консенсус? Я привел примеры, как президенты искали этот консенсус с парламентом. Но это же не демократия, правда? А вот как обеспечить, чтобы была эта «сумеречная ложа» и вместе с тем была и справедливость?

В. Б.: Я вам приведу пример, который свидетельствует, как демократия справляется с этими «сумеречными ложами».

У нас была проблема с проведением морской границы с Литвой. Дело в том, что в Балтийском море есть территория с нефтеносным полем, которое не разработано, но найдено и обследовано. Литва хотела, чтобы один кусочек этого поля попал к ней. И вот президент Бразаускас и президент Улманис выехали в Майшагалу на охоту, где был также премьер. Ну поохотились и решили, что *вот так* проведут линию.

Я тогда был министром иностранных дел. Премьер вернулся и сказал: «Вопрос решен». Литва подготовила свой документ и представила его парламенту на ратификацию, но парламент дезавуировал заключенный в Майшагале договор.

Любой компромисс, который достигнут непублично, надо вытаскивать на свет божий и обсуждать в парламенте по всем правилам. Но

достижение компромисса за счет партии или какой-то нематериальной «добычи», например перестановки в правительстве, смены постов и тому подобного, — это не в счет. Потому что нужен политический торг. Речь идет не о материальных ценностях или каких-то инвестиционных проектах, а о том, что будет представлено публике. Но сам процесс обсуждения, поиска компромисса — шаг вперед, шаг назад... Ведь фактически компромисс только тогда хорош, когда обе стороны недовольны: если одна довольна, значит, вторая — глупцы.

Тимур Митрофанов, Гейдельбергский университет: Я хотел бы остановиться на том, что постсоветские демократы не умели находить компромисс. Не кажется ли вам, что корень этой проблемы лежит в диссидентском движении? Советские диссиденты зачастую смотрели на любые социальные, экономические и другого рода проблемы с этической точки зрения, а не с политической. Вы, как свидетель тех событий, наверняка замечали такого рода явления. Интересно знать ваше мнение.

От истории трудно абстрагироваться, несмотря на то что ее легко использовать в политике

В. Б.: Диссиденты, как правило, люди очень смелые, ориентированные на достижение цели и совершенно не годящиеся для принятия компромисса. Они *бескомпромиссны* в своей борьбе за идею. И нельзя ожидать от них компромиссов. Единственное исключение, возможно, подтверждающее это правило, — Вацлав Гавел.

Руслан Митрофанов, Мюнхенский университет: Спасибо за ваши размышления! С вашей легкой руки я начал думать, и это скорее мысли вслух. Я хотел бы зацепиться за предложение «забыть об истории» — представить, что можно забыть историю и действовать в свободном околорациональном обществе.

Мне кажется, что политики в постсоветских демократиях (далеко ходить не нужно) как раз часто забывают об истории. То есть они оставляют историю народу, а по факту преследуют свои бизнес-интересы.

Может быть, проблема не в истории и нужно как-то иначе историю преподавать или пытаться не смешивать ее с политикой?

В. Б.: Я согласен. Но ведь получается вот что. *Привлекая* историю или *отталкивая* ее от политики, вы в любом случае вовлекаете историю в политику или в бизнес. Поэтому самое верное решение — это более бесстрастное, но правдивое изложение истории, начиная со школы. А этого нет, потому что даже история Второй мировой войны еще до конца не написана.

Это сложный вопрос в том смысле, что от истории трудно абстрагироваться, несмотря на то что ее легко использовать в политике.

Л. Кудряков: У меня тоже вопрос про историю. В прошлом году после того, как началась война, стали демонтировать, в том числе в Латвии,

памятники, так или иначе прославляющие советский режим. Как вы считаете, можно ли было найти какой-то компромисс в этом вопросе в латвийском обществе? Мне кажется, компромисс тут невозможен.

В. Б.: Я думаю, мы были очень близки к компромиссу, но помешала война. Дело ведь в том, что памятники — часть истории. И я, например, воспринимал снесенный теперь монумент как напоминание скорее об оккупации и советских временах, чем о 9 Мая и победах Советской армии. Этому памятнику надо было постепенно придавать другое значение. Ведь одно время даже начали использовать его, так сказать, в целях поддержки Украины. Но война, несомненно, поставила точку. И все, кто был против памятника (особенно политики, тем более что это было перед выборами), моментально воспользовались ажиотажем вокруг него в свою пользу, хотя дополнительных голосов «националы» на выборах не получили.

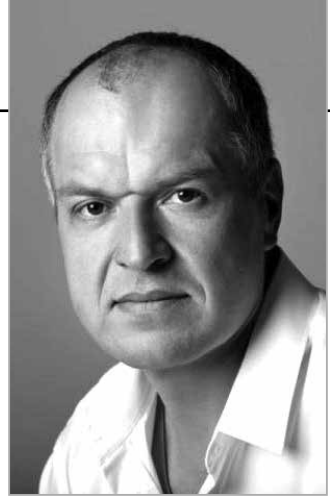
Эвелина: Я продолжу вопрос коллеги. У меня возникла такая рефлексия: я по первой профессии журналист, по второй психолог, и мне было очень интересно слушать про компромиссы. Вы описываете то, что происходит на общественном уровне, но то же самое, по существу, является результатом взросления отдельного человека, например во время психотерапии. Когда в процессе терапии он обретает способность вести диалог, это свидетельствует о зрелости личности. А вы говорите об этом же явлении на общественном уровне. Но когда случаются такие события, как война, то какие еще могут быть решения у взрослых, кроме как становиться нетолерантными и использовать силу?

В. Б.: Давайте каждый про себя определит фактический возраст демократии в своей стране. А я скажу вслух, сколько лет латвийской демократии: мы тридцатилетние подростки. К вашему замечанию по поводу психологического возраста: это ведь в подростковом возрасте сначала говоришь «нет», а через некоторое время делаешь то, *что сказали родители*.

Реплика из зала: Интересно, как развиваются наши родители: в 15 лет слышишь от них абсолютную ерунду, а когда тебе 30, ты понимаешь, что они говорят здравые вещи... Когда же тебе 50, они уже ошибаются.

В. Б.: Да-да, так думает западная демократия.

Уральская республика: о чем не принято вспоминать

Сергей Мошкин,
доктор политических
наук, Екатеринбург

В 2023 году исполняется 30 лет политическому проекту «Уральская республика», провозглашение которой в границах Свердловской области и последовавшая затем ее ликвидация силами федерального центра стали заметными событиями постсоветской России. И хотя история Уральской республики хорошо описана в научной литературе (Кириллов, 1997; Мошкин, 2013; Рябов, 2007; Осипов, 2018), неоднократно рассказана в многочисленных интервью непосредственными участниками тех событий, споры о ней не утихают до сих пор и время от времени всплывают в медийном пространстве.

Инициаторы республики по-прежнему настаивают, что в их действиях не было даже намека на сепаратизм и что все их устремления были продиктованы лишь желанием выстроить настоящие, реальные федеративные отношения в России, а для этого в качестве необходимого шага — уравнять в правах территориально-административное образование в составе Российской Федерации, коей тогда являлась Свердловская область, с национально-государственными образованиями, то есть с национальными республиками, национальными округами и областями, входящими в состав РФ и имевшими относительно привилегированное положение над неэтническими краями и областями. Причем сделать это законно, на легальных основаниях (такая правовая возможность в то время действительно была), путем изменения конституционно-правового статуса области на статус республики. Таким образом, по их замыслу Свердловская область должна была превратиться в Уральскую республику и тем самым в рамках российского федерализма получить права, аналогичные правам национальных республик. Слово «уральская» в данном случае рассматривалось как наиболее подходящее для названия нового образования в составе

Российской Федерации, оно не содержало в себе этнического компонента и позиционировало республику исключительно по географическому признаку: уральская — то есть расположенная на Урале. Целью такого преобразования было формирование подлинного федерализма. «Мы Уральскую республику создавали исключительно в интересах развития федерализма», — не устают повторять все эти годы вдохновитель проекта Э. Россель.

Однако подобные объяснения никак не устраивают критиков. За тридцать лет даже в научной литературе сформировалась изрядная подборка всякого рода небывлиц, мифов и просто ложных утверждений по поводу учреждения Уральской республики в 1993 году. Обвинения в сепаратизме здесь самые часто употребляемые, но не только. Росселя обвиняли в «подготовке к сецессии» (Аминов, 2018, с. 17), в стремлении «к фактическому распаду государства» (Алябьева, 2019, с. 27), в вынашивании планов по «введению в обиход своих денег — уральских франков» на территории Уральской республики (Гелеранский, 2013, с. 135). Но самым оригинальным, пожалуй, был тезис о том, что своим идеям Россель не только следовал, но даже шел «на шаг впереди задумок З. Бжезинского», который, как пишет этот автор, лишь четыре года спустя, в 1997 году, в своей книге «Великая шахматная доска» высказался о целесообразности дробления России (Морозов, 2014, с. 47).

То, что приведенные выше высказывания являются откровенными выдумками, доказать несложно, достаточно прочесть Конституцию Уральской республики. В нашем распоряжении есть уникальный документ — проект Конституции в его третьей редакции. Именно этот текст после многочисленных предварительных правок и изменений был принят как окончательный на внеочередном заседании Свердловского облсовета 27 октября 1993 года и затем вынесен на областной референдум, назначенный на 12 декабря того же года. Так вот, уже в преамбуле документа прямо говорится, что настоящая Конституция основывается на принципе «необходимости сохранения целостности Российского государства», а в пункте 1 статьи 14 особо подчеркивается: «Уральская Республика является субъектом Российской Федерации с правовым статусом республики в составе Российской Федерации». Более того, в пункте 3 статьи 16 еще раз специально указывается: «Уральская Республика не претендует на право выхода из Российской Федерации». Далее оговаривается, что республика не устанавливает своего гражданства и что граждане, проживающие на территории Уральской республики, являются гражданами Российской Федерации (пункт 4 статьи 16), что республика не имеет своей армии (пункт 6 статьи 16) и не устанавливает таможенных границ (пункт 8 статьи 16). Что же касается собственных денег республики, то и здесь все предельно ясно. Пункт 7 статьи 16 однозначно устанавливает: «Уральская Республика не имеет собственной официальной денежной единицы». Важная деталь: обложка брошюры

с текстом проекта Конституции Уральской республики была украшена трехполосной лентой цветов российского флага как символа единства Российской Федерации.

Как видим, в конституирующем документе будущей Уральской республики не было положений, позволяющих трактовать их как стремление к сепаратизму и уж тем более к выходу (сецессии) из Российской Федерации. И казалось бы, тему критики проекта Уральской республики на этом можно было бы закрыть, а всех заинтересованных лиц отправить читать документы и источники, благо они сохранились в избытке, если бы не одно но. Точнее, таких но несколько. Это своеобразные белые пятна истории Уральской республики, мимо которых по разным причинам прошли исследователи и о которых сами устроители проекта республики предпочитают не вспоминать. Обозначим некоторые из них в виде вопросов:

В конституирующем документе будущей Уральской республики не было положений, позволяющих трактовать их как стремление к сепаратизму

Какой дизайн федерализма в Российской Федерации был наиболее приемлемым для лидеров Уральской республики вообще и Э. Росселя в частности?

Могли ли результаты опроса жителей области о полномочиях Свердловской области, проведенного 25 апреля 1993 года, служить основанием для провозглашения Уральской республики?

Соответствовала ли процедура провозглашения Уральской республики правовым нормам и установлениям того времени в целом?

На основании открытых источников мы попытаемся реконструировать смыслы и процессы, наблюдаемые в Екатеринбурге и Москве тридцать лет назад, на протяжении всего 1993 года, и тем самым дать ответы на поставленные выше вопросы.

* * *

Итак, напомним, что к началу 1993 года, то есть спустя более года после крушения коммунистического режима и распада СССР, в стране по-прежнему действовала многократно исправленная и дополненная, но советская по духу Конституция, в соответствии с которой Федерация носила явно выраженный асимметричный характер и состояла из двух типов субъектов Федерации: национально-государственных образований (национальные республики, национальные округа и национальные области), в название которых было «зашито» наименование титульного этноса, и территориально-административных образований (края, области), сформированных по социально-экономическим соображениям вне связи с проживающими там этническими группами. При этом национальные республики в рамках Федерации имели значительно больше прав и преференций, особенно в сфере межбюджетных отношений

с федеральным центром, нежели области и края, что, естественно, не устраивало последних. Более того, Федеративный договор, принятый 31 марта 1992 года и ставший неотъемлемой частью действующей Конституции, позволил национальным республикам издавать свои законы и иметь собственное республиканское законодательство, самим избирать руководителей республиканской исполнительной власти, вести

*Раз мы строим новую
Россию, то и несущая
конструкция федеративного
устройства государства
должна быть также
пересмотрена*

самостоятельную внешнеэкономическую деятельность. Всего этого «неэтнические» области и края, входящие в Российскую Федерацию, были лишены.

С 1992 года начинается процесс разработки нового текста Конституции демократической России — сначала в комиссии Верховного Совета РФ под руководством

О. Румянцева, а потом параллельно и в президентской комиссии под руководством С. Алексеева и А. Собчака. Оба первоначальных концепта новой Конституции сохраняли прежний двухзвенный принцип построения Федерации с выраженным неравенством в правах и полномочиях между национально-государственными и территориально-административными образованиями. Для руководителей краев и областей это был вызов, но одновременно и шанс попытаться исправить несправедливую, на их взгляд, ситуацию. Раз мы строим новую Россию, то и несущая конструкция федеративного устройства государства должна быть также пересмотрена и заново собрана на принципиально новых основаниях. Обсуждение проекта новой Конституции открывало для этого уникальную возможность. «Коренной вопрос новой Конституции заключается в федеративном устройстве России. В настоящее время сложилась ненормальная ситуация, когда из 89 субъектов Федерации 21 республика, входящая в состав России, имеет исключительные права и приоритет в формировании своего бюджета», — заявил глава областной администрации Э. Россель на встрече с представителями партий и общественных организаций Свердловской области перед поездкой на первое заседание Конституционного совещания, созванного президентом Б. Ельциным для выработки окончательного текста новой Конституции.

Главным для Росселя в тот момент было добиться конституционного равенства субъектов Федерации и чтобы это положение о равенстве было зафиксировано в тексте Основного закона. В обоснование своего стремления он даже инициировал 25 апреля 1993 года опрос жителей Свердловской области с одним-единственным вопросом: «Согласны ли вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?» Отметим, вопрос касался не изменения статуса области на статус республики (ни о какой Уральской республике в это время еще и речи не было),

Света Шуваева. Из серии «Персонажи толпы». 2015

а лишь равноправия Свердловской области со всеми национальными республиками, входящими в Федерацию. В опросе приняло участие 67% избирателей, 83,4% из них ответили на заданный вопрос утвердительно.

Результаты опроса для Росселя стали дополнительным козырем в дискуссии с федеральным центром и еще одним доказательством того, что не только он как руководитель Свердловской области, но и подавляющее число ее жителей хотят равноправных отношений внутри Федерации. Потом, правда, Россель использует этот опрос в качестве аргумента для провозглашения Уральской республики. Но об этом чуть ниже. Сейчас же заметим, что установить равенство между субъектами Федерации теоретически можно было путем отказа от двухзвенной конструкции Федерации, превратив все субъекты, включая национальные республики, в обычные территориально-административные образования (губернии) или же, напротив, придав всем субъектам, включая края и области, статус республик. И тот и другой вариант выравняли бы права и полномочия субъектов, а саму Федерацию делали бы симметричной и более справедливой. В начале дискуссии Россель выбрал первый вариант.

12 июня он выступил на пленарном заседании Конституционного совещания с предложением отказаться от национально-территориального устройства России и перейти целиком на территориальное деление страны, а заодно и напомнил собравшимся, что «начиная с Петра I, Россия всегда делилась по территориальному, а не по национальному признаку. Губернии были насильственно ликвидированы только большевиками.

Ныне же учрежденная ими система доходит до абсурда, области объявляют себя республиками, а те, в свою очередь, хотят выходить на международный уровень, вплоть до ООН. А ведь народы в России давно перемешаны. Равенства с республиками — в экономике, политике и законотворчестве — требуют сегодня абсолютно все области и края. Но так же решительно этому сопротивляются республики: они всегда были дотационными и жили, по существу, за счет нас и других развитых регионов. Значит, и по новому Основному закону мы должны будем кого-то содержать и считаться неким образованием второго сорта? Но чем наша 5-миллионная область хуже, например, 350-тысячной Калмыкии?»

Вот, собственно, и ответ на первый вопрос о конституционном дизайне Федерации. Для Росселя наиболее предпочтительной конструкцией федерализма была такая, в которой отсутствовали бы субъекты, образованные по этническому принципу, а их место заняли бы равные между собой территориально-административные — без этнического окраса в названии — образования (губернии). Например, Республику Татарстан превратить в Казанскую губернию, Республику Башкортостан — в Уфимскую и далее по списку.

Надо сказать, что Россель не был оригинален в таком подходе. Идею отказа от национально-государственных (этнических) образований внутри России в те годы активно продвигал лидер ЛДПР В. Жириновский, и в этом смысле пальма первенства принадлежит ему. С той лишь разницей, что Жириновский предлагал полностью отказаться от федерализма и перейти на унитарную форму правления, радикально сократив при этом число административных единиц до 30–40 губерний путем слияния субъектов Федерации в новые территориальные образования. Эти идеи Жириновского не популярны в национальных республиках, однако кочуют из одной партийной программы в другую на всем протяжении существования ЛДПР.

Став губернатором, а затем и сенатором, Россель предпочитал не афишировать, что в этом вопросе они с Жириновским, чья политическая репутация была, мягко скажем, неоднозначной, единомышленники. Впрочем, уйдя из большой политики, во время встречи со студентами Президентской академии в январе 2023 года создатель Уральской республики признался, что всегда выступал против создания субъектов РФ по национальному признаку.

По ходу заметим, что идеи Жириновского — Росселя по территориальному переустройству России нашли отклик и у политиков либерального спектра. Так, в октябре 2012 года на съезде партии лидер «Гражданской платформы» М. Прохоров поставил под сомнение экономическую эффективность нынешнего территориально-административного деления России и предложил расформировать национальные республики. «Если бы сегодня Россия состояла из 10–15 земель, то тогда чиновник из Москвы не смог бы навязывать свою волю этим землям. Я хочу

поставить вопрос на обсуждение: «А так ли эффективно разделение нашей страны на национальные округа и национальные республики?» — заявил Прохоров и продолжил: — Так что же, не лучше ли признать, что сталинско-ленинская система оказалась неэффективна?» Естественно, эти слова вызвали бурю негодования во всех без исключения национальных субъектах РФ.

Но вернемся в 1993 год. Выступление Росселя на пленарном заседании Конституционного совещания не нашло поддержки, напротив, представители национальных республик его резко раскритиковали. Не приняли предложения свердловского руководителя и в Конституционной комиссии Верховного Совета. По приезде из Москвы позиция Росселя заметно радикализировалась, у себя в Екатеринбурге он уже не стеснялся в выражениях. На встрече с журналистами 18 июня 1993 года Россель заявил буквально

*Идея провозглашения
Уральской республики была
публично озвучена Росселем
только в середине июня
1993 года*

следующее: «Бывшие автономии России уже добились для себя статуса суверенных республик, это чревато распадом страны “по второму кругу”: союзные республики высосали из “империи зла” соки, необходимые для становления их экономики и государственности, и — наплевали на “старшего брата”. Теперь очередь за бывшими автономиями — насосаться, как клопам, и “сделать ручкой”. Поэтому выход один: во избежание распада России — выровнять статус субъектов Федерации. А так как выровнять его посредством понижения статуса республик уже невозможно (легко дать права, а отобрать — истерика случится массовая), то придется снивелировать положение единиц целого посредством повышения статуса краев и областей». Именно на этой встрече из уст Росселя впервые публично прозвучала идея провозглашения Уральской республики. «Если права не дают — будем брать, — заявил тогда Россель и уточнил: — Конечно, окончательное решение должны принять Советы, и хорошо бы это сделать быстро».

Итак, зафиксируем: идея провозглашения Уральской республики была публично озвучена Росселем только в середине июня 1993 года, когда стало окончательно ясно, что «националы» никогда не откажутся от своего государственного статуса и не согласятся превратиться в этнически безликие губернии. Рассчитывать на поддержку федерального центра Росселю тоже не приходилось. Кремль боялся открытой конфронтации с национальными республиками, и без того проявлявшими нешуточные сепаратистские устремления. Оставалось одно: раз невозможно понизить статус республик до уровня областей, значит, будем повышать статус областей до уровня республик. Для Росселя это был менее предпочтительный, но возможный вариант.

Россель торопился учредить Уральскую республику до принятия новой Конституции России. Уже 1 июля 1993 года в повестку очередного

заседания Свердловского областного Совета народных депутатов был внесен проект решения об изменении статуса Свердловской области и Декларации о провозглашении Уральской республики в составе РФ. Не все депутаты встретили шаг Росселя с одобрением. Признавая, что Свердловская область действительно ущемлена в правах по сравнению с республиками Татарстан, Башкортостан, Якутия и проч., народные избранники все же пребывали в смятении. Одни боялись, что провозглашение Уральской республики будет расценено Ельциным как сепаратизм и повлечет за собой репрессии, другие просто сомневались, что декларация сама по себе способна хоть что-то изменить в межбюджетных отношениях между Екатеринбургом и Москвой. Выступала против и областная прокуратура, обращая внимание депутатов, что отсылка Росселя и его сторонников к результатам апрельского опроса как волеизъявлению свердловчан некорректна, поскольку там стоял вопрос не о превращении Свердловской области в Уральскую республику, а о равноправии в полномочиях области и республик в составе РФ. А это, очевидно, разные вещи.

Действительно, опрос 25 апреля был проведен вне всякой связи с проектом Уральской республики, поскольку такового еще не существовало. Кроме того, формулировка вопроса носила явно манипулятивный характер. С таким же успехом можно было бы спросить людей, хотят ли они жить лучше. Результаты опроса фиксировали лишь то, что жители области поддерживают идею полномочий Свердловской области, равных полномочиям национальных республик. Но сами по себе эти результаты ни к чему не обязывали областные власти, и уж тем более не обязывали их к шагам по изменению конституционно-правового статуса региона. Это было понятно многим собравшимся депутатам облсовета.

Однако Россель продолжал настаивать. Он произнес на том заседании пламенную речь, оперируя в основном цифрами. В частности, рассказал, что «добросовестно отсидел» две недели на заседаниях рабочей группы по подготовке проекта новой Конституции РФ, и заметил, что главам «традиционно русских» областей на процесс откровенно наплевать. «Скажу, что в зале сидели 3–4 губернатора максимум, и больше никого нет. А суверены [так Россель называл глав национальных республик. — С. М.] сидели все. Почему в России 85% русских своими же руками лишают себя своих прав и закладывают основу развала России? Почему? — бушевал Россель. — Хочу обратить внимание, что все наши суверены живут за счет бюджета России. Нет почти ни одного суверена, который жил бы за счет собственных средств. <...> Мы с вами собираем налогов с одного жителя на 36 тысяч рублей. Получаем назад 16 тысяч, 47%. Башкирия собирает на одного жителя на 10 тысяч меньше, 26 тысяч рублей, но получает те же 16. Татарстан собирает 24 тысячи рублей, а получает те же 16. Задумайтесь над этим. Почему мы должны

выступать в роли кормильцев? — и продолжил: — Я считаю, что, создавая равные субъекты Федерации, мы, наоборот, укрепляем Россию, создаем нормальное Российское государство. Мы, как разведчики, идем впереди, а все остальные на нас смотрят».

Слова Росселя возымели действие, его поддержали 152 депутата, 20 высказались против. Таким образом, 1 июля 1993 года Уральская республика была провозглашена. В адрес Конституционного совещания в Москву было направлено официальное письмо облсовета с просьбой о включении Уральской республики в список субъектов Федерации в проект новой Конституции России. Одновременно ученые из Института философии и права Уральского отделения РАН приступили к разработке проекта Конституции Уральской республики.

*1 июля 1993 года
Уральская республика
была провозглашена*

Действительно, на Свердловскую область тогда смотрели многие. Если бы затея с Уральской республикой получилась, она бы позволила области получить права, сопоставимые с правами «суверенов», и создала бы прецедент появления в Российской Федерации республики, образованной не на этнических, а на территориальных основаниях. Попытки учредить свои республики отмечались тогда в Вологодской, Томской, Челябинской и других областях России. В Сибирском регионе 3 октября 1993 года даже инициировали опрос населения: «Нужен ли Томской области статус республики?» Правда, опрос признали несостоявшимся, поскольку явка избирателей составила лишь около 20%.

Но и сам Россель не сидел сложа руки. Чтобы не остаться в одиночестве по превращению области в республику, он начал искать себе союзников среди руководителей соседних областей. 14 сентября 1993 года в Тюмени состоялось совещание Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона. Традиционные участники подобных встреч — руководители Башкирии и Удмуртии — на этот раз приглашены не были. И это не случайно. Лидеры национальных республик активно противились «губернизации» России и никак не могли быть союзниками Росселя. Сам Россель выступил на совещании с большим докладом, озаглавленным «Уральская республика — путь к территориальному устройству и управлению Российским государством», в котором рассказал собравшимся о причинах перемены статуса Свердловской области на статус Уральской республики, а затем в очередной раз попытался доказать преимущества исключительно территориального устройства страны. «Для нас, — заявил Россель, — Уральская республика не самоцель, а средство. <...> Этот путь направлен на отрицание национально-государственной основы [построения Федерации. — С. М.]» (Уральская республика... 1993, с. 11).

Далее из уст Росселя прозвучала новелла, прямо созвучная проекту Жириновского по укрупнению российских регионов: он призвал

руководителей уральских областей включиться в процесс по созданию объединенной Уральской республики в составе шести областей — Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской и Тюменской. «Мы исходили и продолжаем считать, что лучшим оптимальным решением для нас, для России было бы образование Уральской республики в составе шести областей Уральского региона. Преимущества такого объединения очевидны. В политическом плане это создало бы мощнейший импульс к укреплению Российской Федерации, поставило бы заслон для сепаратизма и дальнейшей дезинтеграции России» (Уральская республика... 1993, с. 13). Затем Россель с цифрами в руках показал, что объединенная Уральская республика станет самым сильным и самодостаточным субъектом Федерации, обладающим всеми отраслями промышленного и сельскохозяйственного производства. В заключение доклада Росселем был предложен календарный план создания объединенной Уральской республики, включающий в себя примерные даты проведения областных опросов избирателей, ориентировочные сроки проведения Съезда депутатов Урала, а также этапы подготовки необходимых нормативных документов — проекта Конституции объединенной Уральской республики, проектов законов о выборах в парламент и главы исполнительной власти объединенной республики, проекта закона о новом административно-территориальном делении и т.п. «Конечно, — подытожил Россель, — это лишь план. Промедление в его реализации может привести к тому, что Россия останется асимметричной Федерацией, а статус областей законсервируется в полувассальном состоянии» (Уральская республика... 1993, с. 16).

По итогам совещания в Тюмени было подписано совместное заявление (само руководство Тюменской области к нему не присоединилось), в котором, в частности, говорилось: «Руководители представительной и исполнительной власти Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей, основываясь на анализе процесса развития федеративных отношений, учитывая экономическое, природно-географическое единство Урала, опираясь на статью 70 часть 3 действующей Конституции, выражают готовность начать подготовительную работу возможного создания на базе областей Урала Уральской республики в составе РФ как ее субъекта». Для присутствующей на совещании прессы особо подчеркивалось, что «необходимость создания республики в масштабе всего Уральского региона продиктована не стремлением обособиться от России, а желанием содействовать эффективному развитию производительных сил Урала». Будущей столицей объединенной Уральской республики Россель видел Екатеринбург.

Далее история с Уральской республикой развивалась поистине драматично. Напомним, что изменение статуса субъекта Федерации по действовавшей тогда Конституции РФ было возможно при выполнении двух условий. Первое — проведение местного опроса населения с

положительным результатом. Это условие худо-бедно, со всеми известными оговорками, о чем мы писали выше, свердловчанами было выполнено. А вот второе условие — утверждение этого решения Съездом народных депутатов Российской Федерации — оказалось невыполнимым в принципе. В период острейшего политического кризиса осенью 1993 года президент РФ Б. Ельцин подписал 21 сентября Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», прекращавший деятельность Верховного Совета РФ и Съезда народных депутатов РФ. Последовавшие затем трагические события в Москве 3–4 октября и расстрел Белого дома однозначно поставили точку в работе съезда. Это означало, что все подготовительные усилия свердловчан по созданию Уральской республики рассыпались в прах. Принимать решение на федеральном уровне об изменении статуса Свердловской области было просто некому. Съезд распустили, а ведь только он один мог узаконить Уральскую республику. Наступил правовой вакуум, и законная процедура признания республики стала просто невозможной. Сложилась странная ситуация: уральцы хотели все сделать по закону, но не имели для этого возможности по независящим от них обстоятельствам.

Впрочем, справедливости ради заметим, не было никакой уверенности, что Съезд народных депутатов РФ поддержал бы инициативу уральцев. По крайней мере, известно, что Р. Хасбулатов крайне негативно воспринял новость о провозглашении Уральской республики. Он обвинил в инспирировании процесса суверенизации России Конституционное совещание, созданное Ельциным, а Свердловская область, по его словам, «воспользовалась заговорщическими формами суверенизации, последствия которых губительны для России, так как ведут к ее дезинтеграции» (Уральская республика... 1993, с. 7).

Понимая, что после президентского Указа № 1400 правовых инструментов не осталось, свердловчане начали действовать в одностороннем порядке, осознавая, что формально нарушают закон и выходят за пределы правового поля. К тому же поджимало время: тот же Указ своим п. 2 предписывал «Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями рабочей группы Конституционной комиссии», а значит, оставалась еще призрачная надежда вписать в новый текст Конституции РФ Уральскую республику вместо Свердловской области.

27 октября депутаты Свердловского облсовета собрались на очередное заседание. Одним из пунктов повестки дня был вопрос о принятии Конституции Уральской республики. Обсуждение проходило бурно. Ряд депутатов, еще вчера поддерживающих Росселя, высказывали свои сомнения. Депутат Якимов: «В сложившейся политической обстановке в стране принятие Конституции Уральской республики является дестабилизирующим фактором»; депутат Емельянов: «Когда мы поднимали

вопрос об Уральской республике, во всей стране была другая ситуация и другая Конституция. Сейчас проект Конституции РФ переписывается, и понятие “суверенные республики” [что особенно раздражало Росселя. — С. М.] из него исключается». Депутат подчеркнул, что в проекте федерального документа может быть еще очень много положений, о которых на Урале пока не знают. Соответственно, велик риск, что едва

Голосование за проект Конституции Уральской республики состоялось 27 октября 1993 года.

*Результаты:
за — 171 депутат,
воздержались — 8,
против — 10*

принятая уральская Конституция войдет в противоречие с проектом федеральной Конституции. Ему парировал руководитель депутатской рабочей группы по подготовке Конституции Уральской республики депутат Мальцев: «Если мы сегодня примем Конституцию, те, кто придет после нас, смогут внести поправки, если не примем — Уральская республика прикажет долго жить. <...> Как бы ни сложились обстоятельства, насколько бы ни оправдались предпо-

ложения и прогнозы скептиков, я уверен в одном: мы шли правильным путем. Не растерялись, не самораспустились, а постарались выполнить свою задачу по возможности полностью».

Голосование за проект Конституции Уральской республики состоялось в тот же день, 27 октября 1993 года, ближе к вечеру. Результаты голосования: за — 171 депутат, воздержались — 8, против — 10. 30 октября текст Конституции был опубликован в «Областной газете» и она, соответственно, вступила в силу. Конституция не предусматривала права выхода республики из состава России, содержала принципы и механизмы разделения властей и гарантии местного самоуправления. Вводился институт всенародно избранного губернатора (не президента!), правительства, председатель которого назначался губернатором только с согласия двухпалатного парламента. Губернатор наделялся правом вето, но парламент мог преодолеть его квалифицированным большинством; парламент вправе был выразить недоверие республиканскому правительству в целом и возбудить процесс отрешения губернатора от власти в случае нарушения им Конституции Уральской республики.

Указом № 1 Эдуард Россель возложил на себя исполнение обязанностей губернатора республики (до проведения всенародных выборов), а правительства республики — на правительство области (председатель В. Трушников). Специальным решением облсовета день 27 октября объявлялся праздничным нерабочим днем на территории Уральской республики.

2 ноября Россель вылетел в Москву для участия в расширенном заседании Совета министров — правительства РФ в Кремле, на котором обсуждались меры по стабилизации и реформированию российской экономики. На этом заседании президент РФ Ельцин выступил с большим докладом, в котором, в частности, заявил: «Слабым местом в

Участники несогласованной акции в поддержку Навального на городском пруду Екатеринбурга. Фото: Донат Сорокин / ТАСС. 2021

деятельности федеральной исполнительной власти остается региональная политика. Нет ничего удивительного поэтому, что субъекты Федерации пытаются решить этот вопрос самостоятельно. В том числе через повышение собственного статуса. Видеть в этом только амбиции местных лидеров и политических элит просто наивно. Именно в Москве есть огромное желание удержать полновластие над регионами. Но пора наконец понять: сохранить прежние порядки невозможно. Требование времени — разумное разграничение функций и ответственности. Альтернативы этому нет и уже не будет». Эти слова президента были восприняты свердловчанами как косвенная поддержка со стороны земляка Ельцина, их перепечатали практически все региональные СМИ, что еще больше вдохновило авторов Уральской республики.

8 ноября облсовет принял решение о назначении даты референдума по Конституции Уральской республики, выборов губернатора и депутатов Законодательного собрания Уральской республики. Они должны были состояться 12 декабря 1993 года одновременно с голосованием по Конституции РФ и выборами в обе палаты Федерального собрания РФ. Однако уже на следующий день, 9 ноября, президент РФ Б. Ельцин своим Указом № 1874 прекратил деятельность Свердловского областного Совета народных депутатов. Облсовету вменялись в вину неоднократные нарушения Конституции и законодательства РФ, выразившиеся в одностороннем изменении конституционно-правового статуса Свердловской области и провозглашении Уральской республики. Все решения облсовета об Уральской республике были объявлены юридически

ничтожными. Еще спустя день, 10 ноября, появился президентский Указ № 1890 об отстранении от должности главы администрации Свердловской области Э. Росселя с формулировкой «за превышение полномочий». Тем не менее в тексте Конституции РФ, вынесенной на голосование 12 декабря 1993 года, появилось положение о равноправии субъектов Российской Федерации. Уральцы не без оснований считали это своей заслугой.

* * *

Собственно, на этом история Уральской республики закончилась. Она просуществовала только 132 дня, с 1 июля по 9 ноября 1993 года. Однако спустя тридцать лет на Урале не забылась, скорее, напротив, стала частью современной уральской идентичности (Киселев, Щербаков, 2013), ее «героическим мифом». И как часто бывает с коллективной

*Уральская республика
просуществовала только
132 дня, с 1 июля по
9 ноября 1993 года*

памятью, для самих уральцев история их республики за прошедшие годы покрылась флером романтики и ностальгии по утраченной способности к большим начинаниям, когда помнится главное, а другое, пусть весьма важное и существенное, уже позабылось.

Но есть в этой истории и то, о чем сами устроители вспоминают неохотно, дабы не разрушать романтический миф. Прежде всего это касается представлений авторов Уральской республики об идеальном, на их взгляд, территориальном устройстве России. Как мы показали выше, для Росселя Российское государство должно оставаться Федерацией, но при условии полной ликвидации национально-государственных образований, превращения их в равные со всеми территориально-административные образования (губернии). Это снимало бы существующую асимметричность Федерации и обеспечивало равенство в правах ее субъектов. Именно такой позиции первоначально придерживался Россель, что сближало его с политической программой Жириновского, с той лишь разницей, что лидер ЛДПР выступал за полный отказ от федерализма и переход на унитарную форму государственного устройства.

Лишь позднее, чувствуя сопротивление лидеров национальных республик, входящих в состав РФ, и понимая, что Москва не пойдет на ликвидацию национально-государственных образований, опасаясь всплеска сепаратизма, Россель приступил к реализации другого варианта — изменения конституционно-правового статуса Свердловской области до уровня республики. Так родился проект создания Уральской республики — территориального образования в составе Российской Федерации. Но очень быстро, буквально через два с половиной месяца, Россель предложил новый проект, опять-таки вторя Жириновскому: укрупнение российских регионов путем создания большой Уральской республики посредством объединения шести областей Уральского региона в единый субъект Федерации.

Со временем, когда ситуация с территориальным делением страны успокоилась, а война в Чечне, со своей стороны, показала всю пагубность чрезмерного вмешательства федерального центра в дела национальных республик, в риторике Росселя напрочь исчезли слова о ненужности «суверенов» в конструкции Российской Федерации. Эта тема постепенно забылась, в региональном истеблишменте не принято было о ней вспоминать, как и о еще недавней близости позиции Росселя позиции Жириновского.

Другим, не самым комфортным для романтических воспоминаний об Уральской республике является вопрос о чистоте юридической процедуры ее провозглашения. Как мы показали, она была далека от правовых стандартов. Строго говоря, результаты опроса, проведенного на территории Свердловской области 25 апреля 1993 года, нельзя было класть в основу провозглашения Уральской республики 1 июля. Опрос проводился вне всякой связи с изменением конституционно-правового статуса Свердловской области и имел к появившемуся позже проекту Уральской республики лишь косвенное отношение. Уже тогда на это правовое несоответствие обращали внимание представители областной прокуратуры, но их замечания были проигнорированы Эдуардом Росселем и депутатами облсовета.

Что еще более существенно, так это акт одностороннего, без утверждения Съездом народных депутатов Российской Федерации, изменения конституционно-правового статуса Свердловской области и провозглашения ее Уральской республикой. Мы показали выше, что это произошло не по злему умыслу свердловчан, а в силу сложившихся в стране политических обстоятельств и возникшей, как следствие, невероятной правовой коллизии. Но факт остается фактом: лишившись правовых механизмов, уральцы осознанно пошли на нарушение действующего законодательства, за что и были политически наказаны президентом РФ. Косвенным признанием своих неправовых действий со стороны авторов Уральской республики стал безропотный роспуск облсовета и покорная отставка главы администрации Свердловской области.

Впрочем, провозглашение Уральской республики и последующая отставка сделали Э. Росселя крайне популярной политической фигурой в регионе. В декабре 1993 года он был избран членом Совета Федерации ФС РФ от Свердловской области, а в 1995 году — ее губернатором. Он пробудет на этом посту до ноября 2009 года, а затем снова вплоть до сентября 2022 года перейдет на работу в Совет Федерации. Все эти годы его имя будет прочно ассоциироваться с проектом несостоявшейся Уральской республики.

Список литературы

Алябьева Т. Дискуссия по поводу модели федеративного развития России на рубеже XX–XXI вв. // Постсоветский материк. 2019. № 1 (21). С. 21–52.

Аминов И. Модификации и трансформации региональной конфликтности в России // Культура. Политика. Понимание (Культура, нация, государство — проблемы идентичности в контексте современной политики). Материалы VI Международной научной конференции (17–19 мая 2018 г., Белград). Белград: Институт политических исследований, 2018. С. 16–26.

Гелеранский П. Сепаратизм и региональная стабильность в контексте регионального и национального факторов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 3 (22). С. 133–137.

Кириллов А. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990–1997 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.

Киселев К., Щербаков А. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1. С. 138–150.

Морозов Ю. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7 (244). С. 44–59.

Мошкин С. Уральская республика. Хроники // Дискурс-Пи. 2013. № 13. С. 103–107.

Рябов А. Уральская республика: мифы и реалии // Свободная мысль. 2007. № 6 (1577). С. 149–159.

Осипов И. Проект создания Уральской республики в 1993 г. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2018. № 3. С. 143–161.

Уральская республика и проблемы становления новой российской государственности / Отв. ред. А. В. Гайда, А. В. Иванов. Екатеринбург, 1993.

Несовременная страна*

Владислав Иноземцев,
экономист, социолог,
доктор экономических наук

В программе семинара тема моего выступления «Не нормальная страна: расходящиеся пути Европы и России в XXI веке» обозначена примерно так же, как название моей книги, изданной в 2018 году, — «Несовременная страна. Россия в мире XXI века». Сейчас это название не то чтобы устарело — скорее, наоборот, оказалось очень удачным с точки зрения перспективы, так как многое из того, что было сказано, подтвердилось и даже усилилось. И мне хотелось бы поговорить о том, почему Россия кажется или является не такой, как все. Возможно, из этой позиции мы каким-то путем выйдем к пониманию происходящего и попытке ответа на вопрос, что нужно делать, чтобы стало лучше.

На написание «Несовременной страны» меня подвигла давно изданная книга известного экономиста Андрея Шлейфера, которого многие мои коллеги, включая Константина Сони́на, считают одним из лучших экономистов современности. Он работает в Гарварде. В 90-е годы недолгое время он был консультантом российского правительства и потом достаточно часто высказывался о России. В 2005 году в условиях, когда все в России было вроде бы неплохо, Андрей написал сначала статью в журнале *Foreign Affairs*, а затем и книгу «Россия как нормальная страна». Она так и называлась: «Нормальная страна: Россия после коммунизма» (*A Normal Country: Russia after Communism*. Harvard University Press, 2005).

Эта книга произвела на меня тогда ужасающее впечатление по подходу к исследованию, а именно — по неумеренному оптимизму и искусственно подобранным аргументам. Тогда я ограничился рецензией.

* Выступление на семинаре Школы в Риге 16 февраля 2023 г.

Потом на Западе началась дискуссия на эту тему. При этом критические возражения казались мне крайне разумными. И к середине 2010-х у меня выкристаллизовался ответ на книгу, но в другом ключе.

Мне казалось и кажется, что на Западе большинство дискуссий о России идет в рамках того, что «есть некая *норма*, а есть некая *аномалия*». И как бы сам Запад — это норма: демократия, рыночная экономика, права человека, верховенство закона, все, чему нас учили в 90-е годы, — все это есть некий универсальный подход, который по определению правильный. А есть страны, которые до этого подхода не дожили, недоразвились, не осознали его. То есть эти «не очень правильные» страны — авторитарные, нарушающие права человека, не допускающие рыночной экономики, противящиеся свободе предпринимательства — это *аномалия*. И когда все станет хорошо, когда все осознают, что «правильно — это хорошо, а неправильно — это плохо», то наступит фукуямовский «конец истории».

Вот такая была примитивная схема. Россия казалась страной *ненормальной*, потому что все, что там происходило, нормальным считать было сложно.

Например, коррупция — это нормально? Конечно, это ненормально! Россия — коррумпированная страна, это ужасно! Хотя на самом деле если бы она не была таковой, то Киев уже давно бы взяли. Но об этом никто не думает.

Поэтому мне казалось, что этот подход довольно примитивный и что нужно подойти по-другому: ведь нормы у всех разные, не нужно насаждать свои представления ни о чем, потому что это в любом случае диктаторский подход. Нужно смотреть на то, что происходит, и анализировать то, что происходит.

И когда я к этому подошел, то предложил другой вариант: Россия не столько *неправильная* страна, сколько *несовременная*.

Моя идея заключалась в том, что последние 20–30 лет Запад не понимает Россию потому, что он идет в одну сторону, а Россия — в другую. То есть не то что там другие люди и другие порядки — нет. Это как будто машины на четырехполосной автостраде, а один грузовик несется по ней, но в обратном направлении, отчего, естественно, у всех волосы встают дыбом.

На мой взгляд, мы должны говорить именно об этом: что Россия — страна действительно по своей истории во многом европейская. По культуре она тоже в какой-то мере европейская, ведь мы лучше понимаем европейские каноны, чем азиатские. По уровню жизни, по стилю жизни мы действительно инстинктивно стремимся к Европе, к Западу. Никто из российской богатой публики в 1990–2000-е годы не стремился эмигрировать, например, в Китай, Индию или Иран — все ехали в Европу.

Но есть одна проблема: Россия — это страна, потерявшаяся во времени. Когда западные коллеги мне говорят: «Посмотрите, Путин напал на Украину, как ужасно! Борьба за территории — это что же такое? В каком мире мы живем? Путин — это вообще не европейский человек!» Я отвечаю: «Нет, Путин — европейский человек. Потому что лет триста тому назад европейские страны так же нападали друг на друга, делили территории, кромсали границы и убивали треть населения во время Тридцатилетней войны. И как у Путина сейчас возникает идея “православного мира”, так и у вас были религиозные войны. Ничего оригинального в этом нет».

*Россия – это страна,
потерявшаяся
во времени*

Или, например, что очень сильно возмутило многих участников дискуссии две недели назад в Брюсселе — там собирались представители российских регионов, выступая за их отделение в виде независимых государств. Каждый выступающий — черкесы, якуты, буряты и так далее — говорил о том, что их народ подвергнулся геноциду безумным русским народом.

Я с этим не собирался спорить, так как мы находились в Бельгии, в стране, которая устроила большой геноцид в Конго во второй половине XIX века.

Поэтому проблема России, на мой взгляд, заключается в том, что она другая: это европейская страна, из XVII века, из времен до эпохи Просвещения, попавшая в XXI век. Она заблудилась не в пространстве, а во времени. Она сохраняет веру в традиционные ценности — в возрождение религии, государственной экономики, приращение территорий, насилие как инструмент организации общества — это все вполне европейские идеи 400-летней давности.

Мне всегда было интересно понять, почему Россия постоянно хочет вернуться в прошлое. По этому поводу есть много объяснений, можно об этом говорить более подробно или менее подробно. Но когда говорят, что «вот завтра Путин умрет или его убьют табакеркой и Россия станет снова европейской страной» — я в это не очень верю. Потому что помимо Путина внутри государства, внутри общества есть очень большое количество исторических и прочих комплексов, которые делают страну такой, какой она является.

Более того, я бы даже рискнул сказать, что Путин не придумал все эти идиотские теории, начиная от «русского мира», «традиционных ценностей», роли религии, государственной экономики, вертикали власти и проч. В значительной мере он воспринял то, что население хотело увидеть или услышать, и скомбинировал это в некое примитивное подобие идеологии, и потом в этой концентрированной версии вернул обратно в мозги населения. То есть люди услышали из Кремля то, что они, собственно, готовы были услышать и хотели отчасти услышать, а не то, что им было чуждо, но было насаждено пропагандой в головы. В 90-е годы «чуждая пропаганда либерализма» определенно не имела такого

успеха. И в двухтысячные годы не имела. А путинская пропаганда *имела*. Причины этого, довольно объективные, существуют и в прошлом, и отчасти в настоящем.

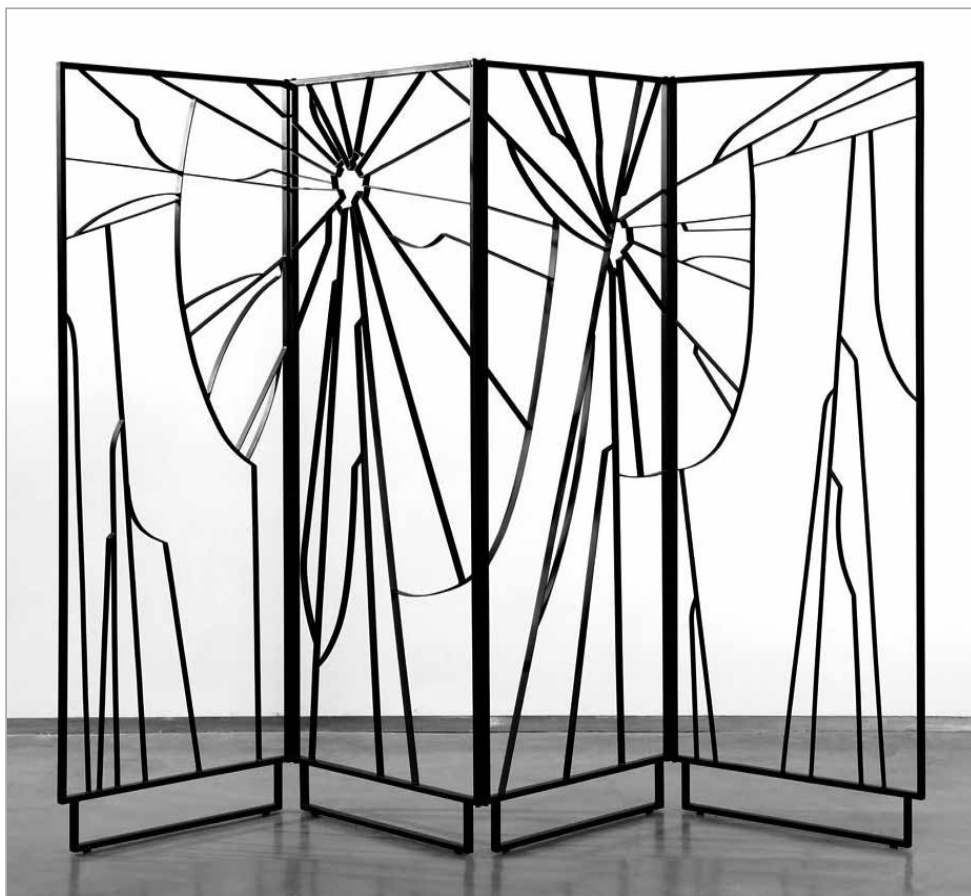
Например, если мы говорим про государство и про имперскость России, это одна из важных тем. Возможно, вы помните фразу Бжезинского о том, что «без Украины Россия перестанет быть империей» и фактически поэтому она будет бороться за Украину, что подтвердилось в полной мере. Действительно, Россия борется за империю. И я думаю, что это еще не последний акт трагедии, борьба будет продолжаться.

Мы видим в Европе очень болезненное отношение к Польше, которая тоже была одной из крупных европейских империй и пересекалась с Российской империей по территориям. Мы видим очень сложные отношения с Турцией, которая тоже была империей и тоже пересекалась с Российской империей по территории. Вот эти имперские комплексы очень сильны. Почему? Я это объясняю довольно просто: Российская империя формировалась очень похожим образом на то, как формировались европейские империи.

То есть ровно в те же времена, когда испанцы, англичане и французы стали плавать за океан и основывать свои колонии в Северной и Южной Америке, москвиты перешли через Урал, пошли в Сибирь и, в общем, дошли до Тихого океана достаточно быстро — до того, как они присоединили Киев и Левобережную Украину. И была фактически создана эта «Московская империя», как я ее называю. Империя, которая была создана частью русского населения — не всем населением, а именно вот этой Московской, Владимирской Русью, которая впоследствии стала Россией, с присоединением Пскова, Новгорода и Восточной Украины. Но сформировалось это государство именно как *империя* — оно не сформировалось как национальное государство. Европейские же государства (тоже очень любопытный пример) пошли за океан только тогда, когда они стали *нациями*.

Если посмотреть на то, как создавались европейские империи, совершенно неслучайно, что англичане начали свои «колониальные эксперименты» после унии с Шотландией. Испанцы — после объединения Испании и Конкисты. Французы — тоже после того, как сформировалось крупное французское государство. И ни одна страна не начала эти завоевания *до того*, как она стала нацией, то есть не было заокеанских колоний ни у Пьемонта, ни у Пруссии, но они сразу же появились у Италии и Германии, как только они стали Италией и Германией, в конце XIX века.

А в России этого не было. Россия сама стала империей, которая была создана одной из ее составных частей. И, кроме имперской сущности, у нее по большому счету ничего не было. Ничего национального в Московии не было — это была часть бывшей Древней Руси, которая реализовалась в империю. А другие ее части, которые находились в зоне влияния Литвы, Речи Посполитой и других государств, империями не

Михал Хелфман (Michal Helfman). Инсталляция на выставке «В поисках утраченного времени». 2015

стали. И затем, когда Россия начала расширяться уже на втором этапе — на запад до Варшавы, на север до Финляндии, на юго-запад до Кишинева и на юг до Баку и Таджикистана, — то эта вторая волна тоже была очень похожа на европейскую. Потому что, в отличие от первой волны (чисто колонизаторской, когда европейцы переселялись сотнями тысяч на новые территории), вторая волна экспансии на юг, которая у европейских держав началась в XIX веке, таким переселением уже не сопровождалась. То есть никогда не было значительной части французского населения в Индокитае, английского — в Индии или Родезии (в Родезии было, но все равно это было меньше 10%, в отличие от североамериканских территорий). В России было ровно то же самое: поход на юг, захват Кавказа, в том числе Северного, захват Центральной Азии не предполагал переселения туда большого количества русских, кроме Северного Казахстана. Мы нигде не имели там большинства русского населения и метрополии.

И понятно, что эта империя распалась таким же образом, как распались европейские империи во второй половине XX века. Но отличие

осталось именно в том, что Московская империя сохранилась почти целиком под нынешним названием Российской Федерации, в то время как поселенческие колонии европейских держав откололись от них еще в конце XVIII или в XIX веке.

Вот в этом отношении этому имперскому сознанию *нет альтернативы*. К тому же надо понимать, что европейские империи развивались, как я это называю, «в ритме сердечного сокращения».

Я не помню фамилии британского генерала — была знаменитая битва при какой-то деревне времен борьбы за независимость, от которой осталась картина, где этот генерал, по-моему, Корнуоллис, сдается Вашингтону. Потом в ходе американской Войны за независимость он получил свободу и через 15 лет уже воевал в Индии и одерживал там победы.

То есть в данном случае речь идет о том, что западные империи были привычны к тому, что они теряют часть владений (как это было, например, у испанцев в начале XIX века или у англичан в конце XVIII века), а потом снова начинают их наращивать, как это было в XIX веке, когда европейские державы поделили Юго-Восточную Азию и Африку. После этого они потеряли и эти колонии и тоже долго переживали. Но, так или иначе, идея «расширения — сжатия, расширения — сжатия» стала к XX веку для европейских метрополий привычной.

А для России она никогда не была привычной, потому что Россия только расширялась и имела «матрешечную» природу: Московская империя стала Россией и создала Российскую империю через новые захваты. Любая потеря территории при этом казалась катастрофой.

И поэтому россияне были так воодушевлены захватом Крыма: с приобретением одного процента территории это стало предметом национальной гордости на многие годы, хотя по большому счету никакого смысла в этом, на мой взгляд, не было (я уже не говорю про Донбасс!).

Но, так или иначе, я не понимаю, каким образом могут быть изжиты в России имперские реминисценции, связанные с прошлой историей.

Европейцы изжили их просто, как ни странно. Мы знаем экономические и многие другие причины образования и существования Европейского союза, но в одном своем качестве он является, как я его называю, «клубом анонимных алкоголиков», где люди собираются и начинают рассказывать друг другу о своих проблемах, находя тем самым их решение. Европейцы в этом отношении — удивительный союз, потому что 14 стран из 27 — это бывшие имперские метрополии. Потеряв свои колонии и объединившись между собой, они по большому счету построили новую, демократичную, правовую «империю», которая расширяется добровольно, в отличие от бывшей европейской империи. Но при этом они все стремятся создать что-то больше себя — но теперь уже на принципах XXI века. А Россия пытается создать что-то больше себя на принципах XVII века — и в этом опять-таки не проблема, а в какой-то мере

беда России, и эта беда приходит из-за того, что она несовременна, не старается встроиться в современность. Она видит свое величие в прошлом и хочет в него вернуться.

И второй момент — по поводу экономики. Экономика в России тоже уникальна. И опять-таки мы не можем сказать, что такой ее сделал Путин (я не выступаю при этом апологетом Путина, упаси бог!), потому что российская экономика, в отличие от европейских экономик, на протяжении сотен лет развивалась как экономика, в которой колониальное доминирует над метрополией.

В свое время с профессором Валерием Зубовым, ныне покойным, мы писали книгу о Сибири, это было еще в середине 2010-х годов. И по состоянию на 2013 год рассчитывали долю экспорта России, которая приходит из-за Урала: она составляла приблизительно от 74 до 77%.

Таким образом, страна, где основное население, считающее себя европейским, продвинутым, культурным, живет в регионах, которые по большому счету ничего полезного для мира не производят, — несовременная страна.

Ни в одной европейской стране колонии не доминировали в экспорте государства! Ни в одной европейской колониальной стране, даже в Португалии с ее Бразилией! Уникально, но факт. Единственный, может быть, редкий момент такого рода был во времена революции цен, когда испанцы везли из Америки награбленное у инков и ацтеков золото и распространяли его по всей Европе. На протяжении 25, может быть, 30 лет.

А в России это продолжается *всегда*, начиная со времен, когда колонисты пошли в Сибирь и стали привозить оттуда пушнину, которая стала главным объектом экспорта. И эта ситуация сохраняется постоянно. Она создает огромное давление на сознание. Потому что когда вы вывозите сырье и не вывозите товары, производимые талантливым населением, то у вас автоматически возникает ощущение, что «люди не нужны экономике, нужно сырье, нужны территории, а если, условно говоря, в борьбе за нефтяной район вы положите 100 тысяч человек, то ничего страшного, еще нарожают, а нефтеносный район будет наш».

Эта логика абсолютной дегуманизации в экономике и перенесение акцента с человеческого капитала на территории, на сырье, на какие-то материальные вещи — она не присуща ни одной европейской экономической системе. Поэтому Европа и Соединенные Штаты (и даже пошедшие по их пути Япония и Китай) воспринимают практически любой технологический прогресс как данность и как пользу. А в России это вызывает в значительной мере ужас и полное неприятие: «Лучше привезти миллион таджиков, чем начать производить хороший экскаватор», причем об этом мы спорили публично с господином Кудриным, который

*Российская экономика
развивалась как
экономика, в которой
колониальное доминирует
над метрополией*

утверждал: «Нет, таджики нужны, потому что у нас мало населения». А когда ему попытались рассказать, что в Европе резкий всплеск производительности в 70-е годы пришелся на время снижения рождаемости, это вообще было невозможно объяснить.

Потому что иначе у вас *нет мотива* повышать производительность. Нет мотива вводить новую технику, если много народа. Или если у вас дешевое сырье, у вас тоже нет необходимости и мотива создавать энергосберегающие технологии, которые создали японцы в 60-е годы.

И те же самые «традиционные ценности»: вертикаль власти, насилие как инструмент — все это тоже внесено в российскую историю не вчера. Я против того, чтобы объяснять наши неудачи монгольским нашествием, — это давно уже надо «списать», на мой взгляд, потому что события 700-летней давности ни на что не влияют. Но в любом случае у нас нет стремления сопоставлять себя с другими. Любые фундаментальные модернизации в любой стране мира — от Бразилии до Южной Кореи, от Тайваня до той же Франции в начале XX века после Франко-прусской войны — все они происходили по одной причине: правительство и население страны осознавали себя страной *несовременной* именно потому, что рядом была другая страна, которая явно делала бóльшие успехи. В России такое сравнение невозможно, я не могу себе представить дискуссию о том, что мы отстаем, например, от Польши по таким-то параметрам.

Например, по тому же самому энергосбережению мы очень сильно отстаем, так давайте дотянемся до польских стандартов и применим польские методы! «Да кто такие поляки?! — скажет любой российский управленец и даже многие русские интеллектуалы. — У нас есть собственный путь. Зачем нам энергосбережение, когда у нас столько ресурсов? Мы пойдем своим путем!»

Когда мы говорим, что у нас был Гагарин, изобретено радио, была победа в Великой Отечественной войне, то реакция понятна: «Слушайте, у нас было так хорошо, зачем нам делать что-то иное, а тем более привнесенное кем-то еще?» Вот это и есть *путинская идеология*: он прекрасно понимает, что населению это приятно слышать. И люди, естественно, пытаются если не идти назад, то по крайней мере не хотят идти вперед, потому что «у нас же было хорошо, и надо просто улучшить то, что было хорошо». А как мы к этому пришли и сколько людей и поколений было уничтожено для того, чтобы Гагарин куда-то полетел, об этом мы вообще не вспоминаем!

Можно долго перечислять все эти вещи.

Скажем, тот же пример «русского мира» — очень странный концепт, который Путин родил. Потому что на самом деле «русских миров», очевидно, *два* — я писал об этом еще до оккупации Крыма. Когда стояли пикеты у Бронзового солдата в Таллине, было понятно, что есть два абсолютно разных «русских мира». Есть «русский мир», который по

каким-то причинам остался формально за границами Российской Федерации: это большое количество людей, которых нужно было понять и каким-то образом пытаться вернуть в Россию, то есть сделать все возможное, чтобы они возвращались. Это было бы абсолютно правильно с точки зрения любой страны. (Например, Франция эвакуировала своих граждан французского происхождения из Алжира, Индокитая и других территорий.)

И есть другой «русский мир» — это мир людей, которые по разным причинам (в основном экономическим, отчасти культурным, национальным и личным) уезжают из России в Америку, Израиль, Францию, Германию, встраиваются в новые общества и часто становятся их успешными членами.

Если посмотреть на людей, приехавших из СССР и России в США, то мы увидим, что их средний доход и уровень образования выше, чем у рожденных в Америке. Потому что эти люди образованны, они приехали более мотивированными, их готовность к конкуренции выше, они стремились больше добиваться в этом обществе, не имея при этом тех возможностей, которые были у американцев: социального обеспечения, бэкграунда, родителей в Америке. Это другой «русский мир», не путинский. Это мир, который даже не хочет быть русским.

В Москве есть 57-я школа. Ее выпускники раньше проводили маевки: выезжали на майские праздники в какой-нибудь дом отдыха в Москве или под Москвой. А теперь такая маевка проводится каждый год в Майами, и туда приезжают приблизительно от 400 до 900 человек! Это лучшая физико-математическая школа Москвы, и около тысячи ее выпускников сейчас постоянно живут в США. Когда я прихожу в гости к некоторым из них, то обсуждается все что угодно: идеи либерализма, новые прорывы в искусственном интеллекте, проблемы Трампа, BLM, а Россию вспоминают во время чая на пять минут. То есть это другой «русский мир». Да, он *русский*: они читают и говорят по-русски, их дети учатся по-русски иногда, но он уже не в России.

А есть «русский мир», от Эстонии до Донбасса, который видит свою идентичность именно в России. Другой идентичности он не видит, в глобальный мир входить не хочет, и по большому счету он не сам выбрал это решение. Он там остался и теперь демонстрирует свои комплексы.

Я в свое время называл в одной своей статье эти два мира как «мир профессиональных русских» и «мир русских профессионалов» — абсолютно непересекающиеся миры.

Но для российского руководства — так как им нужны сентенции, территории, имперскость, пятая колонна и т.д. — конечно, «мир профессиональных русских» важнее «мира русских профессионалов».

*Россия сейчас движется
в дикую архаику.
И эта архаизация делает
страну очень опасной для
мира и для самой себя*

Депортации — это классический XIX и, может быть, XX век: после Второй мировой войны выселение судетских немцев. Или, наоборот, приход немцев в Чехословакию в 1938-м и выселение чехов из Судетов, которые были первоначально оккупированы.

Это все очень старо. Еще раз повторю: это не то что *неправильно* или *ненормально*, а это *когда-то* было нормой. А Россия сейчас движется в дикую архаику. И эта *архаизация* делает страну очень опасной для мира и в какой-то мере для самой себя. Что с этим можно сделать? В последнее время я прихожу к выводу, что *изнутри* страны сделать практически ничего нельзя.

В 90-е годы усилиями Михаила Сергеевича Горбачева случилась уникальная ситуация, когда власть сама попыталась это поменять. Был запущен очень мощный маховик перемен, но этот процесс закончился неудачей, я бы даже рискнул сказать, в 90-е годы. Я не делаю разницы между 1990-ми и 2000-ми годами. Насаждение религии, память о «Севастополе как русском городе», махинации на выборах 1996 года, олигархизация и прочее — все это прекрасно началось при Борисе Николаевиче Ельцине, у которого товарищ Путин был верным преемником.

На мой взгляд, есть, конечно, другой вариант: возвращение в Европу.

Но может ли Европа предложить России перемены *извне*, а Россия, скажем, после поражения согласиться на это? По моему мнению, в такой стране, как Россия, несовременность искоренить изнутри нельзя, особенно в условиях, когда все последние 30 лет идет колоссальный исход на Запад людей, которые считают себя современными и совместимыми по своему интеллектуальному и ментальному подходу с развитым миром.

Эту ситуацию, по-моему, нельзя исправить без внешнего, очень четкого влияния и без попытки инкорпорирования России во что-то большее.

Завершая, хочу сказать, что европейцы уже совершили в свое время очень важную ошибку с одним из своих, так сказать, не совсем удачных и не совсем замечательных в какое-то время членов: с Германией в 1918-м году, когда фактически отношение к Германии после Версальского договора было именно таким, что «Германия — это нормальная страна, с хорошими традициями. Да, у нее была эта безумная попытка свергнуть мир в войну, но...»

Немцев во время Первой мировой войны третировали так, как не третировали русских сейчас нигде! Их вообще называли «нацией дикарей», которые не заслуживают существования в человеческом общежитии. В свое время была очень хорошая статья на ресурсе Republic о немцах в Первую мировую войну: какая страшная антинемецкая истерия процветала в те годы в западном мире, от Франции и до США!

Но, так или иначе, потом было решено, что люди образумятся. Возникает демократическая республика, свергнута империя, уменьшена территория, и все будет прекрасно и хорошо — надо только дать время,

чтобы было все нормально, чтобы Германия как нормальная страна (как говорил Андрей Шлейфер про Россию) «чуть-чуть образумилась».

А «образумилась» она к 1933 году.

И когда второй раз произошло то же самое, но с гораздо бóльшими последствиями, Европа поняла, что нельзя оставлять страну «на подумать» вонне своих границ. Нужно ее сначала инкорпорировать, обложить всеми возможными договорами и ограничениями, включить ее в Европейское экономическое сообщество, в НАТО, другие евро-атлантические структуры — и потом 40 лет смотреть на это потрясающее образование, когда оно становилось мирной европейской страной.

С Россией такая же ошибка была совершена в 1991 году. Тогда ее тоже оставили «на подумать», полагая, что все будет нормально — а «нормальность» мы получили 24 февраля.

Если Европа второй раз пройдет по тому же пути (что с Германией), это будет просто «территория невыученных уроков». Поэтому, на мой взгляд, для европейцев считать, что можно жить безопасно, не имея России в Европе, — иллюзия. Именно потому, что Россия — это несовременная страна, и если ее не *осовременить*, то эта угроза будет существовать и дальше.

Дискуссия: вопросы и ответы

Катаржина Хаврило, Варшава: Как, на ваш взгляд, можно осовременить Россию?

Павел Коктышев, Казахстан: Какие вещи, наоборот, *не нужно делать*, которые провоцируют или не дают раскрыться осовремениванию? То есть что сегодня мешает России стать современной?

Тимур Митрофанов, Гейдельбергский университет: Я хотел бы остановиться на исторической части вашей концепции. Вы сказали, что, в отличие от европейских государств, Россия начала завоевание территорий и создание колоний задолго до формирования национального государства. И упомянули в том числе Италию и Францию как контрпримеры. Но я вспомнил о колонии Венецианской республики, генуэзские колонии, которые появились задолго до объединения Германии и формирования единого итальянского языка и нации. С этой точки зрения вам не кажется, что историческое обоснование вашей концепции уязвимо? Или я что-то не так понял?

В. Иноземцев: По первому вопросу: как можно осовременить Россию? Естественно, это вопрос на Нобелевскую премию: ответа никто не знает. Но я обратил бы в этой связи внимание на следующее.

Дело в том, что когда Россия менялась (в те же самые горбачевские времена), то по большому счету одной из причин, почему это не удалось, было отсутствие ясной перспективы. Поясню.

Когда после распада СССР Восточная Европа уходила обратно в Евросоюз, то всем было понятно, что Польша, Венгрия, Чехия и даже впоследствии Болгария и Балтийские страны — это государства европейские, они всегда были в Европе и были отторгнуты советским правительством в 1949 году, а сейчас возвращаются обратно. Для них возвращение в Европейский союз было очевидным шагом. Для России эта опция никогда не популяризировалась.

*Когда Россия менялась,
одной из причин,
почему это не удалось,
было отсутствие
ясной перспективы*

Когда Европейский союз пытался с Россией выстраивать отношения, то он делал все что угодно, кроме своей обычной *agend'ы*, дорожной карты, то есть никогда не обсуждалось членство России в ЕС, никогда не обсуждался кандидатский статус. Всегда обсуждалось все что угодно — «партнерство ради модернизации», «восточное партнер-

ство», «углубленный пакет помощи», сотрудничество и так далее, придумывали какие-то отдельные варианты, но никогда не говорилось: «Вы можете стать членом Европейского союза, если удовлетворите обычным требованиям». Почему это никогда не было сказано? Я думаю, что это одна из причин, почему Россия движется обратно.

Я не говорю, что Европа должна отдать России план Маршалла. Многие наши оппозиционеры сейчас говорят: «Вот война закончится, Путин уйдет, и Запад должен помочь России, как разбитой Германии». Я абсолютно не понимаю, почему так должно быть? Ведь Германия была разрушена, с колоссальными потерями, с уничтоженным промышленным потенциалом, без всяких ресурсов и с огромными репарациями, которые она должна была платить другим странам, — в этой ситуации Германия, конечно, могла войти в план Маршалла. Но я сильно сомневаюсь, что Россия будет платить Украине репарации! Потому что Россия не завоевана, и никакие «Абрамсы» по Красной площади не прошли и не пройдут. Россия осталась со всеми ресурсами, которые она имела и до этого, она не оккупирована, не разгромлена, ей материальный ущерб не нанесен, поэтому причины для помощи я не вижу.

Я понимаю, план Маршалла для Украины нужен, но не для России!

Но сказать, что «если вы после всех уроков (как это сделали немцы) исправитесь, покаетесь, примете европейские ценности и будете готовы идти по этому пути, то можете стать членом Европейского союза» (как им станет Украина в какой-то перспективе) — вот это сказать необходимо. Без этого нет мотива. Есть мотив только еще больше обидеться и уйти в другую сторону.

Роман Могуций: Сейчас вышла книга Александра Баунова про события в Греции, Португалии и Испании и о том, как они переходили от диктаторских режимов к европейскому существованию. Там большая часть книги посвящена тому, что образ Европы и образ присоединения к Европе очень сильно помогал реформам.

В. Иноземцев: Абсолютно согласен. А когда говорилось: «Нет-нет, вы прекрасные, вы очень хорошие, но этого никогда не будет», то это было очень серьезным демотиватором. Поэтому его нужно снимать сразу. Можно выставить массу условий для вступления в ЕС. Более того, я хочу сказать, что в некоторых случаях даже это не помогает.

Например, если мы посмотрим на принятие в ЕС Болгарии и Румынии — стран, культурно относительно близких к России и Украине, — мы видим, что они не выполнили всех требований Евросоюза и были приняты *авансом*. А если сейчас приехать в Румынию — я там был этим летом, и это очень впечатляет, насколько быстро развивается страна, искореняется коррупция и какой экономический бум идет в целом! Видимо, иногда в некоторых сложных ситуациях действительно надо пойти и на опережение, потому что *извне* невозможно реформировать страну так, как можно реформировать ее, если она уже принята в Евросоюз и на нее уже распространяются де-факто законы единого пространства.

О том, что сегодня мешает модернизироваться и есть ли против этого какие-то действия, инициированные Западом. Я бы сказал, что в общем их нет. В целом мешают модернизироваться интересы российской элиты, безусловно. Она не хочет модернизации, потому что в рамках модернизации большая часть российской элиты и даже бизнеса, не говоря уже про бюрократию, теряет свое значение и свои источники обогащения. Поэтому внутри России запроса сверху на нее нет и не будет. А чтобы что-то с Запада сейчас мешало этим позывам — нет, я бы не сказал. Запад решает свои задачи и санкционной политикой, и многими другими вещами.

Возвращаясь к вопросу о колониях — это очень интересная тема. Но здесь, на мой взгляд, есть разделение типов колонизации. То, о чем вы говорите, — это колонизация, я бы сказал, по финикийскому образцу, когда возникает некое небольшое государство, которое начинает плодить точки влияния, как это было в Финикии, где Карфаген стал жить самостоятельной жизнью вплоть до Геркулесовых столбов. И то же самое было в античной Греции с колониями вплоть до Черного моря и Колхиды. Но это не система, которая управляется в полной мере из единого центра!

Да, в Венеции был Крит венецианский, была Далмация отчасти — это, наверное, пример хороший. Но я бы сказал, что по большому счету это единственное исключение. У Генуи все равно эти колонии были как торговые форпосты в основном. Да и Крит — я не помню, был ли он целиком венецианским или только в районе Гераклиона.

Но, так или иначе, идея ваша понятна, я над ней задумаюсь. Но, конечно, именно как империя — это не совсем получается. Даже о Финикийской империи в античности мало кто говорит — говорят о колонизации финикийской и греческой. То же самое, я думаю, было и с Венецией, которая колонизировалась практически на обломках Византии.

То есть идея правильная, очень глубокая, я над ней подумаю. Но первый ответ — такой.

Лев Кудряков, Тбилиси: Вопрос по поводу инкорпорирования: а оно вообще возможно без какого-то внешнего управления? Ведь такое управление Россией маловероятно в связи с наличием ядерного оружия. А российская элита, как вы сами сказали, в этом не заинтересована и вряд ли она сильно поменяется, даже если Путина не станет.

Михаил Тумасов: Когда вы используете термин «русский», что вы имеете в виду?

Юрий Терехов, Вильнюс: На ваш взгляд, насколько реальна возможность транзита Российской Федерации в современную страну при сохранении современного территориального и колониального устройства? Не кажется ли вам, что современность связана с осознанием страны как собственного национального дома? А колониальная империя, держава, такая как РФ, — это по сути «дом» для всех, для никого, проходной двор для экстракции ресурсов и их продажи.

В. Иноземцев: По поводу инкорпорирования без внешнего управления — это очень хороший вопрос. Я согласен, что внешнего управления не может быть (я это уже подчеркивал), как и победы над Россией в войне не может быть, а может быть вытеснение ее с захваченных территорий Украины, и надеюсь, что это произойдет. Но именно «похода на Москву», как это описывает Илья Пономарев и другие коллеги — такого, конечно, я не предвижу.

Может ли быть инкорпорирование без внешнего управления? Я думаю, что в принципе может, вот именно по стратегии авторитарных стран Европы. То есть по большому счету, если мы вспомним, допустим, конец 70-х, то если бы России действительно тогда предложили вступить в Европейский союз в Маастрихте, но при этом она изменила бы свои законы на протяжении пяти лет и приняла новые законы, которые Европа будет вводить, думаю, что это было бы сделано.

Любая модернизация возникает в результате жестокого поражения или проблемы, которая воспринимается как поражение

Любая модернизация, любая попытка изменить траекторию возникает в результате жестокого поражения или проблемы, которая воспринимается как поражение.

Есть прекрасная книжка *Embracing Defeat* (*Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II*) про послевоенную Японию, название ее можно перевести как «Благословляя поражение». И на самом деле то же самое относится и к Германии, и к Тайваню, и к Южной Корее.

Поэтому мне кажется, что такая ситуация возможна. Она не очень реалистичная. Но если в России начнется, условно говоря, нечто вроде

«Перестройки 2.0» после каких-то серьезных катаклизмов — не в следующем году, а, может быть, к концу 2020-х, — то такая возможность будет. Это будет зависеть от плотности коммуникации с обеих сторон.

По поводу того, кого я считаю русскими. В данном случае, когда я говорю про «русских профессионалов» и «профессиональных русских», я имею в виду людей русской культуры, как говорит тот же самый Путин, людей, которые говорят на русском языке, которые причисляют себя к русским, — здесь важнее всего, конечно, *самоидентификация*.

Вопрос про империю, которая «может ли во что-то превратиться». Вопрос очень интересный, он много кем и много где дебатруется. Мое мнение заключается в следующем: Россия, конечно, в том виде, в котором она сейчас существует, в новое качество перейти не может. Но самым разумным вариантом перехода, на мой взгляд, будет ее трансформация сверху, как ни странно, то есть в виде некоего временного роспуска, например. Идеальная модель, как я бы ее видел, заключалась бы в том, что Россия после Путина или после каких-то новых преобразований не сохраняется как единое государство, пусть и демократическое: нынешняя система настолько нежизнеспособна, насколько это только может быть.

Даже Советский Союз, как к нему ни относиться, был внутренне гораздо более гармоничной системой. Потому что большевики выиграли историческое время: поняв, что система распадается, что империя расплывается, они вынули из империи русскую составляющую. То есть они переименовали империю в *абсолютно ненациональное* пространство СССР, но при этом соединили эти республики вместе на время и сказали, что все 15 республик имеют единые права, могут выйти и прочее, — они и вышли! И в каждой из этих республик было большинство титульной нации — правда, была проблема с Казахстаном, но во всех остальных оно было подавляющим.

А в Российской Федерации на сегодняшний день существует две больших проблемы.

Во-первых, эта Федерация составлена из национальных и территориальных субъектов, и это фактически было одной нацией — *русской* (если ее такой считать). У нее свыше 70 субъектов Федерации, а у остальных народов — 20 или 25! И это уже само по себе очень странно. То есть вы создаете многонациональную Федерацию, названную именем одной из наций, — дикая история!

Второй момент заключается в том, что у вас нет права выхода, и при этом еще одна проблема в том, что даже если объявить право выхода, то на национальной почве это сделать невозможно. Потому что, кроме Тывы, Ингушетии, Чечни, Дагестана, во всех остальных республиках русских все равно большинство, даже в национальных республиках. И если проводить голосование, например, в Удмуртии или Мордовии, то очевидно, что мордва окажется там в меньшинстве. И русские говорят:

«Мы не хотим никуда уходить» — и побеждают на референдуме с 80%. А заставить русских не голосовать — невозможно. Вот это серьезная проблема.

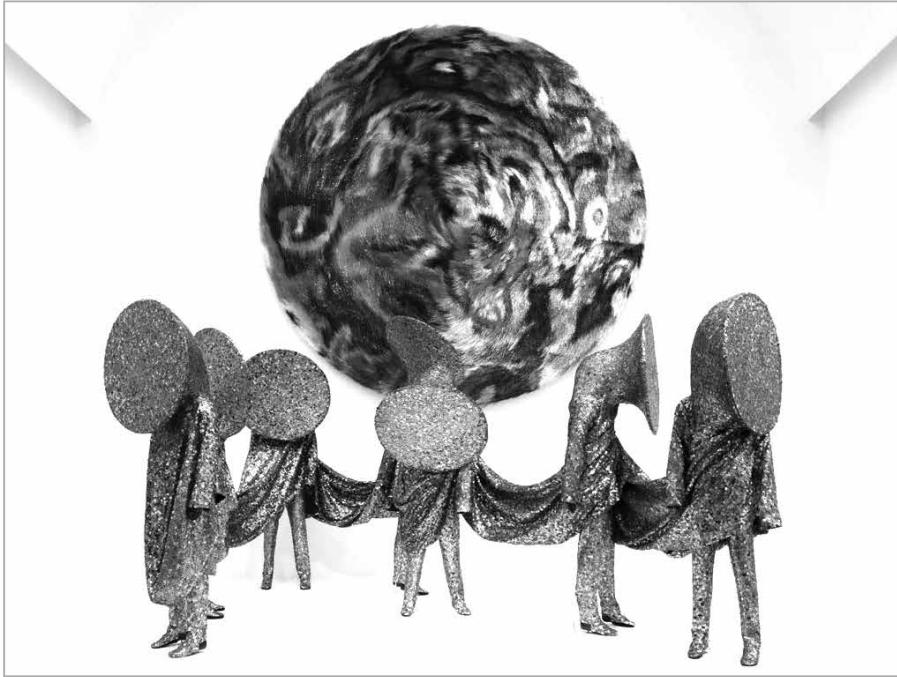
Поэтому мне показалось бы разумным в случае больших преобразований распустить Федерацию в нынешнем виде и предложить вернуться тем, кто хочет (на протяжении двух лет, допустим). То есть два года сохраняется единая валюта, единый паспорт, единые границы, резко расширяются возможности самостоятельности налогообложения, обучения на национальных языках, изменения в Уголовном кодексе — все что угодно, хоть многоженство в Чечне. И после этого проводятся референдумы: кто хочет вернуться — тот возвращается, кто не хочет — тот не возвращается. Потери от этого будут небольшими, я думаю. Могут быть потеряны только окраины: северокавказские республики и, возможно, Тыва и Бурятия. Больше я не предполагаю ничего подобного. Потому что если становится фактом «ребята, вы уходите, мы вас отпускаем», то любая элита в Татарии или Башкирии прекрасно понимает, что если она уходит, то ничего не мешает оставшимся в России или в новой пост-России субъектам перекрыть им все трубопроводы, любые торговые пути. И что им после этого делать? Вообще ничего! То есть в этом случае начнется торг.

Ведь Татарстан, даже будучи весьма сепаратистской республикой, в 90-е годы вел долгий торг с федеральным центром по заключению Федеративного договора. Правильно! Но этот торг должен был вести *каждый* субъект годами — и тогда бы возникла нормальная, снизу растущая Федерация. Эти соглашения даже могли бы быть заключены на разных условиях, и это тоже было бы нормально. Потому что настолько странным образом созданное государство не может быть унифицированным.

Тони Блэр, когда он был избран премьер-министром Великобритании в 1997 году, из Лондона предложил создать парламент в Уэльсе, и это было важным моментом. Потому что и дополнительные полномочия Шотландии, и дополнительные полномочия Уэльса привели к тому, что Шотландия не ушла в результате референдума 18 сентября 2014 года о независимости Шотландии.

Все эти моменты, на мой взгляд, говорят о том, что возможностей переформатирования довольно много. Потеря части территорий вообще не должна восприниматься трагедийно. Наоборот, такая перестройка с какими-то потерями — это важнейшая привычка современности: кто-то не хочет жить с вами — отпустите его, будьте современными! Вы станете лучше. Это важнейший момент, без понимания которого нельзя сделать Россию безопасной для мира.

Александра, *Университет Пантеон-Ассас, Париж*: сейчас посредником между Украиной и Россией выступает Турция, и идут дискуссии о том, чтобы какую-то роль сыграл Китай. Как вы думаете: то, что такие

Ник Кейв (Nick Cave). Инсталляция *Forothermore*. 2022

государства представляют себя посредниками, отдалит ли это Россию еще больше от европейского сообщества? Как вообще вы оцениваете перспективы такого сотрудничества?

В. Иноземцев: Я думаю, что эти государства вряд ли могут быть посредниками — они могут быть посредниками в каких-то частных вопросах.

Турция в этом отношении, конечно, хороший кандидат, но я боюсь, что все-таки до серьезных решений в Москве не дойдет, потому что Турция — «равноудаленный кандидат». То есть это страна, которая, во-первых, имеет интересы в Украине с точки зрения того, что она последовательно защищает по этническим принципам крымско-татарское население. Она имеет интересы в регионе, потому что она на протяжении нескольких сотен лет тоже была конкурирующей с Россией империей и пересекающимися имперскими перифериями. К тому же она, безусловно, имеет серьезное экономическое влияние и на Россию, и на Украину: проливы, торговля, газовые хабы и прочее. Поэтому я думаю, что с Турцией есть перспективы. Но опять-таки посмотрим, насколько далеко Россия готова играть с Турцией в честные и хорошие игры. В любом случае это возможный вариант.

Китай — я думаю, это вообще не вариант.

В целом проблема посредников вторична в том плане, что если возникнет желание договариваться, то договорятся и без них, а не будет желания — и с ними не договорятся. А пока я желания не вижу.

8 мая 2023 года в Стокгольме руководителя Псковского регионального отделения партии «Яблоко» Льва Шлосберга наградили премией Гилеля Сторча за выдающийся вклад в продвижение гуманистических ценностей. Денежная премия составляет 250 тысяч шведских крон — около двух миллионов рублей.

Лев Шлосберг сообщил, что перевел эти деньги фонду AdVita, работающему в Санкт-Петербурге и Берлине, который помогает российским детям и взрослым с онкологическими, гематологическими и иммунологическими заболеваниями.

Лев Шлосберг,
политик, правозащитник,
журналист

Выступление на вручении премии

Уважаемые члены семьи Сторч!

Уважаемые члены правления Фонда Гилеля
Сторча!

Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья!

Мемориальные премии чем-то похожи на маяки — уходя корнями в прошлое, они напоминают нам об истоках многих событий, позволяют увидеть и настоящее, и будущее — без иллюзий и лжи, потому что в прошлом есть только правда и ничего, кроме правды. Оно уже состоялось.

Эти маяки прошлого связывают нас, ныне живущих, иногда настолько внезапно, что можно поверить в историческое провидение.

Родным городом Гилеля Сторча был Двинск, нынешний Даугавпилс. В этом городе до самого последнего часа своей жизни в 1941 году жил мой прадед по линии матери, Лейба-Вульф Беркал, ставший жертвой Холокоста.

В Музее Рижского гетто, на Стене памяти, среди более чем 70 тысяч имен начертано и его имя, а также имена 160 человек с фамилией Шлосберг, в том числе один Лев Шлосберг.

Мы все — чудом выжившие после Холокоста. Каждая наша жизнь — это счастливый случай, стечение многих чудесных обстоятельств. Но за этими обстоятельствами стоит стоический труд и подвижничество людей, которые с риском для своей жизни спасали от гибели наших предшественников, и совершенно справедливо этих людей называют праведниками.

Подвиг праведников был востребован историей потому, что случилась Катастрофа. Праведники стали собой и проявили себя в ответ на преступления, вышедшие за рамки человечности и поставившие под сомнение саму человечность, по существу, само человечество.

С одной стороны, мир дал оценку этим преступлениям — и правовую на Нюрнбергском процессе, и, что не менее важно, политическую — в виде национальных государственных актов цивилизованных стран. Долгие годы после 1945-го казалось, что эти политические оценки незыблемы и ограждают человечество от новых Катастроф. Сейчас мы понимаем, что это не так.

Возможна ли новая Катастрофа? Да, возможна.

Что питает Катастрофы прошлого и нового времени? Что не только делает их возможными, но и раздвигает края пропасти, в которую рушатся миллионы жизней?

Причиной всех глобальных Катастроф становится расчеловечивание людей, дегуманизация общественного сознания, человеческого поведения и политической практики. Расчеловечивание лишает людей естественных инстинктов и свойств, в первую очередь понимания абсолютной ценности человеческой жизни.

Высшей формой расчеловечивания народа является война

Высшей формой расчеловечивания народа является война.

Расчеловечивание никогда не возникает на пустом месте, произвольно, самостоятельно. Расчеловечивание — это продукт государственной политики, которая преследует цель доказать, что люди, ставшие объектом ненависти, не имеют права на жизнь и, более того, должны быть убиты.

Расчеловечивание приводит к формированию государственной политики, целью которой является массовое убийство людей в качестве обязательного условия достижения некоей высшей цели.

Этой высшей целью может быть изменение соотношения общественных и политических сил, захват, становление и удержание власти, завоевание территорий.

Общим признаком таких целей является полное отрицание приоритета ценности человеческой жизни как таковой, установление абсолютного примата государственных интересов над правами и свободами человека, в первую очередь правом на жизнь. При такой политике власть присуждает себе права Бога, распоряжающегося человеческими судьбами. С этого момента государство становится орудием массовых преступлений.

Изучая феномен расчеловечивания, мы видим постоянную государственную возгонку ненависти. Расчеловечивая народ, создавая мотивы для убийства других людей, государство формирует не просто образ врага, а образ выродка, без уничтожения которого народ не может полноценно жить.

На этом феномене основываются не только войны, но и массовые политические репрессии, раскалывающие общество.

Холокост показал, какими могут быть последствия расчеловечивания целого народа. Один из уроков Холокоста заключается в том, что Катастрофа происходит не только с тем народом, который мученически гибнет, но также и с тем народом, который преступно убивает.

Ненависть убивает самих убийц. Расчеловечивание уничтожает в человеке единственный бессмертный человеческий элемент — душу. Ненависть расчеловечивает до раздушевления.

Для выжившего после Холокоста народа выживание становится процессом физического и морального восстановления. Выжившие после Холокоста жертвы плакали, потому что были живы. А выжившие после Холокоста соучастники и молчаливые свидетели убийств, как правило, хотели забыть обо всем, что видели. Хотели перевернуть страницы истории без покаяния.

Для народа, совершившего преступление человеконенавистничества, соучаствовавшего в преступлениях, выживание после Катастрофы — это процесс воскрешения из морально мертвых, возвращение в мир из состояния смерти души. Это тоже мучение. Мучительное возвращение к жизни.

Нет такого народа, который не может постичь такая Катастрофа.

Один из уроков Холокоста состоит в том, что в одном народе могут быть и убийцы, и выжившие. А после всего пережитого им предстоит вместе жить рядом с памятью об убитых. И часто рядом с могилами как жертв, так и убийц. Невозможно уйти друг от друга — точно так же, как невозможно уйти от свершившейся чудовищной истории.

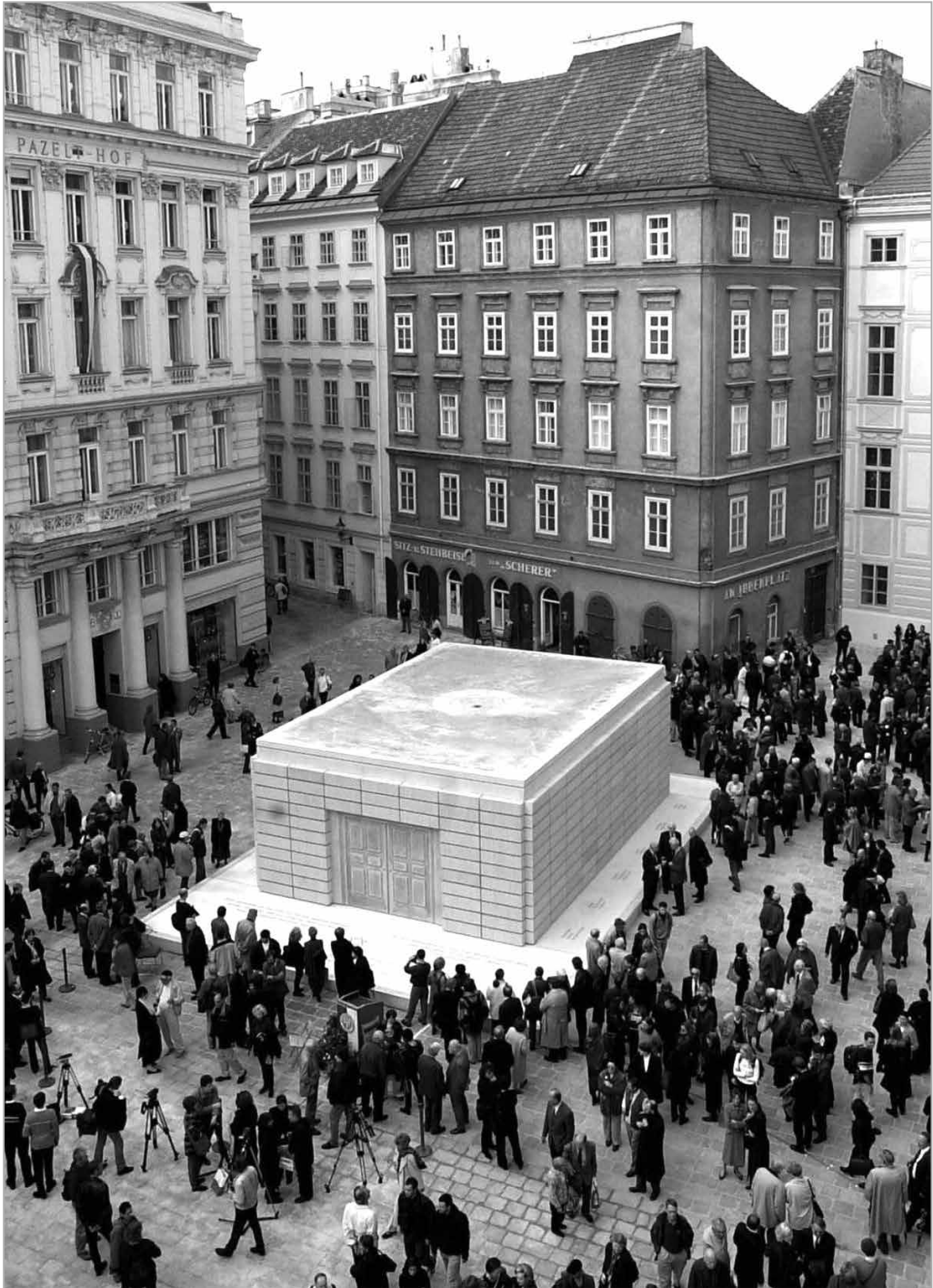
Кто способен помочь построить этот мост между народом, совершившим преступление, и народом, выжившим в аду? Когда это один и тот же народ.

Это могут сделать праведники, которые во время Катастрофы спасали людей. Потому что, спасая каждого человека от смерти, они искупали преступления всего народа и тем самым спасали народ. Личный опыт спасения людей позволяет воскрешать из мертвых весь народ.

Подвиги праведников Холокоста соседствовали с примерами государственного позора.

Одной из самых прискорбных страниц Холокоста была политическая трусость, символом которой стала трагическая судьба пассажиров парохода «Сент-Луис». В 1939 году США и Куба отказались принять спасавшихся от нацистов более 900 еврейских беженцев, (в том числе детей), приплывших из Гамбурга. Кораблю пришлось вернуться в Германию, где вскоре большинство его пассажиров погибли в концентрационных лагерях и лагерях смерти.

Нельзя забыть, как на Эвианской конференции весной 1938 года, созванной для обсуждения бедственного положения еврейских беженцев,

Альфред Грдличка (Alfred Hrdlicka). Памятник жертвам Холокоста. Вена. 1988

среди представителей 32 стран только одна — Доминиканская Республика — приняла решение увеличить иммиграционные квоты.

Тысячи и тысячи евреев погибли потому, что им не протянули руку помощи. Для оказания этой помощи не нужно было вступать в войну. Нужно было сохранить в себе и проявить человеческое. Главной причиной отказа в помощи еврейским беженцам был страх. Он оказался тотальным союзником геноцида.

Этот страх парализовал тогда и многих евреев, которые испугались помочь своим ближним. Я был глубоко потрясен эпизодом из истории семьи Сторч, произошедшим уже в принявшей эту семью Швеции. Когда Гилель Сторч попросил место в синагоге для своей жены Анны, которая была беременна Маркусом, нынешним главой Фонда Сторча, то руководители синагоги, опасавшиеся последствий публичной деятельности Гилеля по спасению евреев из разных стран, ответили ему, обыгрывая фамилию Сторч: «Жена аиста может стоять».

Как показала история, эти аисты выстояли.

Особый урок Холокоста заключается в том, что Холокост научил нас опыту детальной документации военных преступлений и преступлений против человечности. Опыту ежедневного поиска информации о преступлениях и самих преступников, где бы они ни находились. Сегодня. Завтра. Всегда. Не только преступления против человечности не имеют срока давности, но также исследования этих преступлений и преследование преступников не имеют срока давности. Это понимание пришло в мир именно с нашей Катастрофой.

Исключительной особенностью праведников народов мира, спасавших евреев во времена Холокоста, было то, что они не ставили перед собой задачу военной победы над кем бы то ни было. Они ставили перед собой единственную задачу — спасения жизни людей. Этой задаче они подчинили все свои действия, ради этой задачи преодолевали свой страх, ради этой задачи рисковали жизнью. Они никого не хотели убивать. Они решали вопросы жизни и смерти без крови на своих руках. И поэтому тоже они — праведники.

Эта уникальная особенность подарила этим людям возможность и моральное право говорить после войны и с жертвами, и со свидетелями, и с отступниками.

После 1945-го долгие годы казалось, что мир увидел и осознал страшные уроки Второй мировой войны. Счет ее жертвам не закрыт до сих пор. Долгие годы невозможно было представить боевые действия в Европе, реальную угрозу Третьей мировой войны.

Несколько десятилетий всеми государствами мира руководили либо лидеры, лично участвовавшие в войне и пережившие ее тягости, либо свидетели той войны. Вторая мировая стала кровной частью их жизни, и они получили психологическую прививку от войны. Поэтому главным общечеловеческим выводом после той войны стало «Никогда больше».

Эти политики выстроили послевоенное устройство мира, так называемый Ялтинско-Потсдамский мир, создали Организацию Объединенных Наций, Европейский союз, другие международные институты. Целью этих институтов было обеспечить мир и развитие. Эти институты виделись прочными, надежными, работающими, эффективными.

Прошли десятилетия. Политики военного и послевоенного поколения ушли сначала из политики, а потом из жизни. Им на смену пришли другие политики — не воевавшие лично и в каком-то смысле не навоевавшиеся, не наигравшиеся в кровавые солдатики. Они не смогли стать моральными преемниками политиков, переживших войну. У них нет прививки от войны.

В политику вернулось чудовищное понимание допустимости войны. И выяснилось, что от понимания допустимости войны до расчеловечивания народа, как до смерти на фронте, четыре шага.

Ушли из жизни почти все праведники народов мира. А мир продолжает жить и может только читать об их подвигах. К сожалению, судя по происходящему сейчас, читателей тех страниц истории не очень много. И поэтому появляются желающие повторить.

Мы снова живем внутри Катастрофы, которая только еще начинается. Это Катастрофа непонимания, недоверия, неуважения, глухоты, ненависти и снова — расчеловечивания. Воздух мира наполнен электричеством ненависти.

Политики разучились делать мир. Высшим достижением политики снова становится умение убить как можно больше людей. В то время как высшим достижением политики должна быть способность сохранить жизни как можно большего числа людей.

Если политик не видит дорогу к миру и не способен предотвратить войну, то такая дорога приведет мир назад — в XX век, к тысячекилометровым полям войны, к гибели миллионов людей, к новым концлагерям и новому Холокосту.

В какой Книге Жизни написано, что это невозможно и человечество всеми своими предшествующими страданиями заслужило избавление от будущей войны и будущей Катастрофы?

Вопрос о том, как спасти сегодняшний мир, открыт. Пока никто не дал на него ответа. Почти все ищут ответ на поле боя. А поле боя требует крови и ничего, кроме крови. Но в XXI веке нельзя идти по кровавым следам XX века. Они ведут в прошлое. Хочется верить, что точка невозврата еще не пройдена. К сожалению, она критично близка.

Судя по всему, миру снова нужны праведники. Ежедневно люди гибнут, лишаются дома, возможности для полноценной жизни. Если на документальных фотографиях новейшего времени цвет заменить на

*Мы снова живем
внутри Катастрофы.
Это Катастрофа
непонимания, недоверия,
неуважения, глухоты,
ненависти и снова —
расчеловечивания*

монокром, то многие фото станут неотличимы от фотографий времен Второй мировой войны — в первую очередь лицами людей, переживающих ужас смерти. То есть Катастрофу.

В России живут сегодня миллионы людей мира. Они сохранили в себе человеческое, не стали народом ненависти и вражды, не расчеловечились. Они в большинстве случаев непубличны и незаметны. Знайте и помните о том, что эти люди есть.

Когда мы говорим о борьбе за мир, мы говорим в первую очередь о борьбе за сохранение жизни людей — украинцев, русских, евреев, немцев, шведов, латышей. Всех, кто смог дожить до сегодняшнего дня. Каждая жизнь бесценна. Этому научило нас время Холокоста. Эта мысль двигала праведниками народов мира.

Сегодня 8 мая. 8 мая 1945 года в 22:43 по центральноевропейскому времени (9 мая в 00:43 по московскому времени) в Карлсхорсте был подписан Акт о безоговорочной капитуляции нацистской Германии перед государствами антигитлеровской коалиции. Этот день открыл возможность судебного следствия о преступлениях Второй мировой войны, в том числе о Холокосте и наказании его преступников. День Победы — это День завершения мировой Катастрофы. Этот день подарил жизнь миллионам людей, в том числе нам с вами.

Этот день уходит в историю и перестает быть горячим. Но понимание уроков истории не должно остывать. Как только оно остывает — Катастрофа возвращается.

Символом еврейской памяти является камень. После Второй мировой войны Гилель Сторч добился, чтобы гранитный монолит, который германские власти купили в Швеции для возведения монумента после своей окончательной победы, был перенесен в Польшу и воздвигнут как памятник мужеству узников Варшавского гетто.

Я думаю, что где-то в мире спит еще один такой камень, который, может быть, кому-то видится сейчас будущим памятником военных триумфов, но в итоге усилиями праведников мира станет памятником спасенным человеческим жизням.

Спасибо.

Встреча с Адамом Михником*

Адам Михник, польский общественный деятель, диссидент, журналист

Лена Немировская: Говоря об Адаме, я хочу вас познакомить не с экспертом, а с событием в жизни.

Это событие не только для меня и моего поколения — вы встречаетесь с легендой и одновременно с реальным человеком.

Я благодарна ему за появление на нашем семинаре. Его присутствие придает семинару особое значение.

Адам Михник: Я чувствую себя как на собственных похоронах. Потому что на похоронах надо говорить о человеке только хорошее. Но я еще живой, и все мои грехи — со мной.

Во-первых, я горжусь тем, что вы меня пригласили. И прошу вас быть снисходительными к моему русскому языку. Я просто как собака: практически все понимаю, но когда говорю по-русски — волнуюсь.

Во-вторых, мне очень нравится здесь. Это серьезные разговоры. Разговоры, я бы сказал, без ненависти, без хейта. Все — и вы, слушатели, и эксперты — хотят найти правду, а не агитировать только за свое.

Я хорошо помню дебаты на похожие темы на моей родине. Помню конфликты в бывшей Югославии, на Балканах, у меня там было много друзей: в Сербии, Хорватии, Словении. И я счастлив, что здесь я слушаю людей из Украины, России, Грузии, Белоруссии. Это очевидно — все мы имеем одинаковые или похожие ценности, нам нужны одни и те же свободы.

Наша подруга из Грузии на одной из сессий говорила об Иране, и я с ней согласен. Я тоже был в Тегеране и разговаривал с персами. И думаю то же самое: это миф, что «есть народы и есть культуры, по своей природе отрицающие свободу и демократические ценности». Есть такие люди. Но народов таких я не видел.

* Выступление на семинаре Школы в Риге 18 февраля 2023 г.

Это интересный контекст, потому что теперь на моей родине очень сильный «синдром русофобии». С одной стороны, я поляк и понимаю, откуда этот синдром. С другой стороны, я абсолютно не согласен [с таким отношением к России]. Я много раз уже заявлял в Польше по телевидению и в прессе, что русофобия — это наша болезнь. Это *мы* больны русофобией.

Хочу вам рассказать о роли эмиграции. Почему эта роль велика? Потому что в условиях диктатуры у тебя выбор практически только такой: или бежать, или молчать.

Есть фигуры героические, как люди из диссидентского движения в советские времена. В России это такие гиганты, как, скажем, Сахаров и Солженицын. Они не были *типичными* диссидентами: один — великий физик, второй — писатель. Их жизнь была жизнью против правительства, против советской системы. Но невозможно сказать любому учителю физики или любому писателю: «Ты должен жить так, как Сахаров и Солженицын, потому что один из них — академик, второй — великий писатель и лауреат Нобелевской премии».

Ведь нобелевских лауреатов не очень много, а обычные люди просто хотят нормально жить. Так что мы можем думать и выступать как максималисты, но только по отношению к себе, а не к другим.

Когда диссидент говорит, что его жизнь — это норма, то это великий риск. Если мы посмотрим на судьбы диссидентов, увидим: они разные. Кто-то из экспертов здесь уже говорил, что единственным толерантным, открытым, нефанатичным диссидентом был Вацлав Гавел. Я его хорошо знал, мы дружили.

Но не только Гавел такой. Андрей Дмитриевич Сахаров был толерантным человеком, он не был фанатиком диссидентского движения.

Такой же была и Людмила Алексеева. В ней отсутствовал фанатизм.

Но, например, Владимир Буковский, автор лучшей книги про диссидентскую жизнь «И возвращается ветер...» (гениальная книга, другой такой я не нашел и не читал), был немножко фанатиком. С одной стороны, это, возможно, и есть условие его героизма. С другой стороны, он не доверял никому и ничему, что происходило в Советском Союзе, и до 1991 года говорил в интервью, что вся эта перестройка, все эти протесты неформалов, все то, что пишут в «Московских новостях» и других газетах, в «Огоньке», что печатают в «Новом мире», — чепуха, просто ложь для Запада. А позднее Евросоюз (о котором мечтают сегодня украинцы) называл «новым Советским Союзом». Но это же полный бред! Он просто не понимал, что дороги к свободе, переменам, возможно, будут разные. Не все пойдет по диссидентскому, «букóвскому» сценарию.

Есть примеры еще хуже. Первый президент независимой Грузии — Звиад Константинович Гамсахурдия. Диссидент, бывший зэк, он сделал *такую* Грузию, что люди стали думать: его надо уничтожить. Это была

не демократия. Это был такой, я бы сказал, «грузинский национальный большевизм наоборот» — без большевистской идеологии, но с большевистским складом ума и жестокостью.

Что же касается моей страны, Польши, то у нас была такая философия: идем к свободе шаг за шагом, без насилия.

В Польше традиция насилия очень долгая: наши восстания, теракты... Ведь Александра II, реформатора России, убил поляк Игнатий Гриневицкий вместе с русскими народовольцами. Такое было!

И мы сказали: «Нет! Мы будем поступать по-другому: без терактов, без насилия. Мы хотим двигаться через диалог и реконструкцию гражданского общества».

Был такой момент в нашей истории: насколько я помню, 1970 год, забастовки и бунты рабочих, которые подожгли парткомитет. И наши друзья из комитета самозащиты рабочих тогда говорили: «Не поджигайте комитеты, организуйте свои комитеты по обороне, комитеты по защите прав человека» (вероятно, у А. Михника ошибка:

KOR — Komitet Obrony Robotników — был образован после волнений 1976 года; автором лозунга: «Не жгите [их] комитеты, создавайте собственные» — считается Яцек Куронь, один из учредителей KOR'a. — Прим. ред.).

Переговоры за Круглым столом (по-польски Okrągły Stół) между властями Польской Народной Республики и оппозиционным профсоюзом «Солидарность» стали успехом именно этой философии. На вопрос: «Как вы можете пожимать руку Ярузельскому после того, как он вас сажал в тюрьму?» — мы отвечали тогда: «Это наш выбор. Мы были в оппозиции, и он нас отправлял в тюрьму, а теперь он хочет идти на компромисс».

Компромисс, я считаю, это хлеб и вино демократии, без него ничего не будет. Я сам и мои коллеги — Яцек Куронь и другие — много раз писали на эту тему. Для нас было очевидно: если есть шанс для компромисса, надо его использовать.

А что теперь? Вопрос ко всем нам. Если возможен компромисс с Путиным, то, конечно, это будет решение независимой Украины. Но, по-моему, компромисс невозможен. Путин — это не человек компромисса и не человек политики компромисса. Это человек уничтожения Украины. Это человек геноцида. С Гитлером тоже не было места для компромисса. И со Сталиным тоже, все «компромиссы» — это сталинская ложь. Не было никакого компромисса между Сталиным и правительствами Литвы, Латвии и Эстонии: это была агрессия, на которую весь мир закрыл глаза.

Так и сегодня. Я не знаю, что будет. Но уверен, что если ты подаешь Путину руку, то потом надо смотреть, сколько у тебя пальцев еще осталось.

*Компромисс —
это хлеб и вино
демократии,
без него ничего
не будет*

Утверждаю это как человек, который говорил о себе в Польше (а в Польше это не так просто!): «Я антисоветский русофил». Я и мои друзья — это «Россия против Путина».

Поэтому я хочу сказать большое спасибо Лене за то, что могу участвовать в вашем семинаре.

И еще одно. Я подумал о парадоксе, который будет для вас интересным.

В Польше мы живем в состоянии шизофрении. С одной стороны, наше правительство — нетолерантные дураки и воры. Но, с другой стороны, их внешняя политика правильная: они поддерживают Украину. И наш принцип такой: сегодня мы все украинцы, сегодня наша обязанность — защищать и поддерживать Украину. Поэтому вопрос сложный, стоит ли идти на открытую конфронтацию с правительством, внутренняя политика которого — чистокровная путинизация.

Сегодня мы все украинцы, сегодня наша обязанность — защищать и поддерживать Украину

Наш Качиньский вроде ученика Путина и Орбана. Похожи, во-первых, спецслужбы, во-вторых, суды, в-третьих, массмедиа, а в-четвертых — нет политики, только «спецоперации». И еще — невероятная коррупция! Такого в посткоммунистической Польше никогда не было.

Я не хочу сказать, что раньше все было хорошо, — конечно, нет. Нет такой страны в Европе, глядя на которую можно сказать: все хорошо. В Польше тоже было не все хорошо, но ничего похожего на сегодняшнее положение дел не было.

Скажем, та же пропаганда — это язык Путина. Атаки на ЛГБТ просто дикие! Специфический «имперский» патриотизм.

Политически с Украиной они корректны, но по своей природе — украинофобы. Каждую неделю я читал в газетах: «Волынь, Волынь, Волынь...»

Им до сих пор неинтересна культура Украины. Если в Польше можно прочитать, скажем, Андруховича или Шевченко, Стуса или Жадана, это заслуга не правительства, а оппозиции, наших оппозиционных газет и издательств.

Меня очень удивила полная поддержка польским обществом украинских беженцев. Никто не думал, что в Польше такое возможно. Это была фантастика! Все боялись, что будут специальные лагеря для беженцев, — ничего похожего! И практически нет никаких этнических инцидентов — возможно, впервые в истории моей трагической и героической родины.

И еще. Как говорить про историю?

Качиньский говорит на языке Путина. Путин сказал: «Россия встала с колен». И Качиньский говорит: «Польша встала с колен». Это цитата!

Есть такой миф: «Мы, поляки, никогда ничего плохого никому не сделали. Мы были только жертвами. Нас все ненавидели, все нас убивали. А мы святые!» Это звучит так же, как если бы я слушал Дугина про Россию.

Я думаю, что успех 1989 года, нашего польского исторического компромисса — «мы будем такими, как раньше, но не будем сажать себя в тюрьму и в себя стрелять», — стал возможен благодаря тому, что католическая церковь была другой. Папа римский — поляк. В контексте мирового католицизма он был консервативен. А в контексте польского — он «последний троцкист в сталинском политбюро». Это невероятно просто: он другой человек! При его жизни наши консервативные епископы были осторожными. Но теперь их язык — это хейт, язык ненависти. Правда, интересно, что не в отношении украинцев, — тут они молчат.

Хорошо, что люди поддерживают беженцев. Но существуют две разные Польши.

Есть Польша крупных городов, где большинство в городском самоуправлении оппозиционное: Варшава, Краков, Гданьск, Щецин, Люблин, Вроцлав, Катовице. И есть еще Польша провинциальная — деревни, маленькие города, где важную роль играет местный священник, настоятель церкви. И вот для них язык режима Качиньского понятен — язык консервативный, националистический, язык нетолерантности. Кто враг? Враг тот, кто не наш.

Например, ты можешь быть геем, евреем, кем угодно, но если публично заявляешь, что это правительство хорошее, то мы будем толерантны по отношению к тебе. А если ты примерный католик, «ни одного развода в жизни», но выступаешь против правительства, то услышишь, что ты педераст, еврей, что ты враг родины. В Польше еще нет такого закона, чтобы регистрировать оппозицию в качестве врага, как в России, но мы идем по этому пути — не дошли пока, и надеюсь, что не дойдем...

Я думаю, что самым сильным аргументом в руках коммунистического правительства была Германия, немцы. Использовали тезис, что если у нас не будет поддержки Сталина, то придут немцы. И люди боялись и ненавидели немцев. На самом деле до Второй мировой войны вся западная часть нашего государства — Гданьск, Щецин, Вроцлав, Ополе — все это была Германия. Скажи я это в Польше — услышал бы, что я враг и предатель родины: считается, что мы там были уже тысячу лет назад. Но это просто абсурд.

И до сих пор они играют этой картой. Идея Качиньского такая: Польша должна быть как Израиль. Имеется в виду, что Израиль на Ближнем Востоке — это самый главный союзник Соединенных Штатов, а Польша будет таким же союзником США в Восточной и Центральной Европе.

Конечно, это бред, ничего похожего не будет. Но таковы их мифы о лидерстве.

Сегодня громко звучит популистская антидемократическая нота. В США — Трамп, в Венгрии — Орбан, в Италии — постфашисты Сальвини и Мелони, во Франции — мадам Ле Пен; в Британии — Брексит, в Испании — партия Vox.

Не исключено, что такой сплав популизма и авторитаризма действительно может превратиться в проблему номер один. Первая мировая война, как известно, началась, когда никто ее не хотел. И сейчас, глядя на динамику военных действий, я боюсь, что Путин может сделать все, даже применить ядерное оружие. Для него это война не с Украиной, а с Америкой, с коллективным Западом.

Мы можем договариваться, считает он, но с Америкой. А договариваться с украинцами... Нет такой нации!

Это очень сложный психологический момент, потому что это абсолютно против интересов не только российского народа, но и против интересов российских олигархов и генералов: те воровали, 30 лет имели дачи и виллы в Лондоне, Париже, Калифорнии, во Флориде, а теперь — ничего! Какой им интерес, чтобы Путин завоевал Луганск? Им Луганск неинтересен! Им интересны их дачи...

С этой точки зрения, мы вступаем в очень темные времена. Практически ни у кого нет сценария.

Вчера я имел возможность разговаривать с одним умным человеком из России, который теперь живет в Риге. Я его спросил: «Скажите, какой у вас позитивный сценарий?» Он сказал: «У России нет позитивного сценария, пока есть Путин. После поражения Путина возможна гражданская война».

Но это страшно — гражданская война в стране, где есть ядерное оружие. Я боюсь об этом думать, но полагаю, что он прав.

Конечно, нет такой жесткой определенности. Я прочитал много книг Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и знаю, что нет детерминизма в истории. Есть много случайностей, но в конце концов ход истории зависит от нас, от людей. Ведь не было же никакой неизбежности военной агрессии против Украины — это было решение Путина. Все видели знаменитое заседание российского Совбеза, где Путин ругал Нарышкина. Участники заседания были полны страха перед ним. И они правильно боялись, если взглянуть на те ужасные события, которые произошли после.

Политически Путин эту войну уже проиграл, потому что если сверхдержава с ее «второй армией мира» через год еще не выиграла войны с небольшой Украиной... Ведь они думали, что это будет как с Крымом, в четыре дня, и толпы будут кричать: «Россия, Россия!» Но теперь пошло по-другому. Стопроцентно по-другому! Все русскоязычные жители Украины из Харькова, Донбасса воюют против путинской армии.

Вот что еще важно. Александр Подрабинек, бывший советский диссидент и политзаключенный, написал письмо Владимиру Зеленскому.

Он написал, что это не война российского народа с украинским народом, а война путинской бандитской автократии с демократической независимой Украиной. Не надо об этом забывать.

Существует тезис, что «все русские виноваты», что все они ответственные. Я неоднократно слышал это от русских.

Если так говорит русский, я понимаю.

Если так говорит украинец, я не согласен, но понимаю это, потому что Украину ежедневно бомбят, убивают.

Но если так говорит поляк, я не понимаю. Ведь мы все помним, как в 1968 году вместе с советской армией в Чехословакию вошли польские солдаты. И что, в Польше были большие митинги на улицах?..

В конце концов, оптимист я или пессимист? Судя по фотографии, оптимист. Оптимист, потому что, если человек живет достаточно долго, он уже видел и чудовищные явления, и невероятные перемены.

По-моему, Путин эту войну проиграет. Но это не будет концом существующего с библейских времен конфликта между духом автократии и духом демократии.

По примеру Сизифа нам нужно катить камень вверх. Камень скатывается, а мы его снова и снова катим наверх. В этом смысл жизни в свободе.

При коммунистах я был в оппозиции, был диссидентом, сидел в тюрьме не один раз. Меня много раз спрашивали: «Почему ты так живешь?» А я не знал, что отвечать. Один раз я задал тот же вопрос моему чешскому другу Иржи Динстбиру — он тоже был диссидентом, сидел в тюрьме два или три раза, а потом стал министром иностранных дел демократической Чехословакии. Я его спросил: «Ирка, ведь ты любишь хорошую кухню, прекрасных девушек. Почему ты идешь в тюрьму? Зачем?» А он говорит: «Знаешь, от скуки. Потому что, если жить так, как они бы хотели, в тюрьму ты не попадешь, но нужно врать каждый день. А это очень тяжелая работа — не забывать, что наврал вчера. Я лентяй, и я не хочу жить во лжи не потому, что такой храбрый, а потому, что не люблю дискомфорт».

Когда я был освобожден, когда наступили перемены и я стал главным редактором большого журнала, кто-то из моих друзей сказал: «Адама надо бы посадить в тюрьму! Когда он сидел в тюрьме, то много писал. Там для Адама идеальное место, он там пишет». А я действительно написал в тюрьме четыре книги и печатался в западных изданиях: The New York Times, Le Monde, Der Spiegel, FAZ (Frankfurter Allgemeine Zeitung).

Александр Подрабинек написал в письме Владимиру Зеленскому, что это не война российского народа с украинским народом, а война путинской бандитской автократии с демократической независимой Украиной

Почему? Во-первых, потому, что в тюрьме никто рано утром не может постучать в дверь, чтобы арестовать, — живешь без страха, что тебя арестуют. А во-вторых, потому, что там нет водки, нет девушек и не было телефонов.

Дискуссия: вопросы и ответы

Л. Кудряков: Спасибо за ваше выступление. Очень воодушевляюще. Вы говорили о диссидентском движении, что часть людей, которые прошли этот путь, к сожалению, воспроизводили, как Гамсахурдия, режимы авторитарного типа, против которых когда-то боролись. А если говорить про российское диссидентское движение, которое включает в том числе и оппозиционных политических лидеров, то какое усилие необходимо, чтобы оно не скатилось в авторитаризм?

Участник семинара: Какой вы видите Польшу через год? Сейчас тенденция у Польши очень тяжелая. Внутренние проблемы не решаются, и «мы все тут украинцы» — это не оправдание.

А. Михник: Я бы начал со второго вопроса. Сейчас переходный момент. Не думаю, что наши правые националисты влюбились в Украину. Насколько я их знаю, они украинофобы. Но они понимают, что сегодня американские политики твердо намерены помогать Украине.

Кроме того, польское общество поддерживает Украину абсолютно — не в смысле политики, а по-человечески. И правительство не решается идти против польского общества и американской политики.

Однако есть одна ловушка: в риторике властей «враг номер один» не Путин, а Евросоюз, особенно Германия. Это конфликт вокруг принципов правового государства. Брюссель говорит: «Если у вас не будет нормального правового государства, то не будет и денег». (Это я примитивизирую, конечно.) А правительство отвечает: «Как это не будет денег? Ведь это наши деньги!»

Польские власти критикуют Евросоюз по вопросам финансов, критикуют его декларации и намерения. Правительство никогда не говорило: «Мы должны получить репарации после советского доминирования в Польше». Но от немцев Польша требует репараций, причем сейчас, когда Берлин — наш союзник, а Путин — наш враг!

А на вопрос, что же надо делать, чтобы Польша не попала в националистическое болото, ответа нет. Если бы у меня был рецепт, то нынешние власти никогда бы не выиграли выборы.

Во-первых, надо не забывать, что демократы были в меньшинстве. Теперь наш политический ум должен найти нужный язык, чтобы добиться доверия у большинства, которое не является крайне националистическим, клерикальным и так далее.

Во-вторых, есть некий дефицит достоинства (если помните, я говорил про людей из деревни и маленьких городов). Не надо с

Петр Яворски, Матеуш Рыбка (Piotr "Tuse" Jaworski, Mateusz Rybka). Мурал в Гданьске. 2022

консервативными людьми разговаривать, как профессор с плохим студентом. Надо говорить с ними по-партнерски. Это непросто. Позитивные перемены возможны только тогда, когда есть эти авангардные группы, которые «катят камень вверх».

В-третьих, продолжается конфликт вокруг католической церкви в Польше, и, я думаю, не только в Польше. Многие думают, что религия — это уже пережиток и только скудоумный человек верит, что есть какой-то Бог и Господь.

По-моему, думать так — большая ошибка, и говорить надо иначе: «Мы должны жить вместе, как в одном здании. Мы можем думать по-разному, но это наше общее здание». Надо уважать свои права и традиции и не навязывать свои ценности другим.

В Польше теперь существует очень непростой цивилизационный конфликт. С одной стороны, права женщин: были огромные, массовые протесты после ужесточения закона об абортах. С другой стороны, секуляризация, но в то же время и радикализация того, что осталось еще в католическом мире. И эти крайности очень опасны для демократии.

Участница семинара: Фукуяма когда-то сказал, что либерализм — это конечный пункт идеологической эволюции человечества. Но уже несколько последних лет мы видим ренессанс национализма. Даже в демократических странах ЛГБТ-сообщества еще борются за свои права. Ультралевые движения, такие как антифа и BLM, разрушают монументы отцов-основателей в Америке и сжигают американские флаги. И это факт, что кремлевская пропаганда демонизирует либерализм. Грустно, что либерализм сейчас под ударом. Как вы видите будущее либеральных ценностей в мире?

Скульптор Михаил Рева сваривает скульптуру из обломков, собранных во время войны России с Украиной. 2023

А. М.: Я читал книгу Фукуямы о конце истории. По-моему, она умнее, чем ее заглавие. Что это значит — «конец истории»? Ничего не значит.

Он написал, что ничего более мудрого, чем либеральная система власти и рыночная экономика, мы не найдем. Конечно, я не знаю, что будет: это вопрос для пророка, а я историк по профессии. Но, мне кажется, Фукуяма прав. Он сказал, что не будет ничего более мудрого, но не сказал, что не будет другого, а именно национализма и популизма. Однако вся эта идеология — регресс.

В этом смысле правление Гитлера и Сталина было для человечества регрессом. Правда, некоторые говорили, что при Гитлере в стране строили дороги для автомобилей. Что благодаря ему был создан «фольксваген», автомобиль для простых людей. И что Муссолини осушил болота.

Конечно, в любую эпоху найдутся люди, которые приведут многочисленные аргументы в пользу того, что в данный момент диктатура неизбежна. Я это слышал и в Польше тоже: «Конечно, Адам, демократия! Но не теперь: смотри, ведь у нас сумасшедший дом. Ты хочешь демократии в сумасшедшем доме, Адам?»

Я думаю, что демократия имеет свою *цену*. А цена состоит в том, что, возможно, выборы выиграют наши оппоненты, противники — и нам придется это уважать.

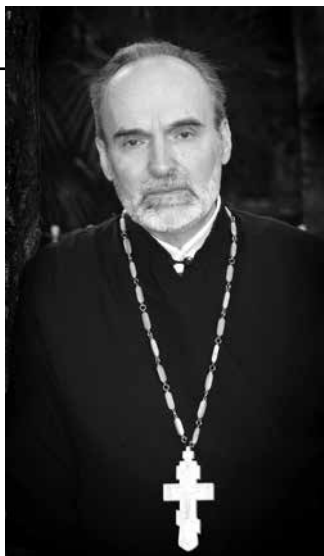
Помню разговоры с моим московским другом Сергеем Адамовичем Ковалевым. Я ему сказал: «Ты не думаешь, что наша поддержка Ельцина, когда он стал президентом после выборов не до конца, скажем очень осторожно, честных, была ошибкой?» (Тогда боялись, что их мог выиграть Зюганов.) А он ответил: «Конечно, это была ошибка!» То же самое, я думаю, может быть и в Польше. Но есть контраргумент — Орбан. Он создал *такую* систему, что новых открытий там я не могу себе представить.

Если я правильно помню, Василий Жарков говорил на одной из сессий: до Второй мировой войны, в 1930-е годы, все считали, что демократический либерализм уже мертв, что он уже никого не интересуется. Я писал об этом.

В Польше защитников демократических либеральных ценностей было тогда не очень много. С одной стороны были коммунисты, крайне левые. С другой стороны — фашисты или криптофашисты, правые.

А были люди, которые... Мы возвращаемся к роли эмиграции. В Париже издавался польский ежемесячник «Культура». Его главный редактор Ежи Гедройц до войны был консерватором, но после войны он первый сказал: «Нам надо пересмотреть нашу ситуацию. Надо признать открыто: Вильнюс — это литовский город, Гродно — белорусский город, а Львов — украинский город. Мы не будем туда возвращаться!» Границы нужно не *менять*, а *открывать* — как сейчас между Польшей и Литвой. Я верю, что так будет и с польско-украинской границей: она будет открыта. Мой отец родился во Львове. И если я захочу поехать туда посмотреть на его дом, то смогу это сделать без всяких проблем, так же как сейчас могу поехать в Ригу, Таллин и Вильнюс.

А моя мечта — чтобы то же самое было и с демократической Россией. Сегодня это невероятно. Но, кто не мечтает, тот... *не пойдет в тюрьму!*

Владимир Зелинский, священник, религиозный писатель, настоятель основанного им православного прихода «Всех скорбящих радость» в г. Брешия (Ломбардия, Италия)

*Подлинный кризис Церкви**

На нынешний кризис — можно говорить о трагедии, но я избегаю драматических слов, — которым все мы затронуты, можно посмотреть под разными углами: демографическим, экономическим, правовым, миграционным, этическим, не говоря уж о том, который «разговаривает бомбами». Я буду говорить лишь о религиозном его измерении, оно ранит меня более всего, ибо к этой беде я чувствую себя более всего причастным. Ее трудно даже заключить в одно слово. Попытаюсь сделать это не от лица политолога, но священника.

Оглядываясь на Церковь, к которой принадлежу, догадываюсь, что этот кризис столь глубок, что однажды он может встряхнуть ее сверху донизу. И многое может изменить. Не сразу, конечно, но по мере осознания того, что с ней произошло и происходит. Благословение человекоубийства с обволакивающей его «теологией войны», самоокуривание мифом о Святой Руси, которая если и была, то лишь когда-то в Киеве, одержимость вечно плетущимся против нас заговором закулис, неискупаемая виновность всех, кто не с нами, — все, что мы слышали тысячу раз. Узнаем ли мы в этой карикатуре то, во что верим? Или веры у нас разные, но и та и другая считают себя христианством? Одна сосредоточена прежде всего на притаившемся враге, которого надо найти и обезвредить, другая — на милости и любви. Если же при этом враг укрывается в детских телах, в клочки разорванных бомбами, то нам говорят, что это неизбежный сопутствующий ущерб. Но на эти трупы не смотрят, они не улавливаются зрением, способным видеть лишь вину другого. Точно так же вытесняются неисчислимые наши потери, человеческая цена войны странным образом не попадает в фокус разогретого

* Статья подготовлена на основе выступления на семинаре Школы в Сеговии 24 мая 2023 г.

патриотического чувства. Как и очевидность того, что специальная операция (не без умысла прибегаю к официальной лексике) происходит в другом государстве. Но здесь табу частично снимается; «их» территория воспринимается как своя, а их нация вообще отменяется.

Вспомним, как испустил дух коммунизм — он исчез, как наваждение, которое продержалось 70 лет, а потом вдруг взяло и неожиданно рассыпалось. Хотя внутри себя дух погас гораздо раньше, он оставил после себя множество посттравматических синдромов. Идеологический гипноз был побежден не Западом, как хотят это представить, он был разъеден здравым смыслом. «Патриотическое» христианство, смею думать, будет преодолено изнутри — христианством же, которому, если верить отцу Брауну у Честертона, здравый смысл вовсе не враг.

Было бы слишком просто сводить нынешний спектакль самоослепления к очередному разоблачению неискоренимой покорности Церкви все равно какой власти. Покорность можно толковать по-разному. Апостол Павел, чьи послания легли в основу нашего исповедания, писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям... ибо начальник... не напрасно носит меч...» Однако покорность не означает сотрудничества. Еще меньше она означает слияние с властью. Апостолом сказано: «...повинуйтесь не за страх, а за совесть... но и, повинувшись... самой совести не отдавайте». Различие достаточно тонкое, но вполне ясное. «Зачем мне быть судимым чужой совестью?» — вопрошает тот же Павел. Власть есть учреждение, личной совести она не имеет, но люди, к ней причастные, бывают ей не всегда чужды. Хотя могут и наоборот: служить антисовести. Само слово «совесть» передает присутствие того, кто посылает нам весть. Но весть может быть разной, и дар свободы изначально послан нам для того, чтобы из многих разных вестей выбрать главную. Часто говорят: совесть — «голос Божий в человеке», но Бог никому не трубит в уши и ничего не навязывает, совесть есть дело нашего выбора. Бог не приказывает, мы можем Его и не слышать, особенно тогда, когда наш выбор поставил на Его место идола. И он, этот идол на месте Бога, сейчас особенно активен. Сколько голосов от партии войны делают вид, что они вещают от имени совести и даже сострадания. Например: «Вы бомбили Донбасс, так и мы, сострадав Донбассу, будем бомбить вас, за одного убитого уьем стократно. Заодно и Мариуполь снесем с лица земли, Ирпень и Бучу. С чистой совестью». Знаменитое «А где вы были восемь лет?» — это классический идол мести, который выдает себя за голос совести, той, что выписывает индульгенцию на любое количество убийств.

Кто-то — Лесков, кажется — сказал, что в России легче встретить человека святого, чем честного. Это не совсем шутка: православная Церковь обладает громадным, тончайше разработанным арсеналом средств

Сколько голосов от партии войны делают вид, что они вещают от имени совести и даже сострадания

стяжания святости. Здесь и аскетика, и молитва, и пост, и «невидимая брань», как называется война с дурными помыслами. Восточное христианство по сути своей — это прежде всего воспитание внутреннего или, как говорит апостол Петр, «сокровенного в сердце человека». А тот, кто в устах Христа зовется «ближним», служит скорее фигурой для упражнения в добродетелях сугубо духовных. В пределе внешний «мир» — это место искушений и скорбей, испытаний и послушаний, гонений от власти или, наоборот, объятия с ней, но только не устроения, не очеловечивания того, что вне нас. Последнее с презрением отвергнуто под именем «светского гуманизма». Мы же обо всем судим с позиций гуманности, которой в православии нет и не было, как нет и задачи преобразования того мира, в котором живем. Преобразование человека совершается вне истории.

Мы знаем, что в начале IV века Церковь вступила в союз с империей, и этот брак (по крайней мере, для Византии) и по сей день остается у нас нерасторжимым. Обе стороны получили от него множество выгод, империя овладела духовным мечом, а Церковь вооружилась железным. В союзе этих мечей, увы, сложилась «внешняя» история Церкви. Так, в 843 году, когда после нескольких веков яростной борьбы между иконопочитателями и иконоборцами иконопочитание властью императрицы Феодоры, «дивной во святых», как называет ее обращенный к ней тропарь, было наконец восстановлено, не менее ста тысяч иконоборцев было казнено. Мы получили праздник Торжества православия, который отмечается в первое воскресенье Великого поста, и он никак не омрачен какой-то иной памятью. О той резне можно узнать лишь из внецерковных источников. В этот день в храмах читаются анафемы всем от века бывшим еретикам, которые, разумеется, могли быть и жертвами, и злодеями, но о том, что они сделали нам, хорошо помнят, а вот о том, что им сделали мы, не вспоминают никогда. Это событие как бы посторонней нам истории не входит в священную память Предания и тем более совесть. Оно вообще не событие. Как не событием было преследование старообрядцев на протяжении двух с половиной веков и несчитанное число других развязанных нами же гонений.

Упаси бог читать мораль далекому прошлому, оно было и едва ли вернется. Дело в том, что в самой Восточной церкви остается вытесненная ею память о допустимом насилии. Не насилии над собой, заповеданном Христом, но о внешнем. Такая память давно спит и велела ее не будить. В православии — я говорю, конечно, не о бытовом православии «попов на мерседесах», но о высоком православии святых отцов, где развита, можно сказать, сверхразвита совесть наблюдения над собой, — она служит для непрерывного суда над внутренним нашим «я». Тот суд справедлив и немилостив, он выносит приговоры вплоть до крайнего самоосуждения. Молитва, завещанная святыми, гласит: «Без числа согреших, Господи, помилуй мя!»

История Соловецкого восстания. Иллюстрация рукописи XVIII века

Не хочу ни в малейшей мере бросать тень на искренность и жар этой покаянной молитвы, однако никакие гонения, которые Церковь чинила во имя отстаиваемой ею истины, не входят в число грехов, в которых надо было бы покаяться. Как никакие унижения ближнего не касаются «сокровенного человека» внутри нас, если этот ближний выступает под знаком еретика, врага родины, марионетки Запада. Ну а что говорить нам не о святых, а об обычных верующих, которые, как и все, дорожат благополучием, предпочитают не ссориться с начальством, которое не напрасно носит меч, но может в любой момент опустить его на тебя, твоё тело, твой дом, твою семью, твою собственность, твоё будущее! Не проще ли принять мир таким, каков он есть, а для успокоения совести украсить его, уютно обиходить, назвав, скажем, «Русским миром»?

Русскую церковь критикуют за безоговорочную поддержку войны, но дело не в войне и даже не в приспособленчестве, все это лежит на поверхности и очевидно всем. Дело — как бы сказать? — во внепробытании по отношению к миру, в «окамененном нечувствии», как это выражается на нашем церковном языке, нечувствии по отношению к тем, кто объявлен чужим. Дело в спящей памяти о насилии, которое творилось в прошлом от церковного имени и не было изглажено покаянием. Я бы сказал, что дело в отвлеченности евангельского понимания «ближнего», кого, по словам Христа, мы должны «возлюбить как самого себя».

Та война, которой Церковь (или, по крайней мере, большая ее часть) оказалась соучастницей, часто не воспринимается самой Церковью именно как война. Она укутана в мифологию, проецирующую агрессию на другого. Так удобнее. Потому что изобретение чужой агрессии отвечает импульсу, который живет в нас подспудно. У церковного сознания гораздо больше средств защиты перед лицом критики, чем у мирского; последнее неуклюже прячется под панцирем «патриотизма», но панцирь может сползти и расколоться. Церковный панцирь, под которым собралась сейчас большая часть духовенства и мирян, расколоть труднее. Он, как ни странно, более устойчив перед «аргументами» бомб, убийств, изнасилований, человеческого горя, если вопли о них раздаются как бы «с другой стороны». Именно религиозная основа войны иногда оказывается наиболее укрепленной. У нее есть потайное убежище, куда она всегда может скрыться. Это убежище облечено в массивное великолепие церковного предания, его догматики, его обрядов, всего того богатства, что было накоплено за два тысячелетия.

Все больше убеждаюсь, что именно из глубины, из притаившейся где-то совести можно противостоять этой обрядово-мистической тысячелетней твердыне. И начать надо издалека, с того, о чем все забыли, с того, что потерялось в учебниках истории, — с очищения наших конюшен и пытален от тяжелого наследия анафем, в которых очищение истинной веры почти всегда соединяется с насилием над другим. Мы созерцаем лик Божий, который открывается нам за завесой человеческого

искусства, в сияющем безмолвии иконы, отодвинув в забвение покаянную память о мучительстве всех, с кем во имя той же веры мы когда-то расправились. Сегодня мы не смогли бы с радостью отдаться мифу о защите Святой Руси, если бы чаще вспоминали обо всех зверствах, когда-то совершенных нашими или нами благословленными руками. Если бы мы не были лишены зрения, способного видеть не только собственные грехи, но и раны ближнего, соседа, иноверца, обитателя не нашей Руси. В Евангелии можно найти целую школу воспитания такого зрения, в Новом Завете есть учение о совести, роль которой превосходит все наши святости, даже и самой Истины, Родины, Богослужения. Речь не о том, чтобы от них отказываться, но о том, чтобы переобучить наши глаза, настроить уши на весть, которая извещает нас о человеке рядом, созданном по образу Божию. Каким бы он ни был, мы призваны не враждовать с ним, но любить.

*Сегодня мы
не смогли бы отдаться
мифу о защите
Святой Руси, если
бы помнили обо всех
зверствах, когда-то
совершенных нашими
или благословленными
нами руками*

О. Александр Мень иногда говорил, что христианство после долгого двухтысячелетнего пути только начинается, и эти слова обретают новый смысл. Конечно, в них есть явная полемика с любителями обещать, что мир кончится вот-вот, завтра или послезавтра, но есть и великое упование на то, что Бог еще не открыт во всей полноте, что Его речь, обращенная к нам, которую мы называем Откровением, продолжается. Его голос обращается к нам отовсюду, в том числе из наших измен, утопий, обольщений, падений. 70-летняя история коммунизма, его взлет и крах, были для меня одним из свидетельств о том, что Бог продолжает вразумлять нас даже и в нашем идолопоклонстве. Так будет и с войной, она обнажила кризис, который что-то должен открыть нам в нас самих, то, от чего следует себя очистить, чтобы идти дальше, не теряя веры и совести.

Андрей Десницкий,
библеист, филолог

У христианства в принципе трудная судьба — всякая власть старалась найти в нем оправдание собственным действиям, — но в России судьба христиан еще горше: то их запрещали, то им внушали, что всякая власть угодна Богу. Сейчас, во время войны, российские православные, да и не только они, и даже не только верующие, оказались перед трудным выбором. Как относиться к тому, что церковные верхи оправдывают действия властей цитатами из Библии? Что говорит христианство о коллективной ответственности? Где выход для воцерковленного человека, если он против войны, а батюшка в церкви предлагает помолиться за победу российского оружия? На эти непростые вопросы отвечает известный библеист, филолог Андрей Десницкий.

Христос нигде никогда не говорил: «Блаженны воюющие»*

Татьяна Рыбакова,
писатель, журналист,
экономический
обозреватель

— В последнее время в России часто цитируют Священное Писание — Библию и Евангелие, — чтобы оправдать собственные взгляды и поступки. Кому-то нравится цитировать слова о том, что воевать — это правильно, нуж но бороться с врагом. Кому-то нравится цитировать притчу о Содоме и Гоморре — вот, мол, почему мы запрещаем гей-парады и «пропаганду гомосексуализма». Кто-то цитирует шестую заповедь — «Не убий», а значит, воевать нельзя. Какой-то противоречивый набор правил получается. А что об этом говорит современная библеистика?

— Современная библеистика чего только не говорит. Она не едина и внутри себя, но это вообще отдельный разговор. Что касается вашего вопроса: поскольку Библия — это действительно Священное Писание, то, как всегда, такие книги каждый использует в своих интересах. И точно так же, как можно взять и выбрать из наследия Пушкина, Шекспира, Гете и любого почитаемого автора те цитаты, которые подходят в данный момент, так же можно поступить и со Священным Писанием.

* Репаблик. 11 июля 2023 г.

Но интересно, что те, кто настаивает на священных войнах, на преследовании людей нетрадиционной ориентации, Библию читали, но где-то до книги Иисуса Навина, может быть, совсем немного дальше. То есть они берут самые древние пласты [Священного Писания] и возводят их в абсолют. Для этих людей Евангелия не было в принципе. Понятно, что если человек (даже не обязательно христианской конфессии, он может принадлежать и к иудаизму, но к иудаизму, извините меня, не двух-трехтысячелетней давности, а к иудаизму современному) прошел через традиции толкования этих текстов, то он не будет эти древние пласты воспринимать как прямое указание. Но если воспринимать как прямое указание — давайте, вперед! — за прелюбодеяние положено побиеие камнями. Давайте будем казнить людей, которые вступают в сексуальные отношения вне брака. А ведь это тоже в Библии есть. Но, мне кажется, сегодня нигде, кроме Саудовской Аравии, такой подход никому в голову не приходит.

— *Есть, кстати, еще такая мысль: так как Иисус заключил Новый Завет, то есть новый закон Бога, то Старый Завет уже недействителен, как недействительна старая конституция, когда приняли новую. Насколько верен, с вашей точки зрения, такой взгляд?*

— Я не собираюсь пасти народы и говорить им, какой Завет действителен, а какой нет, но, конечно, такой взгляд в христианстве был всегда и остается до сих пор очень сильным течением. Его когда-то называли маркионитством, по имени богослова Маркиона, утверждавшего, что Ветхий Завет — это про другого бога и к христианам он не имеет никакого отношения. Но в церкви это учение давно было объявлено ересью, и радикальной такой, настоящей ересью. А если отвлечься от слова «ересь», то, не глядя на Ветхий Завет, из Нового Завета очень мало что можно понять. Что произошло на Голгофе, например? Это же жертва, все говорят, что это жертва. А что такое жертва? Откуда это понятие? Оно из Ветхого Завета, где принесение жертвы — это основная форма восстановления и поддержания отношений между Богом и человеком, причем форма, предписанная Богом.

— *Но вот недавно в РПЦ было объявлено, что пацифизм — это грех. Я не буду спрашивать даже, что происходит в РПЦ, с этим, в общем, уже, наверное, все понятно. Но насколько РПЦ все еще, скажем прямо, в традициях христианства?*

— Опять-таки христианство — оно очень разнообразное, и традиции в нем были разные. Были традиции сжигать еретиков на главных площадях. В России тоже, кстати, это делали. Не так широко, как где-нибудь в Испании, но это существовало: протопоп Аввакум был сожжен вместе со своими товарищами в конце XVII века. Были традиции устраивать

крестовые походы по завоеванию земель, где не те верующие, не той религии, конфессии, владеют «нашими» святынями.

Так что всегда можно подобрать традицию, которая соответствует твоим нынешним желаниям.

И руководство РПЦ очень старательно это делает: оно подбирает и находит в христианской традиции все, что связано с милитаризмом, все, что связано с имперскостью, все, что связано с подавлением инакомыслия. Но это немножко нечестно.

Это все равно что взять у Бродского одно из стихотворений, «На независимость Украины», и не заметить всего остального, что он написал.

И руководство РПЦ очень старательно это делает: оно подбирает и находит в христианской традиции все, что связано с милитаризмом, все, что связано с имперскостью, все, что связано с подавлением инакомыслия

Да, он это тоже написал, но нельзя о нем судить по одному произведению. Или у Пушкина взять стихотворение «Клеветникам России», написанное о польском восстании, мол, это «спор славян между собою», и не заметить всего остального.

Вот в РПЦ (вернее, в руководстве РПЦ, потому что РПЦ — это очень большая организация, где очень разные люди, и многие ушли

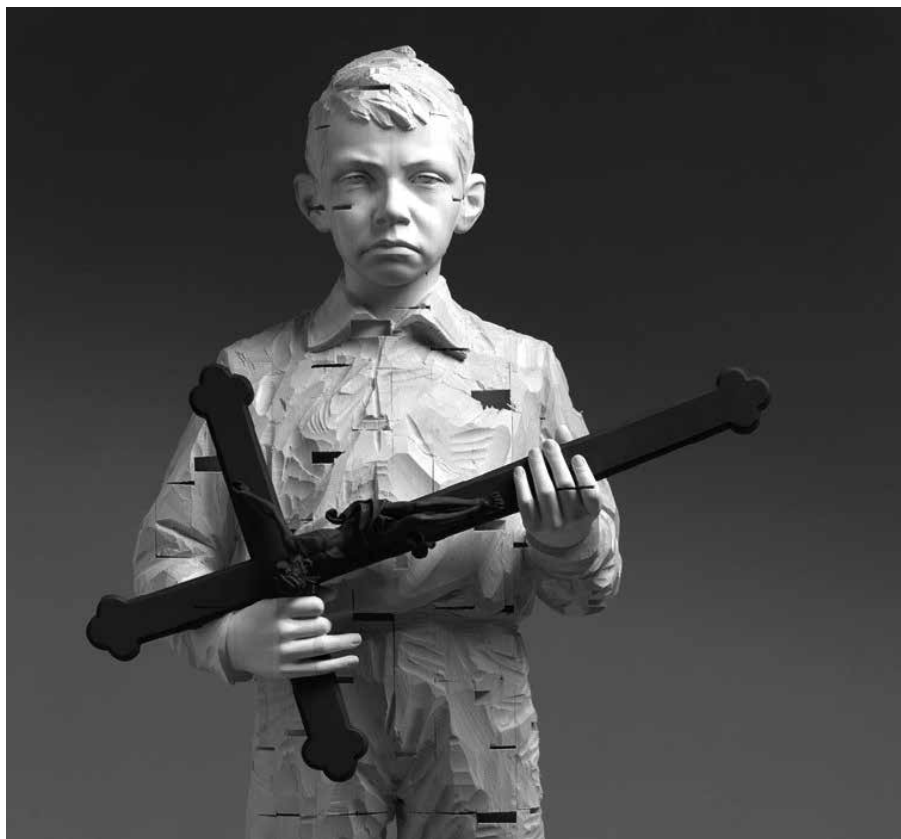
из РПЦ так или иначе, потому что многие священники остаются формально внутри, но не отождествляют себя с тем, что говорит патриарх), безусловно, сейчас взят курс на то, чтобы подыскивать абсолютно любые фразы из Писания, из преданий, из чего угодно, которые одобряют и поддерживают курс Кремля, курс Путина. Я бы сказал, что к христианству все это не имеет отношения, но не могу. Потому что это далеко не первый раз, когда цитатами доказывается правота текущего правителя любой ценой. Вот сейчас тоже.

— *Кстати, не помню, чтобы в Писании где-то осуждался пацифизм.*

— В Библии ничего нет про пацифизм, так же как нет про интернет или про смузи, потому что само понятие недавнее. Но «блаженны миротворцы» — это одна из первых заповедей в Нагорной проповеди. А «блаженны воюющие» Христос нигде никогда не говорил. И если говорить о пацифизме, то ранние христиане были в основном пацифистами, хотя они слова такого не знали.

— *Насколько я знаю, в Византии даже была традиция — воинов какое-то время не пускать в храм после того, как они участвовали в битвах.*

— Правило, если я не ошибаюсь, Василия Великого — на три года воины отлучаются от причастия, что выглядит как наказание. Хотя он отдельно оговаривает: это не грех, это нечистота. То есть человек, который убил своими руками другого человека, даже если все абсолютно оправданно,

Гехард Демец (Gerhard Demetz). Твоя реакция правильная. 2011

не может после этого в течение трех лет по этому правилу приступать к причастию. Просто потому, что это несовместимо с какими-то базовыми вещами христианства. А вообще ранние христиане были, как я сказал, в основном пацифистами, почти исключительно пацифистами. Мы далеко не все про них знаем, поэтому не можем делать таких однозначных утверждений. Просто потому, что в Евангелии действительно о воинах в положительном плане ничего не говорится.

Все начало меняться, когда христианство стало широко распространяться. Многие римские воины становились христианами. И требовать от них, чтобы они прекратили свою военную службу, было просто невозможно. Во-первых, у них обязательство перед государством, и это дезертирство, за которое казнят. А во-вторых, это, собственно, образ их жизни. И тогда пришлось находить какие-то формы их участия в христианской жизни, которые были бы, скажем так, не слишком несовместимы с их военной профессией. Вот, например, Тертуллиан, известный богослов, о нем можно много чего другого сказать, но у него есть прекрасное произведение о венке. Он разбирает следующий случай. Некий римский воин должен был получить венок от императора — это

как орден, знак заслуги за доблесть. Но этот воин был христианином. И возник вопрос: может ли он его получить? Не будет ли это отказом от его христианской веры? И Тертуллиан делает вывод, что нет, не может. Он сказал примерно следующее: «Ладно, служить в армии, в общем-то, приходится, мы не можем этого запретить, но брать за это награды — это не то, что нужно, чтобы просто поддержать свое существование». Можно брать плату за обслуживание, но брать награды и тем самым гордиться своей службой в армии — недопустимо абсолютно. Приводит он, кстати, в пример митраистов, а митраизм — эта религия была очень популярна как раз в римской армии. У нее много общих черт с христианством, в частности, их приверженность Митре как единому божеству. И вот митраист отказался надеть венки, сказав: «Митра — мой венок». «Неужели мы, христиане, слабее митраистов?» — говорит Тертуллиан.

Но когда империя приняла христианство, понятно, что империя не может существовать без армии, и если она становится христианской, то она должна найти какие-то объяснения, почему воевать за империю хорошо и правильно. Разумеется, их нашли.

— Еще вопрос, по которому сейчас ведутся битвы — слава богу, пока только в фейсбуке и в других соцсетях, а не на поле боя, — о принципе коллективной или личной вины и ответственности. А что об этом говорит христианство?

— Оно опять-таки говорит все что угодно, можно найти самые разные цитаты. В Ветхом Завете очень много говорится о коллективной ответственности или вине, называйте это как хотите: народы Ханааны истреблены за то, что, как рассказывает книга Иисуса Навина, они были грешными. Понятно, что там были в том числе люди праведные, например, маленькие дети, которым никакой грех не вменишь. И опять-таки можно застрять на этой стадии, но, мне кажется, одна из самых главных вещей, которую мы встречаем в Евангелии, — это когда Христос приходит к людям, очень хорошо знакомым с этими текстами. Для которых ты прежде всего представитель какой-то группы: иудей, язычник, эллин или скиф, свободный, раб, вольноотпущенник или кто-то еще. И тут он начинает говорить о личном. Для него эти различия значат довольно мало: он не отменяет их, но для него самое главное — кто ты в отношениях с Богом, кто ты в отношениях со своим ближним. И все Евангелие ровно про это.

Поэтому говорить, что мы как-то вынесли все это за скобки и остались в Ветхом Завете — ну, тогда давайте вести священные войны. Я так не считаю, но это очевидный вывод. Давайте сжигать еретиков, желательно целыми деревнями, потому что мало ли дети тоже могут быть заражены. Опять-таки я так не считаю, это логический вывод, который отсюда следует.

Мне очень нравится идея о том, что надо различать вину — вина бывает только личная, она вытекает из сознательного выбора человека — и

ответственность. Ответственность бывает не связана с виной. Например, человек может отвечать за последствия ДТП, даже если он не виноват, потому что за последствия ДТП кто-то всегда отвечает, если это не сила природы. Ответственность — это то, что человек так или иначе принимает на себя как задачу. Желает он того или не желает, но все равно приходится. То есть вина — это про прошлое, ответственность — это все больше про будущее. И человек, ответственный за ДТП, должен выплачивать компенсацию пострадавшему, компенсацию за поврежденное имущество. Я русский, этнический русский, у меня паспорт Российской Федерации, поэтому я, безусловно, задумываюсь о том, что на нас, на таких людях, лежит очень серьезная ответственность. Но не в том плане, что мы должны до конца своих дней стоять на коленях и говорить всем: «Извините», это не очень правильный подход. В том смысле, что мы должны понять: а что произошло, почему оно произошло и что можно сделать, чтобы это не повторялось? В этом смысле, мне кажется, очень важно различать коллективную вину — я ни в коем случае не согласен с этим понятием — и солидарную ответственность.

В чем разница? Солидарная — это то, что я сам на себя принимаю. У меня есть семья, я отвечаю за то, что с этой семьей происходит. У меня есть дом, в котором у меня есть квартира. Я отвечаю за то, что в этом доме происходит, вместе с другими соседями. У меня есть страна, народ, культура — я отвечаю за то, что с ними происходит.

— *Знаете, пока вы это говорили, я подумала о том, что не только нынешнее российское руководство, но, наверное, и значительная часть населения живет именно ветхозаветными понятиями. Потому что ведь те же самые зверства, те же Ирпень, Мариуполь — не что иное, как вот эта ветхозаветная коллективная вина. То есть раз там есть нацисты, то гори оно все огнем, убивай каждого, на небесах разберутся, кто виновен, кто нет.*

— Это не Ветхий Завет, это, по-моему, этика подворотни и прежде всего зоны. И там никаких высоких идей, я думаю, нет. Я на зоне не был, но в армии служил, и я прекрасно понимаю логику парня из какого-нибудь отдаленного села. Которому, во-первых, просто завидно, как здесь люди живут, а Ирпень, Буча — это, между прочим, курортные поселки под Киевом.

— *Да-да, очень благополучные, чистенькие, зеленые.*

— Очень благополучные. Вот они входят туда, и этому парню безумно завидно, что у него дома в забайкальской деревне сортир холодный, зимой -40° и ему туда бегать приходится. А тут все так чисто, аккуратно. Если ему еще сказали: «А тут нацисты», то это в его глазах вообще оправдывает его дикие, животные инстинкты. Но это не имеет никакого отношения к Ветхому Завету, это что-то очень первобытное, как раз то, из чего Ветхий Завет старается уводить людей, вернее, старался

3–4 тысячи лет назад. А сейчас люди, наоборот, в это погружаются и говорят: «Это наше родное, исконное, мы там останемся».

— *А что делать российским верующим, российским православным, оставшимся в России, уехавшим из России? Оставаться ли им в церкви, уходить ли им в какую-то другую церковь из РПЦ? Потому что приходишь в храм — там говорят такие вещи, с которыми ты, мягко говоря, не согласен. Не ходишь в храм — ты плохой христианин. Как эту дилемму решить?*

*Получается,
что теперь возглас
на литургии
«Мир всем»
надо заменять
на «Победа всем»?*

— Совершенно не берусь никому указывать, как ему поступать, но проблема действительно очень острая. Я знаю очень много людей, которые так или иначе эту проблему для себя решают, исходя из своей ситуации. Кто-то, допустим, приходит в храмы, в общину, в приходы, где, по крайней мере на личном уровне, они уверены, что священники не разделяют этой идеологии. Но это все труднее делать, потому что вот случай с отцом Иваном Бурдиным, которого наказали за то, что он слово «победа» заменил словом «мир». Получается, что теперь возглас на литургии «Мир всем» надо заменять на «Победа всем»?

То есть вот это выход, который на самом деле всегда был, потому что довольно давно уже от руководства РПЦ многих, простите, тошнит, и люди всегда старались различать: «А у нас в храме все другое, у нас там замечательный батюшка, у нас там прекрасные прихожане».

— *«У нас батюшка хороший».*

— Но это все меньше и меньше работает. То есть возможности это сохранить крайне мало. Кто-то уходит из РПЦ, понятно, что если это не в России, то есть разные другие юрисдикции, где тоже возникают свои проблемы. Вы знаете, очень легко уйти из РПЦ, ничего не нужно для этого, просто об этом заявить, но очень трудно вывести РПЦ из себя, все эти образцы поведения, которые годами впитывались: поддерживать власть, заискивать перед богатством, соглашаться с начальством во всем и быть крайне агрессивным к тем, кто ниже тебя. Вот очень легко это все начать воспроизводить. Если вы в другой юрисдикции, можно перейти в конфессию местной церкви, можно перейти, естественно, в другую религию. Когда-то мне сказали московские католики, что у них в 2012 году прошел призыв после Pussy Riot. Призыв — это массовый приход людей, тех, кто после истории с Pussy Riot перешел в католицизм. Я уверен, что новых протестантов не меньше тогда и, может быть, сейчас появилось. Хотя официальный российский протестантизм тоже очень сильно вовлечен в эту Z-идеологию. И видно, что люди одинаковые в разных конфессиях. Без конца слышны жалобы искренне верующих российских протестантов на то, что они не знают, как им быть дальше, когда они тоже слышат все эти проповеди.

Герхард Демец (Gerhard Demetz). Жизнь без Рождества. 2015

Но мне кажется, самый интересный выход — я не говорю, что это самый лучший, я говорю «самый интересный» — это появление людей, для которых церковная религиозность практически перестала что-то значить. Люди, которые могут быть в церкви, но они не стремятся к тому, чтобы посещать ее регулярно. Они сохраняют какую-то внутреннюю свою веру или, может быть, даже иногда объединяются как-то (помимо приходов и общин) для того, чтобы говорить об этих вещах: может быть, читать Библию совместно, может быть, что-то полезное делать. Времена войны, конечно, дают колоссальный простор для практического действия: помощь беженцам и так далее. И всегда к этому

относились как «вот он не настоящий христианин, он не ходит в церковь». Церковь — это определенное собрание. То есть если ты не причащался раз за сколько-то недель, то все — ты уже не в церкви.

А я спрошу: как часто причащался Борис Леонидович Пастернак? Я не знаю, но думаю, что крайне редко, а может быть, вообще никогда в последние годы своей жизни. Тем не менее его евангельские стихи, особенно из цикла «Доктор Живаго», образец высочайшего христианского искусства, очень глубокого христианского богословия. И, может быть, мы вступаем сейчас в такой очень интересный период, когда традиционная церковность становится чем-то экзотическим. Как люди когда-то все ездили на лошадях, а сейчас верховая езда — это хобби, причем для богатых. А мы все ездим на других транспортных средствах. Вот, может быть, с традиционной церковностью происходит что-то похожее: она перестает быть таким способом по умолчанию, как езда на лошади была способом передвигаться в пространстве по умолчанию. Это не значит, что она исчезнет, но, может быть, будет занимать другое место.

Вообще все российское общество мучительно выходит из состояния архаики и патернализма. И если, скажем, в экономической сфере начиная с 1990-х годов в общем и целом уже вышло, то в сфере идеологической еще явно нет. Это одна из причин той войны и тех зверств, которые мы видим. То есть людям хочется принадлежать к чему-то большому, безошибочному и, безусловно, правому. И что с этим делать дальше? Не очень понятно. Наверное, мы все дальше будем от этого уходить. И я думаю, что традиционная церковность в таком понимании — вот батюшка, вот приход, вот воскресные богослужения, вот посты, вот праздники — будет все больше и больше перемещаться в область такого фольклорного ансамбля, этнографического музея. Фольклорный ансамбль — это на самом деле прекрасно, но им нельзя жить.

— Получается, что христианство может постепенно двигаться как раз в сторону своих традиционных истоков? Потому что христианские общины во времена Христа и в раннем христианстве ровно такими и были: собирались люди, читали Библию, пытались говорить о том, как жить согласно заветам Христа, и так далее. Правильно я понимаю?

— Может быть. Я бы не сказал, что мы хорошо себе представляем, как жили ранние христиане, хотя у меня целый курс про это есть, — что-то мы можем реконструировать. Но они определенно не создавали своей субкультуры, субкультура пришла потом. Они — это было принципиально для них — жили так же, как и все остальные. То есть носили ту же одежду, ели ту же еду, говорили на том же языке. А потом постепенно произошло это осубкультурирование, когда возникает куча всяких маркеров: «Спаси Господи, матушка», «Благословите, батюшка». И, в общем, поддержание этой субкультуры стало чем-то самодостаточным. Обычная история.

Знакомим читателя с нашими новыми изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Предисловие к русскому изданию

Журналистика — весьма несовершенное средство раскрытия истины. В этом качестве она часто проигрывает судебному разбирательству, академическим исследованиям, лекциям в университете или статистике и отчетам, которые публикует правительство.

При этом предполагается, что институты журналистики действуют в свободных, демократических обществах: авторитарные режимы не гнушаются ложной информацией, щедро поставляя ее как своим гражданам, так и иностранцам. Чем более авторитарным становится режим, тем больше он лжет. Авторитаризм ограничивает права граждан и предоставляет правящему классу свободу строить идеальные картины (пропаганду) своих действий и политики.

Журналистика, то есть независимые средства массовой информации в демократических странах с активным гражданским обществом, опирается на различные традиции и законодательные нормы. В Соединенных Штатах свободу СМИ гарантирует первая поправка к Конституции США; в Германии — статья 5 Основного Закона ФРГ; в Соединенном Королевстве, стране, не имеющей письменной конституции, свободу печати обеспечивает прецедентное право и традиции.

Статья 29 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова... Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». Статья 35 Конституции Китая гарантирует, что «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций».

Организация Freedom House определяет Россию как «несвободную» страну, а в рейтинге свободы печати Reporters sans Frontières («Репортеры без

Джон Ллойд. Власть в зеркале истории. Всемирная битва за новости и информацию. — Рига: Школа гражданского просвещения. 2023. — 552 с.

границ») Россия занимает 150-ю позицию из 180 государств. Китай, который также квалифицируется как страна «несвободная», находится в этом рейтинге на 177-й позиции и проявляет бóльшую открытость в отношении лиц, склонных воспринимать статью 35 серьезно: так, статья 51 китайской конституции постулирует, что граждане, «осущест-

*Мы, журналисты, живущие
в свободных странах,
существуем внутри культуры,
в которой, несмотря
на все посягательства,
гарантирована свобода
печати и заложены основы для
полемичной журналистики,
включая журналистику
расследований*

вляя свои права и свободы, не должны наносить ущерб интересам государства, общества и коллектива, законным свободам и правам других граждан».

Приведенные примеры служат напоминанием о том, что конституции хороши лишь в той мере, в какой добропорядочны власти предержавшие. Мы, журналисты, живущие в свободных странах, обладаем огромными привилегиями — мы существуем внутри культуры, в которой, несмотря на все посягательства, гарантирована свобода

печати и заложены основы для острой, полемичной журналистики, включая журналистику расследований.

Свободная журналистика нередко удостоивалась похвалы со стороны политических деятелей, включая тех, кому доводилось испытать на себе ее жало. Президент США Барак Обама, выступая в марте 2016 года на вечере памяти видного политического репортера The New York Times, сказал об авторах журналистских расследований, что их «труд был и остается существенно важным... слишком часто на журналистов оказывается огромное давление, чтобы заполнить пустоту и накормить зверя [то есть ублажить публику] мимолетными откликами и слухами в Twitter или сплетнями о знаменитостях, да и другими досужими историями... Но в этом случае мы рискуем не понять наш мир и друг друга так, как следует. Последнее не может не иметь последствий для нашей жизни и для жизни нашей страны».

Обама фактически озвучивает идеал свободной журналистики, а именно раскрытие фактов и их анализ, что помогает гражданам «понять наш мир и друг друга». Центральное значение для этого понимания имеет концепция, согласно которой существует нечто именуемое истиной.

Журналистика возможна только в том случае, если журналист исходит из предпосылки, что истина действительно существует и ожидает обнаружения. Например, лицо, занимающее государственную должность, обвиняется в коррупции — использовании казенных средств в личных целях. Чиновник отрицает обвинение, журналист, пытаясь установить факты, узнает, что обвинения во многом верны, хотя и преувеличены. Должностное лицо тайно использовало государственные средства в частных интересах, но не в таком размере, как утверждалось ранее.

Единственный способ прийти к такому выводу и опубликовать полученные сведения — это выявить, установить факты, в частности, сумму растраты. Итак, сумма денег, пути их использования, запрет на подобные траты должностному лицу — все эти обстоятельства должны быть фактами реально существующего мира. Правда, публикация результатов расследования в СМИ стала возможна только потому, что репортер, обнародовавший эти факты, благодаря своему положению в свободном обществе получил право осуществить расследование.

Но верно и то, что в разные исторические периоды и в разных частях света могут действовать несхожие друг с другом «режимы истины», когда, например, коррупция может восприниматься как нечто само собой разумеющееся, но не рассматриваться в качестве предмета расследования, потому что расследование создало бы угрозу для журналиста. Однако само раскрытие фактов в их подлинной связи с картиной жизни не зависимо от той или иной реакции общества. Восприятие фактов обретает силу только благодаря местному или историческому контексту.

Как в свободных обществах, так и в авторитарных странах журналистика в значительной степени как раз соответствует словам Обамы, заполняя пустоту и убажывая публику «мимолетными откликами и слухами в Twitter или сплетнями о знаменитостях, да и другими досужими историями...». В конце концов, сплетни и слухи сопровождают человека с рассвета цивилизации: невозможно отрицать, что многие журналисты подвизаются на поприще сенсационных, раздутых, да и откровенно ложных «новостей».

Однако без средств массовой информации как рупора неудобной правды общество постепенно лишится жизненно важного ресурса — института, который стремится призвать власть к ответу. Свобода печати делает возможной как публикацию материалов, «ублажающих публику», так и предание гласности нелицеприятных фактов из жизни политиков и чиновников, о которых должна знать общественность.

В этом и состоит главное различие между свободными и несвободными СМИ. В этом мы и находим необходимость — причину, по которой свободные СМИ при всех присущих им неточностях и недостатках, притом что они редко соответствуют строгим нормам правовых определений или академического исследования, притом что значительная часть «газетной продукции» лишена подлинной ценности, неточна или злонамеренна, должны продолжать выживать. Журналистика перекидывает мостик между «народом» и «элитой», а в лучших своих проявлениях побуждает стороны к диалогу.

В книге предпринята попытка описать состояние журналистики в разных частях света, и в том числе в России, где пространство

*В книге предпринята
попытка описать
состояние журналистики
в разных частях света,
и в том числе в России*

свободной журналистики существенно ограничено, несмотря на широкие права, которые гарантирует статья 29 Конституции (во время написания этих строк ситуация продолжает ухудшаться). В значительной степени информационные материалы, производимые российским правительством, — это пропаганда, отражающая непрерывные попытки прикрыть политические неудачи рассказами об успехах и возложить вину за неудачи на иностранные и внутренние силы, якобы враждебные русскому народу. Как сказал в недавнем интервью руководитель Левада-центра Лев Гудков, многие в России «живут идеей величия государства и связанной с ней конспирологией, оправдывающей бедность и появление внутренних критиков и оппонентов русофобией и враждебностью Запада. Причем, с одной стороны, российское общество воспринимает Запад как утопию, воплощение всех идеалов и ценностей, а с другой — испытывает перед ним страх и resentment. Двойное сознание (идеализации Запада и страха перед ним) — очень важная ментальная конструкция, которая появилась не сегодня и даже не в советское время, а гораздо раньше».

Последующие несколько десятилетий покажут, какими политическими путями будет следовать российское правительство, достигнет ли оно своей цели удержания контроля над обществом и удастся ли ему убедить значительную часть населения в том, что сегодня Запад, как и в советское время, остается враждебной силой. Однако в настоящее время, в отличие от советской эпохи, в журналистике действует целый ряд организаций и частных лиц, которые обладают способностями и мужеством выразить свою правду, так как они больше, чем правительство, верят в то, что истина существует, и признают за своими согражданами право на знание.

Май 2021 г.

Большевик наизнанку

Не мало тех, которые стремились изгнать своего дьявола, но сами при этом переишли в свиней.

Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра

Взяв этот толстенный том в руки и полистав его, я сразу же впал в недоумение. Зачем нужно было, подумалось мне, посвящать 40 (!) печатных листов — у книги нестандартный формат, поэтому и страниц вроде бы не так много — какому-то политическому фрику, лицу без рода и без племени, то ли датчанину, то ли русскому, на протяжении всей своей непутевой и короткой жизни выказывавшему чрезмерную экзальтированность (чтобы не сказать больше) и закончившему земное существование в качестве эсэсовца, убитого в 1942 году на Восточном фронте? Погружение в текст, однако, прояснило, как теперь мне кажется, авторский замысел. Похоже, что датский историк и литератор, специалист по Второй мировой войне и лауреат научных премий, по ничтожным крупичкам и в мельчайших деталях восстановивший жизненный путь главного нациста Дании, написал свой *opus magnum* не только для того, чтобы фразировать, как выразился бы капитан Лебядкин, общественное мнение своей страны, хотя и такое, подозреваю, присутствовало — как же без этого? — ведь самореклама пишущим людям никогда еще не вредила. Главным же видится другой мотив: датский специалист был, скорее всего, завоужен тем, какие диковинные игры с человеческими судьбами может вытворять война и до какой степени она способна порой расчеловечивать (или, напротив, очеловечивать), причем не только индивидов, но и целые общества.

Семейство юного Кристиана Фредерика Шальбурга в 1917 году бежало из России, но не от большевиков, как можно было бы предположить: для того чтобы распрощаться с родиной, этим чистопородным монархистам хватило и Февральской революции. Это, кстати, весьма характеризует людей, воспитывавших будущего коллаборациониста: они даже не попытались «поработать над ошибками» у себя дома, предпочтя побег. Позже беззаветная любовь к монархии как идеалу правления была распространена Шальбургом и на датскую королевскую фамилию. Собственно говоря, этому человеку всегда были присущи вполне однокорнейные страсти и мысли: для него не существовало полутонов — Шальбург всегда любил и ненавидел до самого края, до настоящего безумия,

Миккель Киркебак.

Шальбург — патриот-предатель.

СПб.: Нестор-История, 2022. 488 с.

причем буквального. Его обожания удостоились монархия, аристократия, национал-социализм и парадоксальным образом Россия-матушка (у героя книги отец был датчанином, а мать русской); напротив, его ненависть испепеляла большевиков, либералов и евреев. Антисемитизм Шальбурга с полным основанием можно назвать зоологическим; под стать себе он и гадливость вызывает такую же животную. «Ненависть его к евреям была столь велика, что представляется не просто вульгарной, но и гротескной, — пишет автор. — Размышляя о “еврейском во-

просе”, он как бы отключал все механизмы здравого смысла» (с. 40).

*В эпохи всеобщего
торжества насилия
здравый смысл вытесняют
эмоция, воля и вера,
весьма дурные советчики
в по-настоящему
серьезных вопросах*

Попытаюсь в нескольких предложениях изложить биографию героя, представленную на 40 печатных листах. Как уже было сказано, будущий эсэсовец покинул Россию в весьма нежных летах (он родился в 1906-м), перебравшись с семьей на отцовскую родину. Там он пошел по военной стезе и, несмотря на хроническую неуспе-

ваемость в профильном училище, стал офицером лейб-гвардии — элитного подразделения, близкого к королевскому двору. Возникновение национал-социализма не могло не привлечь молодого офицера, люто презиравшего «жидомасонов из Интернационала», — он мгновенно проникся самыми горячими симпатиями к гитлеровскому движению и его основателю. Одна из его знакомых эмигранток вспоминала: «Он не мог простить треклятых большевиков, никак не мог, и это доводило его до безумия» (с. 80). Когда началась Зимняя война, Шальбург вместе с группой датских военных, готовых воевать с большевиками на стороне финнов, выехал в Финляндию, но добровольцы не успели вступить в бой до заключения перемирия. С началом Второй мировой войны мировоззрение патриота-предателя окончательно повредилось: он по-прежнему обожал фюрера, но при этом готов был драться с немцами после того, как узнал, что скандинавское королевство в апреле 1940 года мирно капитулировало перед рейхом. «Когда до него дошло, что Дания пала без боя, с ним, по свидетельству многих добровольцев, случился нервный срыв: он рыдал, точно малый ребенок», — пишет автор (с. 120). Интересно, однако, что весь этот накал страстей и бурное возмущение гитлеровской оккупацией не помешали Шальбургу вскоре вступить в ряды СС, чтобы, как он полагал, лично включиться в освобождение России от большевизма. За этим занятием его и застигла смерть. Справедливости ради отмечу, что, в принципе, все получилось, как он хотел: русский датчанин-фашист мечтал умереть за Россию, и какой-то красноармеец в ходе ликвидации демянского котла предоставил ему такую возможность. Посмертным же итогом стало презрение обоих отечеств: и датского, и русского.

Некоторые современники, знавшие Шальбурга лично, считали его крайне неуравновешенным человеком. Это справедливое суждение можно было бы дополнить тезисом о том, что эпоха тотального катклизма воспроизводила подобного рода психические аномалии выражено массовым образом. Когда мир проваливается в воронку турбулентности, а устоявшие порядки, правила и нормы рассыпаются, в первые ряды выходят люди-разрушители, нарочито отказывающиеся от рационального отношения к происходящему; война как абсолютный символ деструкции становится для них родной стихией. «Для Шальбурга самым важным было то, с кем он борется, а вопрос о том, вместе с кем он сражается против врага, оставался вторичным», — отмечается в книге (с. 185). Но могла ли эта тема быть вторичной объективно, в особенности для человека, который искренне считал себя патриотом? Чтобы усомниться в этом, достаточно апелляции к элементарному здравому смыслу. Однако в эпохи всеобщего торжества насилия здравый смысл обычно дезактивируется — его вытесняют эмоция, воля и вера, весьма дурные советчики в по-настоящему серьезных вопросах. В итоге такие люди, как Шальбург, теряли важнейший человеческий навык — способность сомневаться, а это в свою очередь превращало их в нравственных калек. Причем, утратив способность мыслить критически, подобные личности жестко запрещали сомнения и всему остальному обществу. Так, согласно взглядам Шальбурга, высказанным еще в 1932-м, никак нельзя было допустить повторения ошибок 1917 года: абсолютно не годится впредь «критиковать и высмеивать власти, которые на протяжении столетий сплачивали наше общество, то есть монарха, веру и отечество, и становой хребет страны — ее армию» (с. 125). Читая такое спустя сто лет и оглядываясь вокруг, невольно призадумываешься. Неудивительно, что за пару месяцев до своего конца Шальбург в газетном интервью называет самую ужасную бойню мировой истории «бесконечно великой и прекрасной» (с. 199).

Лично для меня обобщающим итогом прочитанного стали два момента. Во-первых, сообщество русских «патриотов-предателей», подобных главному герою повествования, никоим образом не смогло бы победить большевиков. Дело в том, что по устройству своей ментальности они были почти такими же фанатиками-манихеями; иначе говоря, им нечего было противопоставить коммунистам — ни одна светлая, нравственная, очеловечивающая идея в их головах и не ночевала. Индивид как таковой в их моральных выкладках просто отсутствовал: они мыслили, подобно Марксу, грандиозными и тектоническими категориями, душащими личность. А во-вторых, исторические моменты, в которых торжествуют разлад и хаос, во все времена плодили подобных людей — с мозгами набекрень, неспособных даже помыслить о собственной неправоте и готовых сокрушать все вокруг, по каждому поводу голосуя, что называется, сердцем, а не умом. Именно отсюда проистекала их

Бригитт Полемис (Brigitte Polemis). *Здравый смысл*. 2018

своеобразная идеологическая шизофрения — то «существенное и непреодолимое противоречие внутренних установок», о котором пишет автор, характеризуя своего героя: «С одной стороны, он хотел спасти и возродить Россию и русский народ, а с другой — участвовал в борьбе немцев со славянскими “недочеловеками”» (с. 124). По этой причине, кстати, последовательность слов на обложке неплохо было бы поменять: сочетание «предатель-патриот» смотрелось бы уместнее.

И в заключение пара слов о технической стороне этого проекта. Издательство «Нестор-История» подготовило в высшей степени эстетичный продукт: книга богато и изящно оформлена, в ней одних только вкладок с фотографиями страниц на пятьдесят. Отмечаю также великий труд переводчика Анатолия Чеканского; это все-таки перевод с датского языка, причем выполненный весьма литературно и гладко. Наконец, впечатляет виртуозная и детальнейшая работа с научным аппаратом — в наши времена безалаберной поверхности, затронувшей и научное творчество, это большая редкость. А совсем последнее вот в чем: поучительная в целом вышла книга.

Андрей Симбирцев

Контрапункт

Об американской революции

Среди сюжетов американской революции, возможно, самый интригующий — споры американских монархистов с американскими республиканцами. Сегодня в это трудно поверить, но в 1776 году, после Декларации о независимости, далеко не все американцы желали выхода своих штатов из состава Британской империи. Новое поколение исследований показывает, что до трети жителей колоний были за короля, против революции и считали республику рискованным экспериментом. Логика и здравый смысл, как утверждают историки, были скорее на их стороне. В XVIII веке короли имели что предложить. У них существовали фундаментальные науки, высокие искусства, безопасность, непредвзятый суд. Достижения республик были многократно скромнее. Несколько территорий в Альпах, несколько провинций в приморских голландских низинах и пара бедных итальянских городов на Средиземном море были слишком слабы и нестабильны, чтобы вдохновлять на перемены. Почти бескрайняя Речь Посполитая* с ее непрерывным политическим кризисом была постоянным объектом для критики со стороны интеллектуалов, среди которых был и Вольтер. На фоне хаотичных республик успех европейских монархий был очевидным и притягательным. Учитывая общий контекст XVIII века, чтобы поверить тогда в возможность создания республики, которая стала бы успешнее или хотя бы равной королевствам, требовались значительные интеллектуальные усилия. Тем более на восточном берегу Атлантики, среди девственных лесов и бок о бок с коренными жителями, пользующимися луками и стрелами. Личные дневники американцев того времени свидетельствуют, что в XVIII веке даже объединение тринадцати штатов в одну страну казалось чересчур новаторской идеей. Как колонии штаты были связаны между собой фигурой монарха. Легитимность монарха основывалась на религиозном фундаменте — самое

Максим Горюнов,
философ

прочное, что можно было представить в мире, где атеизм являлся редкой перверсией. Географическая близость существенной роли не играла. Жители разных штатов настойчиво и с убеждением описывали друг друга как иностранцев, у которых «все не как у нас», и искренне мечтали увидеть Лондон и короля. Отказавшись от монарха, штатам пришлось бы придумывать себя заново и почти с нуля, что само по себе обещало множество трудностей. Оставить все как есть, не рисковать было разумнее. Штаты, находясь на другом континенте, в нескольких тысячах миль от ближайшего города с университетом, книжной лавкой и чайным домом, нуждались в метрополии и осознавали это. Помимо прочего, метрополия с ее армией могла обеспечить защиту от армий французского и испанского королей, расположенных на севере и юге. Поскольку население штатов было преимущественно протестантским, защита от католиков выглядела не лишней.

О масштабе симпатий к Лондону говорит в том числе и тот факт, что американский лоялизм стал причиной первой в мировой истории массовой эвакуации. Когда боевые действия закончились и британская армия начала покидать американские города, десятки тысяч сторонников монархии, покинув свои дома, эвакуировались на кораблях, предоставленных монархом. Плыли туда, где власть короля и парламента никто не оспаривал: Канада, Ямайка, Англия и даже, как в случае с афролоялистами из числа бывших рабов, Сьерра-Леоне.

Учитывая размах событий, вполне естественно, что споры между теми, кто за республику, и теми, кто за монарха, были крайне интенсивными. Обе стороны артикулировали свои позиции и шумно выясняли, кто из них лучше понимает реальность. Споры не были тихими и незаметными. Как и в наши дни у американцев, это было ярко, громко и с регулярными нарушениями норм политеса.

Для российского читателя, учитывая текущую ситуацию в стране, особенно важны сюжеты о том, как был устроен американский спор об американском будущем. Насколько его сценарий совпадает с российским? Американцы спорили о своем завтра так же беспощадно, как россияне? Или как-то иначе? Как сторонники республики относились к тем, кто выбрал монархию? И как уехавшие относились к тем, кто выбрал республику? И, учитывая успех сторонников республики, возник ли у американских лоялистов аналог депрессивной эмигрантской лирики, как это случилось у россиян после Октябрьского переворота?

* Речь Посполитая — государство, возникшее в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского на основе Люблинской унии (1569–1795). Речь Посполитая (от польск. *rzecz* — вещь; *pospolita* — общая) — дословный перевод с латинского на польский выражения *res publica*, что на русский язык переводится как «общее дело». — *Прим. ред.*

Налоги — основная тема американских споров

Отвечая на вопрос об эмигрантской лирике, американский историк Майя Ясановф в своей книге «Изгнанники свободы» утверждает, что не возник. Ее книга (Maya R. Jasanoff. *Liberty's Exiles: American Loyalists in the Revolutionary World*) вышла в 2011 году в издательстве Knopf и получила несколько престижных наград, включая The National Book Critics Circle Award for Nonfiction и The George Washington Book Prize.

Среди американцев, выбравших короля, не родилось аналога бунинских «Окаянных дней». Очевидно, что лоялистам, выбравшим эмиграцию, пришлось через многое пройти. Даже переезд в Канаду, которая вроде бы совсем рядом, не был прогулкой. И тем не менее, обосновавшись на новом месте, лоялисты, как пишет автор, были в целом довольны своим выбором. Невыносимая легкость гражданского конфликта в Америке оказалась возможна благодаря архитектуре спора лоялистов с республиканцами.

*Спор американских монархистов
с американскими республиканцами
был преимущественно
о финансах и полномочиях*

Этот спор, как кажется, был лишен — или почти лишен — экзистенциального измерения.

Для российского читателя спор американцев больше похож на спор хозяйствующих субъектов. Есть нечто подчеркнуто бухгалтерское в американском споре об американском будущем. Спор республиканцев с лоялистами — это два мнения о том, как правильно вводить новые налоги. Вопрос же о ценностях имел скорее декоративное значение.

С точки зрения автора, спор американских монархистов с американскими республиканцами был преимущественно о финансах и полномочиях. Американцы выясняли, кто и как будет принимать решение о налогах. Фундаментальные вопросы морали, к которым склонна российская публика, интересовали американцев не так остро. Или не интересовали вообще. Налоги — основная тема американских споров. Американцы были возмущены тем, что в 1765 году парламент в Лондоне принял решение о новых налогах без согласования с ними. Возмущение, вопреки обыкновению, не рассеялось со временем, а стало сгущаться и в результате привело к тому, что Лондон потерял тринадцать колоний. Другими словами, причиной революции стал отказ метрополии обсуждать с колониями, сколько стоят оказываемые ею государственные услуги.

Майя Ясановфа подчеркивает, что в колониях не было тех, кто согласился бы платить налоги без обсуждения. И те, кто потом эвакуировался в Канаду на британских кораблях, и те, кого мы сейчас называем отцами-основателями, были согласны, что налоги следует согласовывать с налогоплательщиками. Разница была в подходах. Будущие беженцы в

По логике колонистов, налоги не обсуждают с теми, кто захвачен, кто подчинен силой оружия, кто не имеет права голоса

Канаду искали возможность создать новую процедуру в рамках уже работающих имперских механизмов. Будущие отцы-основатели считали Лондон недоговороспособным. Как осторожно предполагает историк, парламент в Лондоне в самом деле допустил ошибку, отказавшись пересматривать свое решение. Если бы Лондон одобрил присутствие пред-

ставителей штатов в парламенте, то, вероятнее всего, революция не состоялась бы. Справедливости ради следует упомянуть, что новые налоги не были совсем беспочвенными. Налоги были введены для компенсации затрат Британской империи на защиту колоний от французской угрозы. С 1754 по 1763 год Британия и Франция воевали друг с другом за право распоряжаться

просторами Северной Америки. Джордж Вашингтон, будущий главнокомандующий американской армией и первый президент республики, получил свой начальный боевой опыт именно на этой войне. Ему было едва за двадцать, и его первый бой состоялся с отрядом французского посла, который вез британцам предложение о мире. Когда посол и его люди были убиты, среди их документов нашли предложение мира. Джордж Вашингтон очень хотел воевать, а французский посол не успел сообщить ему о своей миссии.

Девять лет маневров на краю света обошлись Лондону недешево. Перевоска армий через океан, снабжение, неизбежные дополнительные траты — необходимость введения новых налогов казалась очевидной для каждого. Кто-то должен был заплатить за безопасность. Лондон был уверен, что американцы ценят его услуги и понимают, сколько стоят маневры регулярной армии. Но он ошибся. У американцев было другое видение вопроса.

Для американцев проблема была в том, что новые налоги не обсудили с ними. Ни объем, ни способ взимания. Для британских подданных, которыми себя считали американцы, право публичного обсуждения налогов было в том числе и частью идентичности. Британцы обсуждали налоги в парламенте уже несколько столетий. По логике колонистов, налоги не обсуждают с теми, кто захвачен, кто подчинен силой оружия, кто не имеет права голоса. Отказ Лондона пересматривать свои решения указывал жителям колоний на неравенство с британцами, и это было оскорбительно. Почему житель Бостона, который говорит на том же языке, что и житель Бристоля, и является подданным того же монарха, лишен голоса в таком принципиальном вопросе? Отказ признавать равенство был слишком прямым и открытым, чтобы его можно было игнорировать. На этом фоне защита от французов, на которой настаивала империя, была не так важна. Защита при отсутствии прав на обсуждение налогов выглядела двусмысленно. В конце концов, быть может, не обсуждать свои налоги у французского короля выйдет дешевле? С

точки зрения жителей колоний, необходимость обсуждения была связана в том числе и с тем, что налогообложение без обсуждения уязвимо для злоупотреблений. Кто знает, на что пойдут не обсужденные налоги в следующий раз? Из истории известно, что постройка дополнительно дворца или война ради удовольствия коронованной особы нередко выступают в качестве оснований для утяжеления налогового бремени. К тому же не следует упускать из виду, что английская гражданская война 1642–1652 годов, в ходе которой парламент и король выясняли, кто и как имеет право собирать налоги, была общим местом для всех, кто мог читать на английском. Где гарантии, что очередное необоснованное налогообложение не случится завтра? Налог без обсуждения предполагает уровень доверия к властям, который вряд ли возможен. В этом смысле Лондон переоценил доброту своего имени и недооценил память о своих прошлых промахах.

Даже счастье, стремление к которому гарантировано американской конституцией, подразумевает контроль за своими налогами

И далее, во время Войны за независимость, и после, во времена первых президентов, когда сторонники революции говорили о своих свободах и осуждали тиранию, они имели в виду возможность распоряжаться своими налогами. В их словаре власть была тиранической, если налоги собирались и расходовались без согласования с теми, кто их платит. Свобода означает, что налог обсужден и находится под контролем налогоплательщика. На этом, как кажется, рассуждения о свободе заканчиваются. Все остальные потенциальные блага жидились на возможности контроля за своими налогами. И даже то самое счастье, стремление к которому гарантировано американской конституцией, в первую очередь подразумевает контроль за своими налогами. Американская версия счастья — это ситуация, когда твои налоги с тобой обсуждены и израсходованы прозрачно в твоих же интересах. Звучит удивительно легко. Легкость отличает американские дискуссии о будущем от российских. Российская повестка сложнее и тяжеловеснее. Чтобы разобраться с налогами, достаточно взять счета. Условные отцы-основатели так и сделали и в результате многого добились. Чтобы разобраться с российскими повестками, нужно погружение в непроглядную толщу континентальных метафизик.

Кровные узы были тогда важнее, чем подданство и вероисповедание

О сравнительной легкости американского конфликта можно прочитать в книге историка Юдит ван Бускирк «Щедрые враги» (Judith L. Van Buskirk. Generous Enemies. Patriots and Loyalists in Revolutionary New York), вышедшей в 2002 году. В книге тщательно и с большим вниманием собраны факты, которые показывают, насколько Война за

Йоханнес Адам Симон Ортел (Johannes Adam Simon Oertel). Свержение статуи Георга III. Ок. 1859

независимость не была войной в постсоветском смысле слова. Сторонники короля и сторонники республики убивали друг друга на поле боя, но автора не интересует поле боя: ее интересует все, что происходило вокруг. С ее точки зрения, происходящее вокруг значит многократно больше. Автор анализирует, что стало с семейными связями, торговыми отношениями и правилами приличия в ситуации глубокого политического раскола и войны, которая длилась долгие семь лет. Сравнивая, она приходит к выводу, что связи, отношения и правила остались в силе, несмотря на обычные ужасы военного противостояния. В книге описан Нью-Йорк — главная военная база Британской империи в Северной Америке. С началом войны жители города ожидаемо разделились на сторонников короля и сторонников республики. Лоялистов в городе было заметно больше, чем в других городах, но не по причине симпатий к монархии. При всех ее недостатках монархия давала возможность городу расти и набирать обороты. Процветающий торговый Нью-Йорк в первую очередь заботился о своих насущных экономических интересах, среди которых стабильность и предсказуемость были на первых местах. Прыгать во тьму неизвестности вместе со сторонниками республики было ему не с руки. Республиканские мечты Томаса Джефферсона, чей образ жизни был ближе к французским аристократам, чем к торговцам,

привлекали Нью-Йорк не так уж сильно. Представители города на конгрессе дольше и громче сомневались в разумности выхода из империи. На подписанную в июле 1776 г. Декларацию о независимости Нью-Йорк в ноябре того же года ответил Декларацией о зависимости. 547 жителей города поставили свои подписи под документом, который был выражением «рвения сохранить и поддержать конституционное превосходство Великобритании над колониями». В первой десятке подписавших были наиболее влиятельные фамилии Нью-Йорка. При этом, как замечает автор, подписание деклараций — и зависимости, и независимости — было само по себе скорее вынужденным жестом. Жители Нью-Йорка, заботясь о своих доходах и имуществе, предпочитали откладывать на самый поздний срок свои публичные заявления о том, к какому лагерю они собираются примкнуть. В город непрерывным потоком ехали лоялисты из мест, занятых сторонниками республики. В городе стояла армия, в которой многие говорили на немецком, поскольку были наемниками из Гессена. За все время войны самым пышным и обсуждаемым событием в жизни города стало прибытие 13 сентября 1781 года принца Уильяма Генри, сына короля Георга III. Визит члена королевской семьи был воспринят как обещание монарха продолжать войну до тех пор, пока силы сторонников республики не будут разбиты. Шестнадцатилетний герцог Глостерский и Эдинбургский свободно и безопасно прогуливался по городу, чествовал солдат и горожан. Юдит ван Бускирк приводит цитату из городской газеты: «Удовлетворение, которое испытывал каждый лоялист, было очень заметно при встрече с членом королевской семьи». Британская армия эвакуировалась из города через два года, в ноябре 1783-го. Ни сами британцы, ни жители Нью-Йорка, ни республиканцы не верили, что такое возможно. Соотношение сил было слишком неравным, и шансы у республики были крайне малы. Тем не менее, как утверждает автор, городу понадобилось примерно двенадцать месяцев, чтобы принять новую ситуацию. Уже через год сторонники республики и сторонники короля, оставшиеся в городе, могли встречаться публично. Еще через несколько лет началось неспешное возвращение уехавших в Канаду и Англию. И даже браки с бывшими британскими военными, решившими остаться, перестали вызывать сколь-нибудь заметные возражения. Почему так получилось? Автор утверждает, что связи между американцами никогда не разрывались, несмотря на кровопролитие и усилия обеих пропаганд. Семейные и торговые узы, подкрепленные правилами приличия, ставившими во главу угла умеренность, помогли американским сетям знакомств сохраниться, невзирая на политические разногласия.

Во время войны сторонники короля и сторонники республики охотно использовали свои связи «на той стороне», чтобы уладить домашние дела и даже кое-что заработать на контрабанде, которая откровенно

В XVIII веке кровные узы были важнее, чем подданство и вероисповедание

процветала. Все потому, считает автор, что в XVIII веке кровные узы были важнее, чем подданство и вероисповедание. Судьбу человека во многом — если не во всем — определяли семья и брак. Политические идентичности прилагались к доставшимся от кровно близких. Во многих семьях были и роялисты, и республиканцы, и после мирного договора восстановление общения обычно проходило очень легко именно потому, что семья была выше партий. Само устройство общества в кон-

*Демонстративное
уважение
к другой стороне
было важным общим
местом этой войны*

це восемнадцатого века делало маловероятной ситуацию, когда семья проигрывала взглядам. Случай Бенджамина Франклина, который разорвал общение со своим сыном Уильямом, выбравшим короля, был исключением. Франклин, с явным удовольствием проживший в Лондоне десять лет подряд, был слишком уязвим для кри-

тики со стороны политических конкурентов и вынужден был заявить о разрыве отношений. Что, правда, не помешало ему оставить в наследство сыну-лоялисту часть своей недвижимости на канадских территориях. У непубличных фигур таких проблем не возникало. Автор приводит множество примеров того, с какой регулярностью близкое и иногда дальнее родство брало верх над политической игрой.

Отдельно следует упомянуть правила приличия, которые устанавливали границы допустимого насилия. Как считает автор, они были важным условием такого скорого гражданского примирения. Когда стало ясно, что война неизбежна, в Нью-Йорке случился книжный бум: горожане искали книги, желая узнать, как себя вести в военное время. Самой популярной стала биография шведского короля Густава II Адольфа, в которой много внимания уделялось его великодушию в самые тяжелые моменты Тридцатилетней войны. Согласно биографии, король, будучи добрым верующим, относился к врагам с уважением, был с ними по-протестантски строг и по-христиански справедлив. Демонстративное уважение к другой стороне было важным общим местом этой войны. Юдит ван Бускирк рассказывает историю, как во время эвакуации один из самых активных нью-йоркских лоялистов, Эндрю Эллиот, уже сев на корабль, написал Джорджу Вашингтону письмо с просьбой позаботиться о дочери, оставшейся в городе. Вашингтон, приняв необходимые меры, ответил, что дочь лоялиста находится в полной безопасности и ей ничто не угрожает. И кроме того, заметил, что на улицах, несмотря на полную смену власти, нет ни беспорядков, ни преследований. Вашингтону было важно показать, что сторонники свободы ценят порядок не меньше, чем лоялисты.

На сайте журнала «Профиль» 13 июня 2023 г. появилась статья известного политолога, научного руководителя факультета мировой экономики и политики НИУ ВШЭ Сергея Караганова под заголовком «Применение ядерного оружия может уберечь человечество от глобальной катастрофы». Одновременно она была опубликована в журнале «Россия в глобальной политике». Профессор Караганов пишет, что Россия должна первой нанести ядерный удар по странам НАТО. Редакция «Новой газеты» обратилась к одному из ведущих специалистов по проблемам безопасности и разоружения, академику РАН Алексею Арбатову, с просьбой оценить идею Караганова и аргументы, которыми он ее снабдил.

«Упреждающий удар возмездия»*

Валерий Ширяев: Алексей Георгиевич, каково ваше отношение к мыслям, высказанным в колонке журнала «Россия в глобальной политике» Сергеем Карагановым? Его идея о необходимости нанести превентивный ядерный удар взбудоражила всех, кто следит за конфликтом в Украине. Я его статью на ночь читал, могу сказать — волосы дыбом встали.

Алексей Арбатов: Сергей Александрович не первый раз выступает с подобными «сильными» заявлениями. Но на этот раз он уже прямо написал то, о чем длительное время, особенно после начала спецоперации в Украине, говорил полунамеками. В большой степени статья рассчитана на эффект, который вы описали как «волосы дыбом встали». Он опять оказался в центре обсуждения СМИ, на что, наверное, расчет и делался.

Что же касается сути, то вполне вероятно, что это не личное мнение исключительно профессора Караганова. Статья может выражать точку зрения определенной части политической элиты. Мы не раз видели выступления с подобными мыслями на государственном телевидении в ходе различных политических шоу и интервью. Их высказывали некоторые высокопоставленные государственные деятели, депутаты парламента, люди, называющие себя «военными экспертами» (зачастую это лжеэксперты).

Алексей Арбатов,
политолог, член
Российской академии наук

* Новая газета. 19 июня 2023 г. <https://novayagazeta.ru/articles/2023/06/19/uprezhdaiushchii-udar-vozmездii>

В профессиональном отношении статья ниже критики. Чего стоит, например, псевдогуманное предложение предупредить соотечественников и «людей доброй воли», находящихся возле мест предполагаемых ядерных ударов, чтобы они успели эвакуироваться?

Мы что, пошлем туда миграционную службу определять, где соотечественники? А к «людям доброй воли», по идее, должны обратиться священники, может, патриарх назначит специальную делегацию?

В отличие от стратегических сил, тактическое оружие не поддерживается в высокой боеготовности и на своих каждодневных позициях весьма уязвимо

К тому же это было бы прямым заблаговременным предупреждением противника о месте и времени предполагаемых ядерных ударов. Таким образом, мы «пригласим» НАТО нанести упреждающий удар по всем местам, откуда может исходить вероятность атаки, — хранилищам тактического ядерного оружия, ремонтно-техническим базам, объектам дислокации его носителей. В отличие от стратегических сил, тактическое ору-

жие не поддерживается в высокой боеготовности и на своих каждодневных позициях весьма уязвимо.

Профессор Караганов утверждает, что он много лет занимался ядерной стратегией и знает способ «минимизировать» риск ответного ядерного удара противной стороны. Так пусть он поделится своим секретом с нашим Генштабом, который много десятилетий пытается решить эту задачу, равно как и Пентагон.

Если Сергей Александрович, как он пишет, долго занимался данным предметом, то должен бы знать, что «снизить риск» можно только путем разоружающего первого удара и отражения ответного залпа оборонительными средствами. Но ни у одной стороны нет такой возможности. Переговоры и соглашения в течение последних пятидесяти лет закрепили это положение на пониженных уровнях ядерных потенциалов. В этом суть стратегической стабильности.

— *А что вы думаете о политических рассуждениях?*

— Политические разделы статьи сумбурны и излишне пафосны. Не принимать же всерьез заявку на высокую философию, вроде божественного происхождения ядерного оружия (разве только как часть всего сотворенного Богом). Как пишет Караганов, Создатель вручил его людям, чтобы удержать их от большой войны! Тогда непонятно, почему Бог дал его американцам на четыре года раньше, чем русским. А еще на четверть века наградил США сначала недосыгаемостью, а затем огромным ядерным превосходством над Советским Союзом.

Кстати, если божественное предназначение ядерного оружия в поддержании мира, зачем профессор призывает его отвергнуть и развязать ядерную войну? Как-то тут концы с концами не сходятся...

— За плечами у вас богатая жизнь и карьера. Встречали ли вы взгляды, схожие со статьей Караганова в других странах?

— В тех кругах, с которыми я контактировал, как правило, придерживаются гораздо более высокого профессионального уровня в обсуждении темы. Между прочим, и работы Караганова в прошлом отвечали более высоким стандартам. Ведь речь о серьезных сюжетах: стратегические доктрины, системы ядерного оружия, переговоры о сложнейших соглашениях в этой сфере. В таких дискуссиях обычно строго соблюдают правила логики, даже если она вызывает споры. В профессиональных кругах не принято перескакивать с религиозных тем на военно-технические, а с них — на нравственные атрибуты той или иной цивилизации. От моральных пороков, как я понимаю, Сергей Александрович тоже предполагает «излечить»

*Политические разделы
статьи сумбурны
и излишне пафосны*

Запад с помощью ядерного оружия, раз этому посвящена вся статья.

Что же касается самой острой темы — возможности выживания в ядерной войне, — такие теории на Западе были в самые острые периоды холодной войны:

- Поначалу, во времена Трумэна, когда у СССР еще не было серьезного ядерного арсенала, США могли нанести удар и избежать уничтожения.

- Позже, в 50-е годы, у них сохранялось огромное ядерное превосходство и возможность осуществления разоружающего ядерного удара и ограничения своего ущерба до приемлемого уровня. Потом СССР добился стратегического паритета, начались переговоры об ограничении ядерных вооружений.

- В период Рейгана, в начале 80-х годов, была сделана последняя попытка сломать паритет и вернуть ядерное превосходство США, но это закончилось неудачей.

И сейчас в США есть школа военной мысли, продвигающая идеи ограниченной ядерной войны — «ниже» уровня стратегического паритета. Там отстаивают необходимость создания соответствующих концепций и вооружений для противодействия превосходству России в тактическом ядерном оружии, о возможности сокращения которого красочно («хрен им!») высказался российский президент на Питерском форуме. Конечно, таким западным концепциям можно возражать, но это намного труднее, чем спорить с профессором Карагановым.

— В журнале «Россия в глобальной политике» есть главный редактор, коллектив. При чтении статьи создается впечатление, что это не единоличное мнение автора.

— Этот журнал задуман и основан лично Сергеем Карагановым. Он долгое время и, наверное, поныне является его неформальным руководителем. В журнале публикуется много действительно серьезных, профессиональных материалов по военным, политическим и экономическим

вопросам. Я рекомендую его к чтению как минимум для того, чтобы иметь представление об обоснованных мнениях, независимо от того, совпадают они с вашим или нет.

Но обсуждаемая статья к таким материалам не относится. Это, без сомнения, *faux pas* (опрямительный поступок. — *В. Ш.*), изрядный удар по репутации издания. Я допускаю, что материал Караганова не отражает мнения ни главного редактора, ни редколлегии. Видимо, профессор просто воспользовался своим неформальным влиянием и ему возражать не стали.

Впрочем, несомненно, что им удалось привлечь к себе большое общественное внимание и они на время оказались прямо в его центре. Я лично считаю, что для этого не все средства хороши.

— *Насколько высока вероятность, что эта статья согласована наверху как политический шаг?*

— Я не исключаю, что есть люди, исповедующие и такую точку зрения. Но все наши официальные заявления и концепции, имеющие отношение к внешней и военной политике, ей прямо противоположны. Можно вспомнить подпись России под заявлением «Большой пятерки» постоянных членов Совбеза ООН в январе 2022 года о том, что «в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана». Кстати, именно Москва и Вашингтон сформулировали эту сакраментальную сентенцию в 1986 году, и она, несомненно, стала еще более актуальна в наше время.

В том же духе выдержаны многочисленные заявления Путина, Лаврова и Шойгу с Герасимовым. Эти официальные высказывания прямо противоположны тому, что отстаивает профессор Сергей Караганов, включая заявление президента на Питерском форуме о возможности применения ядерного оружия. Существуют ли во власти какие-то подводные течения по этому вопросу, можно только гадать. Во всяком случае, каждый имеет право на свою точку зрения, даже если она отличается от официальной. Лишь бы она была фундаментально обоснована и логично аргументирована. И в этом главная проблема обсуждаемой статьи.

TABLE OF CONTENTS

No. 3 (90) 2023

TO THE READER

How to Get Along
Lena Nemirovskaya 5

FEATURE ARTICLE

Ukraine's Place in the New World
Disorder. The Global Rebellion Against
the United States
Fiona Hill 8

Save the Prisoners,
Resist Blocking YouTube
Dmitry Muratov 19

THE WAR DIARIES

Interview: Ralph Fiennes on the War
in Ukraine and Cancel Culture
Mikhail Zygar 25

HISTORY AND IDEOLOGY

The War's Long Shadow
Valdis Birkavs 39

HISTORIC EXPERIENCE

The Ural Republic: Something We Don't
Like to Remember
Sergei V. Moshkin 49

An Outdated Country
Vladislav Inozemtsev 65

MILESTONES

Address at the Award Ceremony
in Stockholm
Lev Shlosberg 82

CIVIC SOCIETY

Meeting with Adam Michnik 89

HORIZONS OF UNDERSTANDING

The Real Crisis of the Church
Vladimir Zelinsky 100

Jesus never said, "Blessed are those
who go to war." Not once
Tatiana Rybakova 106

PREVIEW

The Power and the Story
John Lloyd 113

BOOKS

The Inverted Bolshevik
Andrey Simbirtsev 119

The Counterpoint
Maxim Goryunov 123

NOTA BENE

A Pre-Emptive Revenge Strike
Valery Shiryayev 131

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Наши авторы:

Валдис Биркавс

Михаил Блинкин

Алекс Вайтинг

Марк Гамза

Максим Горюнов

Василий Жарков

Дайнюс Жалимас

Томаш Зарицкий

Кирилл Коротеев

Джойс Куаови

Арндт Фрейтаг фон Ларингхофен

Михаэль Мертес

Адам Михник

Александр Морозов

Натали Нугайред

Рене Ньюберг

Никита Петров

Михаил Савва

Андрей Симбирцев

Андрей Стрижак

ISSN 2592-897X